

Horace
WALPOLE
1717 – 1797

Гораций
УОЛПОЛ

Замок Отранто

Готическая повесть

АЗБУКА

Санкт-Петербург
2011

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
У 63

Перевод с английского В. Шора

Оформление обложки В. Гореликова

© В. Шор (наследник), перевод, 2011
© С. Антонов, статья, комментарии, 2011
© В. Пожидаев, оформление серии. 1996
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2011
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-01398-8

ПРИЗРАК В ДОСПЕХАХ, или Взгляд на готические игрушки сквозь готические стекла

Имя английского писателя Горация (Хорэйса) Уолпола (1717–1797) и название его единственного романа большинство современных читателей, скорее всего, знают разве что понаслышке. Зато им едва ли покажутся незнакомыми общепринятые жанровые характеристики этой книги: готический роман, роман ужасов, *horror story*. И действительно, это произведение стало отправной точкой в истории так называемой готической литературы — обширной области беллетристики, которая получила (под именем литературы «тайны и ужаса») многоплановое и впечатляющее развитие в художественной прозе двух последних столетий и обзавелась собственной галереей культовых авторов (от Эдгара Аллана По и Брэма Стокера до Говарда Филлипса Лавкрафта и Стивена Кинга), широким кругом верных поклонников и ревностных адептов, не менее разветвленной сетью кинематографических аналогов и внушительным фондом серьезных научных исследований. Кстати, двоим из упомянутых прозаиков — а именно Лавкрафту в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» и Кингу в книге «Пляска смерти» — также случилось выступить (с разницей в полвека) в роли историографов и теоретиков «страшного» жанра, и если второй из них лишь бегло упомянул роман Уолпола, констатируя его классический статус¹, то первый посвятил «Замку Отран-

¹ См.: Кинг С. Пляска смерти / Пер. О. Колесникова. М., 2007. С. 306.

то» несколько страниц своего труда, на которых высказал суждения, далекие от комплиментарных. По мнению Лавкрафта, эта книга представляет собой «довольно посредственную и неубедительную вещь», «рыхлый, искусственный и претенциозный сюжет» которой дополняется «светским и будничным тоном, не позволяющим автору создать настоящую атмосферу ужаса». Рассказанную Уолполом историю он аттестовал как «занудную, манерную и начисто лишенную вселенской жути» — и вместе с тем не мог не признать, что этому роману, несмотря на его «внутреннюю несостоятельность», «довелось оказать почти беспрецедентное влияние на литературу ужасов»¹. В этой прохладной оценке, без сомнения, сказалась пристрастность Лавкрафта-критика, который смотрел на открытый Уолполом жанр в известной мере «изнутри», глазами Лавкрафта-прозаика, обладавшего собственными (по определению иными, чем у писателя XVIII века) взглядами на сюжет, стилистику и эмоциональный колорит подлинно готического повествования. Впрочем, чуть дальше автор эссе все же отдает должное художественным находкам Уолпола, которые стали важнейшими образно-смысловыми парадигмами упомянутого жанра (подробный разговор о них у нас еще впереди).

Роман, явившийся родоначальником столь популярной ныне разновидности литературы, сыграл особую роль и в культурной судьбе самого автора. Человек разносторонних способностей и интересов, Гораций Уолпол был весьма примечательной фигурой в общественной, интеллектуальной и литературной жизни Англии XVIII столетия задолго до публикации «Замка Отранто» и не мог не остаться в исторической памяти британской и европейской культуры — хотя бы благодаря своему уникальному эпистолярному наследию (полное

¹ Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе / Пер. И. Богданова и О. Мичковского // Лавкрафт Г. Ф. Зов Ктулху. М.: СПб., 2010. С. 561—563.

комментированное издание которого, осуществленное в XX веке, растянулось на несколько десятков лет и составило 48 томов). Эта обширнейшая и интереснейшая переписка с поэтами, государственными деятелями, учеными и философами века Просвещения представляет собой настоящий «портрет эпохи, выполненный с потрясающим литературным мастерством» и «несопоставимый ни с одним другим современным ему источником, принадлежащим индивидуальному авторскому перу»¹. И все же именно благодаря «Замку Отранто» Уолпол вошел в историю словесности не только как талантливый литератор-интеллектуал (*man of letters*), но и как *писатель*, давший начало новой, исключительно продуктивной форме повествовательной прозы.

Гораций Уолпол был потомком старинного аристократического рода, младшим сыном сэра Роберта Уолпола — премьер-министра Великобритании от партии вигов в 1721—1742 годах, печально знаменитого своей коррумпированностью политика, запечатленного в «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта в резко сатирическом образе первого министра Лилипутии Флимнапа. Высокое общественное положение отца вкупе со знатым происхождением открывало перед Уолполом завидные социальные возможности, в перспективе обещающие успешную юридическую, административную или политическую карьеру; и события первых трех десятилетий его жизни, казалось бы, предвещали именно такое будущее. Он получил классическое образование в престижном Итонском колледже, а затем в Кингз-колледже Кембриджского университета, в 1739—1741 годах совершил (вместе со школьным другом, впоследствии знаменитым поэтом сентиментального направления Томасом Греем) традиционное для юного английского аристократа «большое путешествие» на континент,

¹ *Spector R.D.* The English Gothic: A Bibliographic Guide to Writers from Horace Walpole to Mary Shelley. Westport (Conn.); L., 1984. P. 84.

в 1737 году по протекции отца обзавелся синекурой в казначействе, а в 1741-м — местом в парламенте. Однако, в отличие от деятельного, прагматичного, погруженного в перипетии текущей общественно-политической жизни Роберта Уолпола, Гораций был до известной степени созерцательной, даже мечтательной натурой — что нашло выражение в соответствующем «неутилитарном» характере интересов и занятий молодого аристократа. Его духовные и умственные запросы с ранней юности лежали в сфере изящных искусств, истории, литературы, и знакомство с выдающимися художественными памятниками Франции и Италии во время путешествия на континент как нельзя более способствовало развитию подобных склонностей. При этом эстетические предпочтения Уолпола постепенно все заметнее сдвигались в область исторического прошлого, а точнее, английского и европейского Средневековья — отчасти в силу его биографически объяснимого интереса к собственной родословной (и, шире, к генеалогии и геральдике знатных фамилий), отчасти под влиянием восхищенного старинной архитектурой Томаса Грея. Унаследовав после смерти отца (1745) немалое состояние и занимая несколько весьма доходных должностей, он вскоре смог реализовать свои пристрастия в зримом и впечатляющем художественном проекте, который на протяжении многих десятилетий был известен широкой публике гораздо больше, чем самые значительные из его сочинений.

В 1747 году Уолпол арендовал, а спустя два года приобрел в собственность поместье, расположенное в живописной местности на берегу Темзы, близ городка Туикенхэм (ныне это район на юго-западе Большого Лондона), и названное им Строберри-Хилл («Земляничный холм»). Это решение биографы считают поворотным моментом в судьбе Уолпола, событием, которое придало его комфортному, спокойному и размеренному существованию эмоциональную полноту и осмысленность, подарило ему его «главную жизненную

страсть»¹. В январе 1750 года он написал своему другу, британскому послу в Тоскане сэру Хорэйсу Манну, что собирается построить в Строберри-Хилл «маленький готический замок»², — и последующие два десятилетия его жизни были посвящены осуществлению упомянутого замысла. За это время доставшееся Уолполу «бесформенное асимметричное строение, с архитектурной точки зрения лишенное всякого интереса»³, постепенно трансформировалось в неоготический замок-особняк с круглой башней, часовней, винтовыми лестницами, витражами, резными потолками, лепными каминами, старинной мебелью и увешанными средневековым оружием стенами. Вместе с тем конструкция и облик пересозданной усадьбы оказались весьма далеки от канонов средневекового замкового зодчества; напротив, в планировке и отделке ее помещений переплелись приметы нескольких культурных эпох, эклектично соединились элементы различных в стилистическом и функциональном отношении построек, превратившие Строберри-Хилл, по выражению одного исследователя, в «причудливое собрание аналогий»⁴: двери обрели сходство с церковными порталами, внешний вид одного из каминов был скопирован с надгробия из Вестминстерского аббатства, а антураж столовой — с монастырской трапезной. По-видимому, эта пестрота была намеренной — во всяком случае, в иллюстрированном описании своего поместья, опубликованном в 1774 году, Уолпол прямо заявил о стремлении совместить «старинный дизайн интерьеров и наружного облика» с «современным убранством» и признался, что «вовсе не имел в виду сде-

¹ Ketton-Cremer R. W. Horace Walpole. L., 1964. P. 109.

² The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence: In 48 vols / Ed. by W. S. Lewis et al. New Haven; L., 1960. Vol. 20. P. 111.

³ Ketton-Cremer R. W. Op. cit. P. 112.

⁴ Ames D. S. Strawberry Hill: Architecture of the «as if» // Studies in Eighteenth-Century Culture. 1979. Vol. 8. P. 352.

лать свой дом столь готическим, чтобы исключить этим благоустроенность и преимущества современной роскоши»¹. Создатель замка Строберри-Хилл был одновременно и его жителем, и очевидно, что «наряду с умелой стилизацией „под старину“ его заботила еще и проблема комфорта, приспособленности помещений для жизни человека, привыкшего к удобствам просвещенного века»². Старинные монеты, декоративные раковины, статуэтки, гербы, девизы, доспехи, оружие и прочие артефакты материальной культуры прошлого, заядлым собирателем которых он был, мирно сосуществовали в его сознании — и, соответственно, в его жилище — с достижениями прогресса цивилизации. Продолжительную реконструкцию усадьбы и постоянное пополнение своей коллекции антиквариата Уолпол умудрялся сочетать с созданием ученых трудов на различные темы, участием в работе парламента, светским и дружеским общением, активной перепиской и даже с издательской деятельностью: в 1757 году он оборудовал в замке небольшую частную типографию «Строберри-Хилл-пресс», первыми публикациями которой стали пиндарические оды Грея «Успехи поэзии» и «Бард». Позднее в этой типографии были напечатаны сочинения Джозефа Спенса, Ханны Мор и многих других авторов, а также ряд книг самого Уолпола — в том числе «Мимолетные наброски в стихах и прозе» (1758), «Каталог английских писателей королевского и аристократического происхождения» (1758), «Рассказы об английской живописи» (1762—1771) и примыкающий к ним «Каталог гравировальщиков, родившихся и проживающих в Англии» (1763), «Описание усадьбы мистера Уолпола в Строберри-Хилл

¹ *Walpole H.* A Description of the Villa of Mr. Walpole at Strawberry Hill near Twickenham, Middlesex // *The Works of Horatio Walpole, Earl of Orford*: In 5 vols. L., 1798. Vol. 2. P. 397.

² *Креленко Н. С.* Историческая тема в английском предромантизме // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. М., 2002. Вып. 9. С. 161.

возле Туикенхэма, Миддлсекс» (1774), «Опыт о современном садоводстве» (1785) и «Иероглифические сказки» (1785). В свою очередь, стараниями лондонских издателей в разное время (подчас уже после смерти автора) увидели свет другие произведения Уолпола — «Замок Отранто» (1764), «Исторические сомнения касательно жизни и царствования короля Ричарда III» (1768), извлечения из уже упоминавшейся переписки, а также «Воспоминания о последнем десятилетии царствования Георга II» (1822) и «Воспоминания о царствовании короля Георга III» (1845).

В детальном и красочном описании своего замка (очень скоро ставшего объектом туристического паломничества) Уолпол утверждал, что это «небольшое причудливое строение» было призвано удовлетворить *его собственный* вкус и реализовать его *личные* художественные фантазии¹. Вместе с тем эти индивидуальные эстетические пристрастия владельца Строберри-Хилл, несомненно, являют собой выразительный пример того «выгораживания идеального пространства»², которое совершалось в культуре зрелого и позднего Просвещения и подготавливало культ творческого воображения, восторжествовавший в искусстве европейского романтизма. В подчеркнуто ретроспективном характере интересов Уолпола, в его антикварных и археологических увлечениях, генеалогических штудиях и неоготических архитектурных экспериментах читается свойственная его времени «потребность перенесения эстетической и эмоциональной жизни в идеальную сферу прошлого»³, в неясную и потому заманчивую даль минувших столетий, — потребность, из которой чуть позднее родился

¹ См.: *Walpole H.* A Description of the Villa of Mr. Walpole at Strawberry Hill near Twickenham, Middlesex. P. 398.

² *Хейзинга Й.* Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры / Пер. В. В. Ошиса // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 214.

³ Там же.

романтический историзм. Это новое, стихийно складывавшееся мироощущение исподволь подтачивало раннепросветительскую философию истории и, в частности, идеологически тенденциозную трактовку Средних веков как периода варварства и темных суеверий, как досадного отклонения с пути поступательного развития цивилизации. Уже в середине столетия эта негативная оценка, унаследованная просветительской мыслью от гуманистов Возрождения, сменяется все более пристальным вниманием к артефактам культуры Средневековья, а подчас и восторженным преклонением перед его «романтическим» духом. Важнейшие художественные явления этой эпохи — готический стиль в архитектуре, который не раз подвергался резким нападкам со стороны теоретиков классицизма, и обширное фольклорно-литературное наследие Средних веков, традиционно обозначавшееся в Англии собирательным термином *гомпансе* и долго пребывавшее во мраке забвения, — удостоиваются ценностного пересмотра и культурной реабилитации. В лексиконе лорда Шефтсбери, идеолога раннего Просвещения, готическое — это «нечто ложное, чудовищное», «покинувшее во всем путь Природы, бедные остатки от времен странствующих рыцарей», «глупый дух куртуазности»¹; по мнению критика-классициста Джозефа Аддисона, создатели готических соборов, «неспособные приблизиться к прекрасной простоте древних греков и римлян», стремились «заменить ее всеми нелепостями расстроенного воображения»². Однако в 1762 году епископ Ричард Хёрд в трактате «Письма о рыцарстве и средневековых романах» вступил в пря-

¹ *Шефтсбери*. Моралисты. Философская рапсодия, состоящая в рассказе о некоторых беседах на темы природы и морали / Пер. Ал. В. Михайлова // Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975. С. 87, 88.

² [Аддисон Дж.] «Спектейтор» / Пер. Е. С. Лагутина // Из истории английской эстетической мысли XVIII века: Поп. Аддисон. Джерард. Рид. М., 1982. С. 117.

мую полемику с этим тенденциозным толкованием готического искусства: последовательно разграничив две художественные манеры — «героическую» (классическую) и готическую, он с энтузиазмом высказался в пользу второй и предложил рассматривать ее не как уродливое искажение принципов античной красоты, а как оригинальный стиль, который может и должен оцениваться по его собственным эстетическим законам¹. Как и Аддисон, Хёрд употреблял термин «готика» расширительно, активно применяя его к явлениям литературы (в частности, к фантастическим сюжетам и образам поэзии Ариосто, Тассо, Спенсера и Мильтона), но, в отличие от критика-классициста, для которого готическое было синонимом ложного, искусственного, нелепого и претенциозного, он вкладывал в это слово нейтральный или отчетливо позитивный смысл. Несколько раньше о выразительной «иррегулярности» и «готическом очаровании» драматургии Шекспира, которые проявляются особенно ярко «в сценах магии и колдовства» и воздействуют на воображение гораздо сильнее, чем «правильная» красота произведений классического стиля, писал в трактате «Опыт о гении Поупа и его сочинениях» (1756—1782) литературный критик Джозеф Уортон².

Творчество Спенсера, Шекспира, Мильтона вообще подвергается в середине XVIII века серьезной переоценке и переживает своеобразный ренессанс после долгого пребывания в тени иных — классицистских — поэтических авторитетов. При этом в их произведениях особо акцентируются мрачно-трагический или меланхолический колорит, фантастическая сюжетика и странные, таинственные, сверхъестественные образы — та «волшебная манера письма»³, чьи художественные достоин-

¹ См.: *Hurd R. Letters on Chivalry and Romance, with the Third Elizabethan Dialogue.* L., 1911. P. 118.

² См.: [*Warton J.*] *An Essay on the Genius and Writings of Pope.* In 2 vols. L., 1782. Vol. 1. P. 401.

³ [*Аддисон Дж.*] Указ. соч. С. 214.

ства признавали, вопреки своим эстетическим убеждениям, даже классицисты Драйден и Аддисон. Теоретики искусства предромантической поры — Джозеф и Томас Уортоны, Ричард Хёрд, Эдвард Юнг — рассматривают этих авторов в качестве образцовых *оригинальных гениев*, которые следовали в своем творчестве не расщудочным нормам и правилам классической эстетики, не освященным многовековой традицией примерам, а живым, свободным импульсам собственного поэтического воображения. Именно так объясняет природу шекспировского дарования Юнг в трактате «Размышления об оригинальном творчестве» (1759), который немало способствовал скорому утверждению гениального драматурга на вершине британского литературного пантеона¹. Бесценной сокровищницей оригинального творчества была и народная поэзия, яркий и красочный мир песен, легенд, преданий, баллад и героических поэм, который в это время впервые становится предметом внимательного и вдохновенного изучения многочисленных филологов-любителей, коллекционеров древних рукописей, литераторов и переводчиков. Заметной вехой в этом процессе явилось издание в 1765 году «Памятников старинной английской поэзии» — антологии народных песен и баллад, составленной епископом Томасом Перси, знатоком и ценителем англосаксонского фольклора². Обращение к подлинным истокам национальной культуры сочетается с мистификациями и стилизаторством, образцом которых могут служить прозаические «Поэмы Оссиана, сына Фингала» (1761—1765), якобы переведенные с гальского языка, а в действительности

¹ См. подробнее: Аникст А. Эдуард Юнг и его значение в истории шекспировской критики // Шекспировские чтения 1976. М., 1977. С. 140—148.

² Об изучении средневековой литературы и фольклора в Англии XVIII века и, в частности, об антологии Перси подробно см.: Johnston A. Enchanted Ground: The Study of Medieval Romance in the Eighteenth Century. L., 1964.

сочиненные шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном. Лирическая недоговоренность, составляющая основу стиля его поэм и призванная имитировать оригинальный строй поэтического языка древнего барда, удивительно точно соответствовала безыскусной простоте настоящих памятников фольклора — и вместе с тем была созвучна меланхолическим интонациям и настроением английской сентименталистской лирики XVIII века. Этим объясняется необыкновенный успех мистификации Макферсона у читателей и литераторов той поры; к примеру, Гораций Уолпол, познакомившийся с ранней версией поэм еще до их появления в печати, уверился в подлинности «реликвии» и с восхищением писал о том, что ее строки «полны естественными образами и естественными чувствами, которые возникли прежде, чем были изобретены правила, сделавшие поэзию трудной и скучной»¹.

Наряду с готическим и оригинальным в круг важнейших предромантических концептов входит категория *возвышенного* (sublime), актуализированная и перетолкованная в психологическом ключе в «Философском исследовании о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757) английского мыслителя, политического публициста и общественного деятеля Эдмунда Бёрка. Подчеркнуто противопоставленное рационалистическим принципам соразмерности, гармоничности, упорядоченности, ясности и основанной на них категории прекрасного (занимавшей центральное место в классицистской эстетической парадигме), возвышенное в трактовке Бёрка предполагает упразднение строгих пропорций, четких линий и резко очерченных границ. Идея возвышенного связана с представлениями об огромности, неопределенности, вечности и бесконечности, с «отрицательными состояниями» пустоты, темноты, неизвестности, одиночества и безмолвия. Подобные со-

¹ The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence. New Haven; L., 1951. Vol. 15. P. 61.

стояния, а также разнообразные величественные объекты и явления — сумрачный лес, крутые горные уступы, грандиозные архитектурные сооружения, грозно колышущиеся морские волны, низвергающиеся водопады, неистовая игра природных стихий во время непогоды — вызывают, по мысли философа, *смешанное* чувство страха и восхищения (*delight*), отличного от удовольствия (*pleasure*), которое возникает при виде прекрасного. Именно страх Бёрк считал основным источником возвышенного: «все, что каким-либо образом устроено так, что возбуждает идеи неудовольствия и опасности, другими словами, все, что в какой-либо степени является ужасным или связано с предметами, внушающими ужас или подобие ужаса, является источником возвышенного; то есть вызывает самую сильную эмоцию, которую душа способна испытывать»¹. Очевидно, что этой концепции как нельзя лучше отвечает готическая архитектура, которая, по более позднему наблюдению шотландского философа Томаса Рида, «передает нам *идею опасности* благодаря тонкости колонн, высоте крыши, ее весу и большим окнам с маленькими промежутками между ними. Это вызывает тот *ужас*, который порождается видом опасности или страхом перед ней»². Возвышенное, ужасное и готическое в представлениях теоретиков предромантизма являются родственными друг другу концептами и вместе с категориями *живописного*, *оригинального*, *романтического* образуют связный понятийный круг, отмеченный общностью художественных ориентиров и настроений.

В свете этих тенденций, набиравших силу в британском искусстве, эстетике и литературе второй полови-

¹ Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / Пер. Е. С. Лагутина. М., 1979. С. 72.

² Рид Т. Лекции об изящных искусствах / Пер. Е. С. Лагутина // Из истории английской эстетической мысли XVIII века: Поп. Аддисон. Джерард. Рид. С. 309. — Курсив наш. — С. А.

ны XVIII века, средневеково-готические пристрастия Горация Уолпола не только не удивляют, но, напротив, выглядят вполне закономерными, укорененными в самой логике развития культуры английского Просвещения. И роман «Замок Отранто», анонимно опубликованный в Лондоне в конце декабря 1764 года тиражом 500 экземпляров, стал естественным и предсказуемым продолжением авторских увлечений. Эту связь констатировал уже Вальтер Скотт, предпринявший в 1811 году переиздание уолполовского романа и написавший к нему обстоятельное критико-биографическое предисловие; по его словам, Уолпол, «обогащенный множеством сведений, которые дало ему изучение средневековой старины», «решил показать публике образец применения готического стиля в современной литературе, подобно тому как он уже сделал это в отношении архитектуры»¹. И хотя о своих вкусовых предпочтениях автор книги открыто заявил не сразу (подзаголовок «готическая повесть» появился лишь во втором издании, вышедшем в свет в апреле 1765 года, а при первой публикации «Замок Отранто» именовался просто «повестью»), ее эстетическая и литературная новизна была налицо. Необычным выглядело уже название, решительно не похожее на традиционные «авантюрные» и/или «персонажно-биографические» заглавия романов века Просвещения («Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», «История Тома Джонса, найденыша» и т. п.). Еще более непривычной для рядового читателя 1760-х годов была поэтика книги: «смелое утверждение реального бытия привидений и призраков»² очевидно расходилось с художественными канонами ведущего прозаического жанра эпохи, который отличала разумно постижимая, узнаваемо жизнеподобная, претендовавшая

¹ Вальтер Скотт о «Замке Отранто» Уолпола / Пер. В. Е. Шора // Уолпол Г. Замок Отранто. Казот Ж. Влюбленный дьявол. Бекфорд У. Ватек. Л., 1967. С. 234.

² Там же. С. 239.

на бытовую и психологическую достоверность и социально-историческую актуальность картина мира. Чудесное и фантастическое де-факто не допускались на страницы романов XVIII века и были достоянием других жанров — по большей части поэтических и драматургических, где, как правило, выполняли условно-иносказательные функции; они также невозбранно появлялись в сатирической прозе («Путешествия Гулливера» Свифта, «Кандид» Вольтера), литературных сказках, богословских и дидактических сочинениях. Писатели и критики первой половины столетия, даже признавая возможным изображение чудесного в литературе или на театральной сцене, проявляли в этом вопросе крайнюю осторожность, видели в сверхъестественных силах всего лишь «вспомогательные ухищрения и приемы»¹ и призывали «прибегать к ним как можно реже»². Уолпол демонстративно пренебрег подобными рекомендациями и сделал сверхъестественное полноправной сюжетообразующей единицей своего романа. Фабульную основу его книги составляет непримиримое, драматичное противостояние реального и ирреального, развернутое в величественных интерьерах замка Отранто.

Замок выступает в книге Уолпола в метафорической функции, которая в дальнейшем станет типичной для готической литературы: он «насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого»³, он концентрирует в себе это прошлое и связанные с ним настроения, нравы, обычаи и легенды. «Сама атрибутика замка, его история, его молчаливое свидетельство смены многих поколений, <...> уходящих, но оставляющих в его стенах

¹ [Аддисон Дж.] Указ. соч. С. 94.

² Филдинг Г. История Тома Джонса, найденыша / Пер. А. Франковского. М., 1982. Ч. 1. С. 371.

³ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 394.

свои портреты, доспехи, наконец, могилы, способствуют своеобразной консервации прошлого в его пределах»¹. Помимо этих зримых примет, прошлое присутствует в замке как смутное воспоминание о трагедии, разыгравшейся некогда в его стенах, о тяжком преступлении, совершенном одним из прежних его обитателей. Главный герой книги Уолпола, князь Манфред, — внук преступника, отравившего своего сюзерена Альфонсо Доброго и узурпировавшего его владения. Последствия этого греха сказываются и в настоящем — облеченные автором в архаичную форму рокового предопределения, они детерминируют весь ход событий романа. И Манфреду, и его подданным известно старинное пророчество, гласящее, что «замок Отранто будет утрачен нынешней династией, когда его подлинный владелец станет слишком велик, чтобы обитать в нем». Чтобы сохранить Отранто за своим родом и снять тяготеющее над ним проклятье, Манфред планирует женить своего единственного сына Конрада на Изабелле да Виченца, представительнице боковой ветви законной династии, а когда Конрад внезапно погибает, решает жениться на ней сам. Стремясь любой ценой достичь своей цели, Манфред преследует Изабеллу по подземным коридорам замка, разыскивает ее в окрестных селениях, грозит смертью молодому крестьянину Теодору, который помог девушке скрыться. Однако все попытки героя «переиграть» судьбу безрезультатны — уготованное преступному роду возмездие неотвратимо настигает самого Манфреда и его семью: в финале романа князь убивает свою дочь Матильду, в ревнивом ослеплении приняв ее за Изабеллу, и тем самым собственными руками губит свой род. Появляющийся затем гигантский призрак Альфонсо Доброго восстанавливает права законной династии, торжественно провозглашая Теодора своим потомком и под-

¹ Ладыгин М. Б. Предромантические тенденции в романе Х. Уолпола «Замок Отранто» // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М., 1977. С. 21.

линым владельцем Отрантского княжества. Тщетная борьба человека с роком и олицетворяющие этот рок сверхъестественные силы, которые утверждаются как безусловная реальность и активно влияют на человеческую жизнь, — таковы сюжетно-тематические доминанты книги Уолпола, подхваченные и развитые последующей готической литературой.

При этом первое издание «Замка Отранто» содержало в себе мистификационную установку: изначально Уолпол выдал свой роман за средневековое итальянское сочинение, приписав его авторство некоему Онуфрио Муральто, канонику церкви Св. Николая в Отранто, а сами события книги приурочив к эпохе Крестовых походов. Замок и княжество, ставшие местом действия его «готической повести», Уолпол окрестил по названию города в Южной Италии; позднее, в ноябре 1786 года, в письме к леди Элизабет Крейвен он утверждал, что случайно обнаружил это название на карте Неаполитанского королевства уже после того, как книга была написана, и выбрал из множества других как наиболее звучное и выразительное¹. (Многие исследователи, впрочем, сомневаются в правдивости этого рассказа и высказывают предположение, что название романа и сама игра в «перевод с итальянского» восходят к анонимно опубликованной в 1721 году книге «Тайная история Пифагора», подзаголовок которой гласил: «Переведено с подлинной рукописи, недавно найденной в Отранто»; экземпляр этой книги имелся в домашней библиотеке Уолпола².)

¹ См.: The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence. New Haven; L., 1980. Vol. 42. P. 178.

² См.: Mehrotra K.K. Horace Walpole and the English Novel. A Study of the Influence of «The Castle of Otranto», 1764–1820. Oxford, 1934. P. 11; Summers M. The Gothic Quest: A History of the Gothic Novel. L., 1938. P. 201; см. также новейшую работу, специально посвященную этой теме: Neklyudova M. Pythagorean Mysteries of Otranto: Horace Walpole and «Secret Histories» // The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Stanford, 2007. Part 2. P. 700–712.

В Южной Италии же имели место и те подлинные события, которые, судя по всему, подсказали Уолполу ряд фабульных линий и сюжетных деталей романа. Ключ к этой скрытой исторической канве повествования дал сам автор, обронивший в предисловии к первому изданию скупую фразу о том, что действие книги происходит «где-то между 1095-м и 1243 годами, то есть между первым и последним Крестовыми походами, или немного позже». Обмолвка «немного позже» особенно примечательна: в сюжете «Замка Отранто» действительно просматриваются определенные аналогии с событиями итальянской истории второй половины XIII века, относящимися к концу правления в Сицилийском королевстве германской династии Штауфенов. Своеобразным прототипом князя Манфреда, вероятно, стал носивший это имя внебрачный сын императора Священной Римской империи в 1220—1250 годах Фридриха II Гогенштауфена (1194—1250). В 1258 году, спустя несколько лет после смерти Фридриха и его законного сына и наследника Конрада IV, Манфред — наместник Южной Италии — взшел на престол в обход малолетнего Конрадина (сына Конрада и внука Фридриха II), доверившись ложному слуху о его кончине, и тем самым узурпировал власть в Сицилийском королевстве; в 1266 году он был свергнут братом французского короля Людовика IX Карлом Анжуйским при поддержке папского Рима. Внезапное появление в замке Отранто маркиза Фредерика да Виченца (считавшегося погибшим в Палестине) сюжетно реализует распространенную легенду, согласно которой Фридрих II не умер в замке Фьорентино в провинции Апулия в декабре 1250 года, а на время тайно покинул Италию, удалившись в добровольное изгнание, и позднее должен вернуться и восстановить свои права на престол¹. Эти и некоторые другие

¹ См. подробнее: *Глогер Б.* Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде / Пер. А. Беленькой. СПб., 2003. С. 212—213, 225—231, 258—264.

исторические аналогии, не проявляясь открыто в тексте «Замка Отранто», как бы брезжат за романным сюжетом, отбрасывают на литературный вымысел свет реальных событий европейского Средневековья¹.

Впрочем, подлинный историзм или философский смысл повествования явно занимали Уолпола отнюдь не в первую очередь. Основным предметом творческих интересов писателя, несомненно, было создание особой атмосферы действия, которая отвечала бы прежде всего его личным эстетическим симпатиям и настроениям, экспериментирование с необычным для литературы XVIII века художественным пространством готического замка, с его экзотическим антуражем и рыцарской атрибутикой. По признанию самого автора, сделанному в письме к другу-антиквару, преподобному Уильяму Коулу 9 марта 1765 года, идея романа была подсказана ему сном вполне средневекового содержания: ему однажды пригрезилась гигантская рука в железной перчатке, лежащая на балюстраде высокой лестницы старинного замка². Этот

¹ На переклички истории Манфреда с легендой о Фридрихе II и судьбой его рода впервые указала французская исследовательница А. Киллен. См.: *Killen A.M. Le roman terrifiant ou roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu'en 1840*. P., 1924. P. 5.

² «Однажды утром в начале июня я пробудился от сна, из которого запомнил только, что находился в старинном замке (вполне естественный сон для такой головы, как моя, переполненной готическими историями) и на верхних перилах парадной лестницы видел огромную руку в латной перчатке. Вечером того же дня я принялся писать, не имея ни малейшего понятия, о чем собираюсь рассказывать. Рукопись росла и становилась все дороже моему сердцу; добавьте сюда, что тогда я рад был думать о чем угодно, лишь бы не о политике. Короче, я увлекся этой повестью и закончил ее менее чем за два месяца, причем однажды после чаепития я приблизительно в шесть часов сел за рукопись и не мог оторваться от нее до половины второго ночи, когда пальцы мои так устали, что я не сумел завершить предложение и прервал беседу Матильды с Изабеллой прямо посередине абзаца» (*The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence*. New Haven; L., 1937. Vol. 1. P. 88. — *Пер. С. Антонова и Л. Бриловой*).

образ, послуживший импульсом к написанию книги, Уолпол напрямую использовал в ее сюжете: огромная железная перчатка, исполинский шлем и другие рыцарские доспехи на протяжении повествования неоднократно появляются перед Манфредом и его домочадцами, свидетельствуя о постоянном присутствии в замке духа Альфонсо и служа предзнаменованием скорой гибели преступного рода. Все эти сверхъестественные явления не окутаны загадочной полутьмой (о которой писал Эдмунд Бёрк и которая вскоре будет широко применяться в готической прозе как одно из главных средств поддержания сюжетной тайны) — напротив, они, по меткому наблюдению Вальтера Скотта, озарены «резким дневным светом», обладают «отчетливыми, жесткими контурами»¹, обрисованы рельефно и зримо, во всей их (мета)физической несомненности. Уолпол делает на чудесно-фантастическом намеренно сильный акцент, по сути обрамляя рассказываемую историю его недвусмысленными, эффектными, даже шокирующими манифестациями: роман открывается эпизодом падения с небес гигантского шлема Альфонсо Доброго, а завершает книгу сцена, в которой выросший из-под развалин замка Отранто призрак возносится в противоположном направлении — в заоблачную обитель вечных сущностей. Между завязкой и развязкой происходит целая серия других чудесных знамений: портрет деда Манфреда выходит из рамы, из носа статуи Альфонсо капает кровь, скелет во власянице отшельника является предостереженье маркиза да Виченца от брака с Матильдой, слышатся протяжные стоны и удары грома в те моменты, когда герои говорят или делают нечто, противоречащее замыслам Провидения, и т. п.

Эта дерзкая, по определению самого Уолпола, попытка ввести фантастическую образность в современную ему литературу сопровождалась естественными ав-

¹ Вальтер Скотт о «Замке Отранто» Уолпола. С. 240.

торскими опасениями, что подобный эксперимент будет принят в штыки читающей публикой; последнее обстоятельство, собственно, и побудило романиста-дебютанта выдать поначалу «Замок Отранто» за переводное сочинение. Спустя три с половиной месяца, повторно выпуская книгу в свет, Уолпол, воодушевленный ее одобрительным приемом со стороны читателей, самолично разоблачил мистификацию первоиздания и в специальном предисловии изложил свою художественную программу. Он заявил о «новизне предпринятого им труда», констатируя, что его произведение — это попытка «проторить путь, по которому пойдут другие, блистающие большим дарованием сочинители», образец «нового вида романа», примиряющего свойственную старинным рыцарским повествованиям «силу воображения» с «законами правдоподобия», с «верным воспроизведением Природы», характерным для романов века Просвещения. Осуществить подобный синтез жанровых форм автору помогает еще одна литературная традиция — предоставляющая широкие права поэтическому вымыслу и вместе с тем исполненная глубочайшей (пусть и не буквально понимаемой) «верности Природе»; традиция эта связана с именем и творчеством Шекспира — по словам Уолпола, «блистательнейшего из гениев», которых когда-либо знала английская культура. Открыто поддерживая складывающийся в это время предромантический культ Шекспира как «оригинального гения», Уолпол горячо защищает британского драматурга от классицистских инвектив Вольтера, называет «великим знатоком человеческой природы» и «замечательным образцом», которому немало обязаны своим рождением персонажи «Замка Отранто». Это авторское признание подтверждается текстом романа — в первую очередь психологической обрисовкой характера Манфреда, в которой писатель несомненно ориентируется на образы героев-злодеев шекспировских пьес. Манфред в изображении Уолпола — зловещая и одновременно глубоко трагическая фигура: самым своим про-

исхождением, самой судьбой он вовлечен в давний ди-
настический конфликт и обречен на поражение в его
драматичной развязке. «Косвенно Манфред виновен в
совершенных им злодеяниях, но это вина человека, по-
ставленного перед необходимостью или смириться пе-
ред волей рока, или вступить с ним в совершенно без-
надежную борьбу, умножая и без того тяжкие злодея-
ния, пятнающие честь его рода. <...> Подобно Макбету,
Манфред знает не только формулировку пророчества,
свою судьбу, но и то, что возмездие неотвратимо, что
пророчество непременно должно сбыться. Так же, как и
Макбет, Манфред слишком горд, чтобы смиренно ждать,
когда свершится неотвратимое. Пока в его руках сохра-
няется власть, пока у него остается возможность действо-
вать, он бросает вызов неумолимому року»¹. Этот «шекс-
пировский» рисунок характера главного героя уточняется
прямыми отсылками к пьесам великого елизаветинца,
в частности, заимствованием имен некоторых персона-
жей (так, имя Бьянка восходит к «Отелло», Изабел-
ла — к «Мере за меру», Ипполита — к «Сну в летнюю
ночь»), цитированием отдельных строк и воспроизведе-
нием ряда мотивов и ситуаций «Гамлета» и «Макбета».

Влияние драматургической традиции распространя-
ется и на композиционное построение уолполовской кни-
ги, приводя к заметной драматизации романной формы.
Разделение текста на пять глав повторяет пятиактную
структуру классической трагедии, а развитие событий,
по словам автора, «почти на всем протяжении рассказа
происходит в соответствии с законами драмы». Стре-
мясь подчеркнуть эстетическую близость «Замка От-
ранто» к трагедии, Уолпол предваряет роман харак-
теристикой, несомненно подсказанной аристотелевским
определением катарсиса: своим «главным орудием» ав-
тор называет ужас, который «ни на мгновение не дает
рассказу стать вялым; притом ужасу так часто проти-

¹ Ладыгин М. Б. Указ. соч. С. 28—29, 25.

вопоставляется сострадание, что душу читателя попеременно захватывает то одно, то другое из этих могучих чувств». С жанром трагедии связана и идея рока, который понимается в романе как Божественная предопределенность человеческого существования и олицетворяется сверхъестественными силами, служащими восстановлению попорченной справедливости. К этой цели и к раскрытию смысла пророчества, упомянутого в начале книги, устремлен весь ход повествования; перед нами, по словам В. Скотта, «хорошо сложенная последовательность увлекательных эпизодов», которая «завершается величественным, трагическим и волнующим финалом»¹.

Напряженный драматизм событий, выдвигание в центр повествования героя-злодея, несущего тяжкое бремя трагической вины, экзотические для английского читателя XVIII века место и время действия, топос замка как пространственная и идеологическая доминанта книги и связанная с ним серия специфических литературных мотивов и оригинальных нарративных приемов (о которых подробнее будет сказано ниже) — все это основополагающие элементы новой романной структуры, полемически противопоставленные канонам просветительской прозы. И все же для судьбы зарождавшегося жанра первостепенное значение имела открытая манифестация в «Замке Отранто» ирреальных сил: помноженная на их восприятие персонажами романа, она наметила *принципиально новый механизм функционирования фантастического* в повествовательной литературе. Сверхъестественное в книге Уолпола не просто приближает финальное торжество высшей справедливости — за ним закреплена важная эмоциональная роль: его проявления всякий раз сопровождаются растерянностью и замешательством действующих лиц и повергают их в ужас. Аффект страха, порождаемый *необъяснимостью* сверхъ-

¹ Вальтер Скотт о «Замке Отранто» Уолпола. С. 242.

естественного, — несомненная и принципиальная новация готической поэтики, незнакомая не только просветительской романной традиции, но и декларируемым предшественникам «Замка Отранто» — средневековым и ренессансным рыцарским романам. В этом смысле представляется оправданным более строгое терминологическое разграничение *чудесного*, торжествующего в средневековом готанпсе, и *сверхъестественного*, которое становится предметом изображения в готической прозе. Чудесное рыцарского романа выступает в нем, по словам М. М. Бахтина, в качестве всеопределяющей нормы: «весь мир становится чудесным, а само чудесное становится обычным (не переставая быть чудесным)»¹. Соответственно, чудо в куртуазном мире обычно «воспринимается как должное, не вызывая удивления», в отдельных случаях «может удивлять и даже поражать, но никогда не вызывает того панического страха, какой испытывают герои готического романа, столкнувшись со сверхъестественным»². В отличие от средневеково-чудесного, фантастического в готике (действительное или мнимое) непременно предполагает обескураживающее, шокирующее, пугающее опровержение, казалось бы, устоявшихся человеческих представлений об окружающем мире как мире *нефантастическом*; сверхъестественное в подобном повествовании — это «нарушение общепринятого порядка, вторжение в рамки повседневного бытия чего-то недопустимого, противоречащего его неизблемым законам, а не тотальная подмена реальности миром, в котором нет ничего, кроме чудес»³.

Эта готическая поэтика страха перед ирреальным, неожиданно проступающим сквозь ткань реальности, в романе Уолпола еще только зарождается; отсюда — пе-

¹ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 302.

² Зыкова Е. П. Чудесное и сверхъестественное в сознании английских просветителей // Другой XVIII век. М., 2002. С. 20, 21.

³ Кайуа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни / Пер. Н. Кисловой. СПб., 2006. С. 110–111.

чать двойственности, которой отмечено отношение его героев к активизации потусторонних сил. С одной стороны, в представления персонажей о мире органично входят ангелы, святые, демоны, призраки, домовые, чернокнижие и колдовство; с другой стороны, слуги Манфреда насмерть пугаются объявившегося в замке великана в рыцарских латах, а сам князь высокомерно насмехается над их страхами как пустым суеверием и лишь к середине романа, после целой череды чудесных знаменений, становится «нечувствительным к сверхъестественному» (*hardened to preternatural appearances*) — то есть начинает воспринимать его как неотъемлемую часть окружающей действительности. По сути, в книге противоречиво сочетаются две позиции — исполненного веры в чудеса человека Средневековья (каким его видел XVIII век) и новоевропейского, рационально (а то и скептически) мыслящего индивида, сталкивающегося с необъяснимыми явлениями, которые решительно не вписываются в признаваемый им порядок вещей. Образцом Уолполу здесь, конечно, служит Шекспир, в трагедиях и хрониках которого имеют место и суеверный страх перед сверхъестественным (Марцелл и Бернардо в «Гамлете»), и скептический рационализм, вынужденный, впрочем, капитулировать перед очевидным (Горацио), и сомнение в истинности сообщаемого призраком, а также в его благой природе (Гамлет), и экзистенциальный ужас убийцы, чей одинокий, недоступный окружающим визионерский опыт обусловлен муками преступной совести и ожиданием потустороннего возмездия за совершенный грех (Макбет, Ричард III). Вместе с тем есть основания полагать, что реакция персонажей «Замка Отранто» на всевозможные чудеса уходит своими корнями не только в литературные предпочтения создателя книги — по-видимому, она также является своеобразным преломлением его реального и довольно специфического *пространственно-эмоционального опыта*.

Как уже говорилось выше, Уолпол взялся за перо, находясь во власти мечтательного настроения, вдохнов-

ленный экзотической атмосферой увиденного им сна. Но сам этот сон, безусловно, был связан с особенностями личности и обстоятельствами биографии автора — историка-дилетанта, обожавшего Средние века, восторженного поклонника старины, любившего, по выражению его младшего современника, английского сатирика Т. Дж. Мэтиаса, «глядеть на готические игрушки сквозь готические стекла»¹, наконец, владельца и постоянного обитателя усадьбы Строберри-Хилл, которая к 1764 году в основном уже обрела свой новый, стилизованный облик. Эти средневеково-готические художественные предпочтения не только подтолкнули Уолпола к написанию книги, но и определили ее визуальный — в первую очередь пространственный и предметный — мир. Образ, вынесенный в название романа, вне всяких сомнений, является литературной проекцией (пусть и не абсолютно точной) замка Строберри-Хилл; в описании многочисленных комнат, коридоров, лестниц и галерей резиденции Манфреда, в обстоятельном перечислении оружия и доспехов сквозит авторское любование интерьерами своей виллы, говорящее о том, что «сценой, на которой Уолпол мысленно проигрывал действие книги, когда сочинял ее, был его собственный дом»². Об этом же свидетельствует заявление самого автора, сделанное в предисловии к первому изданию «Замка Отранто» от лица переводчика «старинного манускрипта»: «Действие несомненно происходит в каком-то *действительно существовавшем замке*. Часто кажется, что, *описывая отдельные части замка, автор ненамеренно воспроизводит то, что видел сам*. Он говорит, например, „горница справа“, „дверь слева“, „расстояние от часовни до покоев Конрада“. Эти и другие места в повести заставляют

¹ *Mathias T.J.* The Pursuits of Literature: A Satirical Poem in Four Dialogues. L., 1798. P. 404.

² *Mehrotra K.K.* Op. cit. P. 17. Ср. также афористичное замечание М. Саммерса: «Замок Отранто — это Строберри-Хилл в литературе» (*Summers M.* Op. cit. P. 181).

с большой степенью уверенности предположить, что *перед взором автора было какое-то определенное строение*» (курсив наш. — С. А.). Под видом сторонней оценки чужого произведения писатель дает здесь обобщенную, но довольно точную характеристику изобразительной природы и подлинных обстоятельств создания своего романа. Наконец, в целом ряде писем друзьям и в упоминавшемся выше описании собственной виллы Уолпол открыто именует Строберри-Хилл «замком Отранто».

Эта укорененность литературного образа в конкретных обстоятельствах авторского *modus vivendi* (доходящая до прямых соответствий в расположении покоев и деталях обстановки двух замков — реального и фикционального¹) обусловила приоритет «интерьерного» видения в изобразительном строе романа. Давно замечено, что в книге Уолпола, в отличие от готики более позднего времени (например, романов Анны Радклиф), основные события разворачиваются не *снаружи*, а *внутри* замка, в пределах замковых стен; такое преобладание «взгляда изнутри» отражает привычный пространственный опыт хозяина Строберри-Хилл — опыт, которым он (возможно, невольно) наделил и действующих лиц своего повествования². В произведениях последователей Уолпола замок — *чужое*, незнакомое, враждебное героям место, в которое они попадают случайно, сбившись с пути, или под действием чьей-то злой воли; для персонажей Уолпола замок — это привычное, обжитое, *свое* пространство, и, вероятно, поэтому внезапное появление в нем ирреальных сил расценивается его оби-

¹ См. подробнее: *Lewis W. S. The Genesis of Strawberry Hill // Metropolitan Museum Studies. 1934. Vol. 5, № 1. P. 89–90; Mehrotra K. K. Op. cit. P. 17–18; Lévy M. Le roman «gothique» anglais, 1764–1824. Toulouse, 1968. P. 116–117.*

² См.: *Smith W. H. Architecture in English Fiction. New Haven; L., 1934. P. 81; Ketton-Cremer R. W. Op. cit. P. 140, 189; Антонов С. А., Чамеев А. А. Анна Радклиф и ее роман «Итальянец» // Радклиф А. Итальянец, или Исповедальня Кающихся, Облаченных в Черное. М., 2000. С. 381–382.*

тателями (вопреки присущей им средневековой вере в чудеса) как нечто необычное, аномальное, противоречащее повседневной житейской практике, нарушающее сложившийся порядок вещей и устоявшуюся логику событий. Соответственно, в готических романах 1790—1800-х годов замок нередко покинут, полуразрушен, покрыт густой растительностью и эстетически гармонирует с окружающим его миром дикой природы, символизируя ее торжество над культурой и цивилизацией и — в более общем смысле — бренность всего сущего; замок Отранто, напротив, обитаем и, как и его реальный прототип (в период создания книги — *совершенно новый* замок), еще не подвергся разрушительному воздействию времени. Лишь в финале романа он обращается в руины — однако не в результате поступательной энтропийной работы истории, а вследствие одномоментной катастрофы, за которой стоит неумолимая воля Провидения, безразличного к замыслам, надеждам и чаяниям смертных.

Локализация основного сюжетного действия в пределах замка, напоминающая о классическом драматургическом правиле «единства места», позволила Уолполу развернуть событийно насыщенное повествование на сравнительно небольшом текстовом пространстве: его книга много короче объемных, разбитых на несколько томов готических романов, которые появлялись в последующие десятилетия из-под пера Софии Ли, Шарлотты Смит, Анны Радклиф, Мэтью Грегори Льюиса, Чарльза Роберта Метьюрина и других, менее заметных авторов. Кроме того, именно интерьеры замка Отранто стали *locus nascendi* ряда специфических тем, мотивов и ситуаций, получивших впоследствии широкое развитие в готической прозе. Важнейшие из них отмечены печатью ярко выраженной клаустрофобии, они предполагают помещение персонажей в экстремальные психосоматические состояния стесненности, сдавленности, изоляции, отсутствия выхода и т. п. Здесь и заточение в подземелье (смыкающееся с мотивом погребения зажи-

во), и блуждание по темным, запутанным коридорам в тщетных поисках выхода, и инцест, понимаемый как *утрата простора* возможностей выбора, как «узость мира»¹, и связанная с этим ситуация навязчивых повторений прошлого в настоящем, обесценивающих ход времени, превращающих историю в череду зловеще-театральных уподоблений². Инцест представлен в «Замке Отранто» лишь как нереализованная повествовательная возможность (тщетные домогательства Манфредом его нареченной дочери Изабеллы и его измышления касательно незаконности брака с Ипполитой), тогда как другие упомянутые мотивы получают полноценное сюжетное воплощение уже в первой главе романа. Теодор, заключенный по приказу Манфреда внутрь гигантского шлема, проникает через пролом в каменной кладке двора в подвальные помещения замка, где, спасаясь от преследований князя, скрывается Изабелла. Эпизод ее блуж-

¹ Ср.: «Одно из значений инцестуального мотива — он выражает узость мира, узость отношений. Люди хотят и не могут войти в большую жизнь, нет вольностей большой судьбы, нет вольностей развития. Неведомо для них самих их гонит обратно, к лону, откуда они вышли, им суждено погибнуть в теснинах кровного родства, *как внутри здания, стены которого сдвинулись*» (Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 262. — Курсив наш. — С. А.).

² См. об этом на материале «Замка Отранто»: Morris D. B. Gothic Sublimity // New Literary History: A Journal of Theory and Interpretation. 1985. Vol. 16, № 2. P. 303—305; Шёнле А. Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 26—27. В эту ситуацию органично вписывается и мотив «рокового», иногда наделенного сверхъестественными свойствами портрета, дважды возникающий в романе Уолпола (выходящее из рамы изображение деда Манфреда, облик Теодора как «оживший портрет» Альфонсо Доброго) и ставший одним из ключевых в готической прозе романтизма и постромантизма. О его дальнейшей литературной судьбе см.: Доронченков И. А. «Роковой портрет» (Об одном мотиве романтической литературы) // Проблемы развития зарубежного искусства: Материалы Девятой науч. конф. в память профессора М. В. Доброклонского. СПб., 1996. С. 38—41.

даний по подземелью задает парадигматическую для нарождающегося жанра ситуацию затерянности человека в готическом инопространстве¹ и открывает в его очертаниях древний архетип *лабиринта*: «Подвальная часть замка состояла из множества низких сводчатых коридоров, настолько запутанных, что до крайности взволнованной Изабелле нелегко было найти дверь в тот погреб, откуда начинался ход. Пугающее безмолвие царило во всех этих подземных помещениях, и лишь иногда порывы ветра сотрясали раскрытые ею двери, заставляя их скрипеть на ржавых петлях, отчего по всему мрачному лабиринту прокатывалось многократное эхо». В готических романах более позднего времени подобием лабиринта нередко предстает не только подземелье, но и сам замок: персонажи, случайно оказавшиеся в его стенах и незнакомые с расположением помещений, теряются в череде многочисленных комнат, коридоров и галерей, ощущают себя слабыми и беспомощными на фоне просторных залов, высоких колонн и широких лестниц. Подобный замок-лабиринт очевидно выполняет миромоделирующую функцию, поскольку является зримой «архитектурной» иллюстрацией ключевой темы готического жанра — фатальной зависимости человека от непонятных ему законов окружающего мира.

Своеобразным «лабиринтом» становится и сюжет готического романа: он строится на интенсивной смене событий, резких поворотах действия, отвлекающих ходах, случайных совпадениях, роковых тайнах и прочих эффектных приемах, значительно драматизирующих повествовательный текст. Готический роман не просто «рассказывает историю» (как это по большей части делал роман просветительский): его экстраординарная тематика и специфическая нарративная техника призваны постоянно «возбуждать трепетное любопытство читате-

¹ Термин С. Зенкина. См.: *Зенкин С. Н.* Французская готика: В сумерках наступающей эпохи // *Infernaliana: Французская готическая проза XVIII—XIX веков.* М., 1999. С. 6 и сл.

ля, пробуждать в нем неясные догадки и предчувствия, заставлять его устремляться по ложному следу с тем, чтобы после долгих блужданий в лабиринте неведомого он вновь оказался перед лицом неразрешенной тайны»¹. Вторжение в важный разговор болтливых слуг, порыв ветра, внезапно задувающий свечу и оставляющий сцену в пугающей темноте (приемы, открытые и впервые примененные в «Замке Отранто»), включение в рассказ побочной сюжетной линии, в самый ответственный момент уводящей читательское внимание от основного действия, неожиданный пробел в рукописи, которую содержит или имитирует произведение, — всеми этими средствами создается интригующе-таинственная атмосфера, каковую авторы готических историй стараются поддерживать до самых последних страниц своих книг. Прихотливая, запутанная, олицетворяющая идею загадочности мироздания *структура пространства*, в котором обретаются персонажи, находит продолжение в аналогичной *структуре повествования* — в умолчаниях, паузах, ретардациях, обманных ходах и прочих приемах, заставляющих читателя испытывать «возвышенные» эмоции, сходные с эмоциями действующих лиц. Открытая и разработанная готическим романом, эта техника нагнетания страха и сюжетного напряжения, именуемая *саспенсом* (от *англ.* *suspense* — неизвестность, тревога, беспокойство), получила позднее многоплановое развитие в различных жанрах литературы и кинематографа. Под пером автора «Замка Отранто» она, как уже говорилось, только начинала складываться.

Заметную и в известной мере недооцененную роль в становлении вышеописанной техники сыграла ближайшая последовательница Уолпола Клара Рив, опубликовавшая в 1777 году «готическую повесть» «Поборник добродетели», которая во втором издании (1778) получила название «Старый английский барон», став-

¹ Елистратова А. А. Готический роман // История английской литературы. М.; Л., 1945. Т. 1, вып. 2. С. 593.

шее окончательным и утвердившееся в истории литературы. Признав художественный эксперимент своего предшественника оригинальным и эстетически состоятельным, Рив открыто использовала ряд его творческих находок: подобно ему, она заявила о намерении соединить достоинства двух жанровых форм — старинного рыцарского сказания и современного романа, подобно ему, стилизовала повествование под старинную рукопись (правда, не итальянскую, а древнеанглийскую) — и к тому же фактически «разыграла» в иных исторических и географических координатах сюжет «Замка Отранто». Но при этом, в отличие от Уолпола, она отнюдь не стремилась бросить вызов господствующим литературным вкусам, а напротив, пыталась поставить готическую поэтику на службу авторитетной, проверенной временем повествовательной традиции — традиции дидактического нравоописательного романа, образцом которого для нее была проза Сэмюэля Ричардсона. Соответственно, она старалась быть предельно экономной в эксплуатации сверхъестественного и удерживать рассказываемую историю «хотя бы на грани правдоподобия»¹ (едва ли не буквально следуя в этом совету Генри Филдинга, который призывал писателей своего века «держаться в границах возможного и постоянно помнить, что человек едва ли способен поверить таким вещам, совершить которые ему не под силу»²). Прямая, открытая демонстрация ужасов и чудес, которой, с точки зрения писательницы, злоупотребил Уолпол, сведена в «Старом английском бароне» к единственному эпизоду появления облаченного в рыцарские доспехи призрака лорда Ловела, злодейски убитого некогда в собственном замке; зато Клара Рив, как показывает текст ее книги, уделила заинтересованное внимание атмосфере тревожной, ожидания неведомой опасности и суеверного страха встречи с потусторонним. Выразительная картина забро-

¹ *Reeve C.* The Old English Baron. Oxford; N. Y., 2003. P. 3.

² *Филдинг Г.* Указ. соч. С. 370.

шенных, обветшавших, погруженных во тьму покоев в восточном крыле замка Ловел, как нельзя лучше подходящих для появления призраков, раздающиеся в них глухие стоны и таинственные ночные шумы, двери, мистическим образом распахивающиеся перед сыном и законным наследником покойного лорда, вещие сны, открывающие героям и читателям зловещую тайну старинного рода и непосредственно предсказывающие ход дальнейших событий романа, — все эти элементы повествования Рив содержательно расширили репертуар эстетических эмоций и арсенал изобразительных средств открытого Уолполом жанра и очень скоро стали неотъемлемой частью его поэтики.

В завершающие десятилетия XVIII века произошло довольно явственное разделение европейской готической прозы на две ветви: сентиментальный «роман тайн» (в котором загадочные и, на первый взгляд, сверхъестественные события в конце концов получали разумное объяснение, а все драматичные, угрожавшие жизни героев ситуации обретали благополучный исход) и френетический (от *фр.* *frénétique* — неистовый) «роман ужасов», рисовавший принципиально иную, иррациональную картину мира и культивировавший недвусмысленно демоническую фантастику, шокирующие, жестокие сцены и трагические развязки. Даже из беглого обзора авторских имен можно сделать вывод о том, что в этом размежевании играли определенную роль гендерный и национальный факторы: ключевые фигуры сентиментальной готики — София Ли, Шарлотта Смит, Анна Радклиф — англичанки, тогда как френетическая проза представляет, во-первых, мужской и, во-вторых, континентальный (либо континентально ориентированный) изводы готического жанра («Влюбленный дьявол» (1772) французского писателя Жака Казота, *написанный по-французски* «Ватек» (1782/1787) космополитичного британца Уильяма Бекфорда, многочисленные немецкие «страшные» романы Кристиана Генриха Шписса, Карла Готлоба Крамера и др., а также созданный под силь-

ным немецким влиянием знаменитый «Монах» (1796) англичанина Мэтью Грегори Льюиса). Впрочем, эти аспекты объективно существующего различия двух видов готики не стоит преувеличивать: по справедливому замечанию британского литературоведа Дж. М. С. Томпкинс, «английские и немецкие авторы готических романов в равной мере являются выходцами из „Замка Отранто“; они одинаково интересуются призраками, тюрьмами и побегами и одинаково убеждены, что львиная доля очарования книги заключается в образно воплощенном страхе»¹. Различные национальные модификации жанра активно обменивались друг с другом мотивами, сюжетными ситуациями и типами персонажей и в результате оказались связаны множеством инвариантных структур, позволяющих рассматривать готику периода предромантизма и романтизма как целостный литературный феномен².

При этом спустя всего лишь два-три десятилетия после своего возникновения готическая проза стала стремительно утрачивать неперенную и безусловную связь со Средневековьем и его внешними атрибутами (древними замками, старинным оружием и доспехами, Крестовыми походами, рыцарскими поединками и т. п.), столь любимыми автором «Замка Отранто» и игравшими важную роль в поэтике «Старого английского барона». Уолпол и Рив разворачивали перед читателем «картину готических времен и нравов»³, мотивируя изображаемые чудеса особенностями суеверного сознания людей далекой эпохи. Однако сюжеты «Влюбленного дьявола»

¹ *Tompkins J. M. S. The Popular Novel in England, 1770–1800.* L., 1932. P. 243–244.

² О различных национальных вариантах готического романа и их взаимосвязи подробно см.: *Le Tellier R. I. An Intensifying Vision of Evil: The Gothic Novel (1764–1820) as a Self-Containing Literary Cycle.* Salzburg, 1980; *Idem. Kindred Spirits: Interrelations and Affinities between the Romantic Novels of England and Germany (1790–1820).* Salzburg, 1982.

³ *Reeve C. Op. cit.* P. 2.

Казота, романов Шарлотты Смит и двух главных книг Анны Радклиф — «Удольфских тайн» (1794) и «Итальянца» (1796) — отнесены их авторами в современность, в век Просвещения, а готическим уже на исходе столетия начинает именоваться не старинное и средневековое, а фантастическое в его связи с ужасным — безотносительно к тому, о каком историческом периоде идет речь¹. «Из всех возможных видов суеверия, влияние которых в любой век испытывает на себе человеческий ум, ни один не оказывает такого сильного воздействия, как тот, что именуется готикой, — признается эссеист и сочинитель страшных историй Натан Дрейк на страницах своих «Литературных досугов, или Критических и повествовательных набросков» (1798). — *Даже в нынешнюю утонченную эпоху* существуют тысячи людей, все еще восприимчивых к ужасам колдовства, к торжественному и устрашающему великолепию жутких привидений. *Самый просвещенный ум, свободный от малейшего налета суеверия, невольно признает над собой власть готики*, и благосклонность, с которой недавно были встречены две или три публикации, выдержанные в этом стиле, — убедительное тому доказательство»². «Готические суеверия», о которых говорит Дрейк, не есть черта архаичного, ушедшего в прошлое мышления — это вневременная, надысторическая константа человеческой психологии. Именно с такой трактовкой категории готического оказалась связана дальнейшая судьба одноименного литературного жанра: отказавшись от реставрации образов и мифологем Средневековья, освободившись от старинных «одежд», он обрел самоидентичность и утвердился в западной культуре как дискурс о трево-

¹ См. об этом: Longueil A. E. The Word «Gothic» in Eighteenth-Century Criticism // The English Gothic Novel: A Miscellany: In 4 vols. Salzburg, 1986. Vol. 1: Contexts. P. 67–68.

² Drake N. On Gothic Superstition // Gothic Documents: A Sourcebook. 1700–1820. Manchester, N. Y., 2000. P. 155. — Купив наш. — С. А.

гах, фантомах и кошмарах, терзающих сознание человека Нового времени, как сенсационная форма субlimации коллективных и индивидуальных страхов. Выражаясь метафорически, можно констатировать: заполонившим готические сюжеты призракам пришлось снять рыцарские латы, в которые их обрядили основоположники жанра, сложить оружие и покинуть средневековые цитадели в поисках других, более современных пристанищ.

Гораций Уолпол, доживший до весьма преклонного возраста, успел стать свидетелем раннего этапа истории того литературного феномена, родоначальником которого он был и которому дал звучное и, как оказалось, долговечное имя. Сочинив книгу, которую он сам полагал чуждой вкусам своего века, «отвергавшего все, что выходит за пределы холодного здравого смысла»¹, он, судя по его письмам, был приятно удивлен и горд ее успехом у читающей публики. «Замок Отранто» довольно быстро перевели на основные европейские языки, а в самой Англии он неоднократно переиздавался при жизни автора; развивая этот успех, Уолпол вскоре перенес готические темы и образы в область драматургии и создал пьесу «Таинственная мать» (1768), первую в европейской литературе «трагедию рока», где получил развернутое сюжетное воплощение намеченный в истории князя Манфреда мотив инцеста. Эта мрачная драма не пользовалась особой известностью и никогда не представлялась на сцене (впоследствии, впрочем, «Таинственную мать» высоко оценил Байрон, назвавший ее «трагедией высшего порядка»²). Однако она эффектно завершила своеобразную триаду готических творений Уолпола (начатую Строберри-Хилл и продолженную

¹ The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence. New Haven; L., 1939. Vol. 3. P. 260.

² *Байрон Дж. Г. Марино Фальеро, дож венецианский* / Пер. Г. Шенгели // Байрон Дж. Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 4. С. 59.

«Замком Отранто») — творений, внесших весомый вклад в «готический ренессанс» XVIII века, с которым ассоциируется сегодня его имя. Один из зачинателей моды на готику в литературе и культуре своего времени, он очень скоро перестал быть ее законодателем, будучи превзойден своими преемниками «в ненавязчивом мастерстве описаний и в умении держать ум читателя на протяжении длинного и запутанного романа в состоянии лихорадочного напряжения и тревоги»¹. И вместе с тем «удачное соединение сверхъестественного с человеческим»², продемонстрированное в его небольшой «готической повести» и оказавшееся необыкновенно востребованным культурной мифологией последующих столетий, заслуживает участливого и благодарного читательского внимания — даже в эпоху, когда духи и призраки лишились своих гремющих, громоздких, нескладных доспехов.

С. А. Антонов

¹ Вальтер Скотт о «Замке Отранто» Уолпола. С. 243.

² Там же.

Замок Отранто

Готическая повесть

...Vanæ
Fingentur species, tamen ut pes, et caput uni
Reddantur formæ.
*Hor*¹.

¹ ...<Книга> вымыслов полна, однако ж
Вся, от макушки до пят, согласована в образ единый
(Гораций).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемое читателю сочинение было найдено в библиотеке, принадлежащей католической семье старинного происхождения, на севере Англии. Оно было напечатано готическим шрифтом в Неаполе в 1529 году. Насколько раньше этой даты было оно написано — неясно. Главные события повести приводят на ум мрачнейшие века христианской эры — именно тогда верили в возможность подобных происшествий; но ни речь, ни поведение действующих лиц не несут на себе печати варварства. Повесть написана на чистейшем итальянском языке. Если бы она возникла приблизительно в то же время, когда якобы происходило рассказанное в ней, то следовало бы заключить, что это имело место где-то между 1095-м и 1243 годами, то есть между первым и последним Крестовыми походами, или немного позже. В повести нет никаких других обстоятельств, которые позволили бы определить, к какому периоду относится ее действие; имена персонажей — явно вымышленные и, возможно, намеренно изменены; однако испанские имена слуг, по-видимому, указывают на то, что она не могла быть создана ранее воцарения в Неаполе Арагонской династии, ибо лишь тогда испанские имена распространи-

лись в этой стране. Изящество слога и пыл автора, сдерживаемый, впрочем, удивительным чувством меры, заставляют меня предполагать, что повесть была сочинена незадолго до ее напечатания. Литература достигла тогда в Италии своего наивысшего расцвета, и ею было многое сделано для того, чтобы рассеять суеверия, которые в эту эпоху подвергались чувствительным ударам и со стороны реформаторов. Вполне вероятно, что какой-нибудь сообразительный монах мог постараться обратить против провозглашателей новых истин их собственное оружие и воспользоваться своим дарованием сочинителя для того, чтобы укрепить в простонародье старинные заблуждения и суеверия. Если его намерение было именно таким, то надо признать, что он действовал с замечательной ловкостью. Произведение, подобное публикуемому нами, способно поработить непросвещенные умы более, нежели добрая половина полемических книг, написанных со времени Лютера и до наших дней.

Такое истолкование побуждений автора представляет собой, однако, лишь чистую догадку. Каковы бы ни были его намерения и достигнутые им результаты, его сочинение может быть ныне предложено публике только как предмет для занимательного времяпрепровождения. И даже в этом качестве оно нуждается в некоторых извинениях. Чудеса, призраки, колдовские чары, вещие сны и прочие сверхъестественные явления теперь лишились своего бывшего значения и исчезли даже в романах. Не так обстояло дело в то время, когда писал наш автор, и тем более в эпоху, к которой относятся излагаемые им якобы действительные события. Вера во всякого рода необычайности бы-

ла настолько устойчивой в те мрачные века, что любой сочинитель, который бы избегал упоминания о них, уклонился бы от правды в изображении нравов эпохи. Он не обязан сам верить в них, но должен представлять своих действующих лиц исполненными такой веры.

Если читатель извинит эти мнимые чудеса, он не найдет здесь больше ничего недостойного его интереса. Допустите только возможность данных обстоятельств, и вы увидите, что действующие лица ведут себя так, как вели бы себя все люди в их положении. В произведении нет напыщенности, нет вычурных сравнений, цветистых оборотов, отступлений и преизбыточных описаний. Каждый эпизод толкает повествование к развязке. Внимание читателя непрерывно держится в напряжении. Развитие действия почти на всем протяжении рассказа происходит в соответствии с законами драмы. Персонажи удачно обрисованы, и — что еще важнее — их характеры выдержаны с начала до конца. Ужас — главное орудие автора — ни на мгновение не дает рассказу стать вялым; притом ужасу так часто противопоставляется сострадание, что душу читателя попеременно захватывает то одно, то другое из этих могучих чувств.

Кое-кто, возможно, подумает, что образы слуг написаны в манере недостаточно серьезной для повествования такого рода; но, кроме того, что они составляют контраст главным персонажам, автор весьма остроумно использует их в ходе повествования. Благодаря своей naïveté¹ и простодушию они открывают многие существенные для сюжета обстоятельства, которые никаким иным

¹ Наивности (фр.).

путем не могли бы быть удачно введены в него. Женские страхи и слабости Бьянки в последней главе играют весьма важную роль в приближении развязки.

Для переводчика естественно быть предубежденным в пользу, так сказать, усыновленного им произведения. Более беспристрастные читатели, возможно, не будут так сильно поражены красотою этой повести, как был поражен ими я. Однако я не настолько ослеплен моим автором, чтобы не видеть его недостатков. Я мог бы пожелать, чтобы в основе его замысла лежала более полезная мораль, нежели та, что сводится к мысли: *за грехи отцов караются их дети, вплоть до третьего и четвертого поколения*. Сомневаюсь, чтобы в его время дело обстояло по-иному, чем в наше, и честолюбцы подавляли свою ненасытную жажду власти из страха перед столь отдаленным наказанием. Но и эта мораль ослаблена внушаемой читателю другой, хотя и не столь прямо выраженной, мыслью, что даже такие проклятия могут быть отвращены набожным почитанием святого Николая. Тут интересы монаха явно возобладали над расчетами сочинителя. Однако при всех сделанных выше оговорках я не сомневаюсь в том, что знакомство с этим произведением доставит удовольствие английскому читателю. Благочестие, преисполняющее эту повесть, преподаваемый ею урок добродетели и строгая чистота чувств спасут ее от осуждения, которого так часто заслуживают романы из рыцарских времен. Если ей выпадет успех, на который я весьма надеюсь, то, поощренный им, я, возможно, опубликую итальянский подлинник, хотя это лишит ценности мой собственный труд. Наш язык не

обладает очарованием, присущим итальянскому, сильно уступая ему в разнообразии и гармонии: достоинства итальянского языка с особым великолепием проявляются в простом безыскусственном повествовании. Рассказывая по-английски, трудно избежать слишком низких или слишком возвышенных выражений — недостаток, который я отношу на счет малой заботы о чистоте языка в повседневном общении. Каждый итальянец или француз, каково бы ни было его общественное положение, считает делом чести говорить правильным языком, отбирая слова и выражения. Я не могу похвалиться тем, что вполне передал совершенство моего автора в этом отношении: его слог настолько же изящен, насколько замечательно его умение живописать страсти. Жаль, что он не использовал своего таланта в той области, которая, очевидно, подходила ему более всего, то есть на театре.

Я не буду долее задерживать внимание читателя и позволю себе сделать еще лишь одно небольшое замечание. Хотя сюжет этот порожден воображением автора, а имена действующих лиц вымышленные, я все же не могу отказаться от мысли, что в основе повести лежат какие-то подлинные происшествия. Действие несомненно происходит в каком-то действительно существовавшем замке. Часто кажется, что, описывая отдельные части замка, автор ненамеренно воспроизводит то, что сам видел. Он говорит, например, «горница справа», «дверь слева», «расстояние от часовни до покоев Конрада». Эти и другие места в повести заставляют с большой степенью уверенности предположить, что перед взором автора было какое-то определенное строение. Лица лю-

бознательные и имеющие досуг для такого рода разысканий, возможно, найдут у итальянских писателей источники, на которых основывался автор. Высказывая суждение, что данный труд вызван к жизни какой-то подлинной катастрофой, во всем подобной описанной в нем, мы надеемся, что это будет способствовать интересу к нему и сделает в глазах читателя «Замок Отранто» еще более волнующей повестью.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Благожелательный прием, который встретила у публики эта небольшая повесть, вызывает у автора потребность объясниться по поводу причин, натолкнувших его на мысль сочинить ее. Но прежде чем изложить эти мотивы, автор должен испросить прощения у читателей за то, что в первом издании, представляя им свое произведение, он выдал себя за его переводчика. Так как неверие в собственные силы и новизна предпринятого труда были единственными побуждениями для этого маскарада, он льстит себя надеждой, что его поступок сочтут извинительным. Он смиренно доверился беспристрастному суду публики, твердо решив дать своему произведению затеряться в безвестности, если оно не будет одобрено, и не мысля заявлять себя сочинителем такого пустячка иначе, как в том случае, если судьи, лучшие, чем он сам, выскажутся в пользу его детища и он сможет, не краснея, поставить на заглавном листе свое имя.

В этом произведении была сделана попытка соединить черты средневекового и современного романов. В средневековом романе все было фантастичным и неправдоподобным. Современный же роман всегда имеет своей целью верное воспроизведение Природы, и в некоторых случаях оно дей-

ствительно было достигнуто. В вымысле нет недостатка и ныне; однако богатые возможности воображения теперь строго ограничены рамками обыденной жизни. Но если в новом романе Природа сковала фантазию, она лишь взяла реванш за то, что ею полностью пренебрегали в старинных романах. Поступки, чувства, разговоры героев и героинь давних времен были совершенно неестественными, как и вся та механика, посредством которой они приводились в движение.

Автор произведения, следующего за этим предисловием, счел возможным примирить названные два вида романа. Не желая стеснять силу воображения и препятствовать его свободным блужданиям в необъятном царстве вымысла ради создания особо занятных положений, автор вместе с тем хотел изобразить действующих в его трагической истории смертных согласно с законами правдоподобия; иначе говоря, заставить их думать, говорить и поступать так, как естественно было бы для всякого человека, оказавшегося в необычайных обстоятельствах. Автор замечал, что в боговдохновенных книгах, когда Небо жалует людей чудесами и люди воочию зрят самые поразительные явления, они и тогда сохраняют все черты, присущие человеческому характеру; меж тем как, напротив того, в легендарных историях рыцарских времен всякое невероятное событие сопровождается нелепым диалогом. Действующие лица словно теряют рассудок в то самое мгновение, когда нарушаются законы Природы.

Поскольку публика благосклонно отнеслась к предпринятой автором попытке, он не смеет утверждать, что совсем не справился с поставленной перед собой задачей; однако, если ему и удалось про-

торить путь, по которому пойдут другие, блистающие бóльшими дарованиями сочинители, он должен со всею скромностью признать — и охотно делает это здесь, — что понимал, сколь значительно мог бы быть усовершенствован его план, будь у него сильнее воображение и владей он лучше искусством живописания страстей.

Я хотел бы с разрешения читателей добавить несколько слов к тому, что я говорил в первом предисловии относительно слуг. Простодушная непосредственность их поведения, которая порою может даже насмешить и поначалу кажется противоречащей общему мрачному колориту повествования, не только не представлялась мне мало уместной здесь, но как раз была намеренно мною подчеркнута. Единственным законом для меня была Природа. Какими бы глубокими, сильными или даже мучительными ни были душевные переживания монархов и героев, они не вызывают сходных чувств у слуг; по крайней мере, слуги никогда не выражают их с таким достоинством, как господа, и потому навязывать им такую манеру недопустимо. Позволю себе высказать суждение, что контраст между возвышенностью одних и naïveté других лишь резче оттеняет патетический характер первых. Когда простонародные персонажи затевают свое грубое шутовство и тем самым отдалают читателя от ожидаемой им трагической развязки, само его нетерпение, быть может, усиливает в его глазах значительность финальных событий и, уж во всяком случае, свидетельствует о том, что сочинитель ловко сумел возбудить его интерес к ним. Однако, приняв такую манеру изображения, я опирался на более высокий авторитет, нежели мое собственное суждение. Великий знаток человеческой природы Шекспир был тем образцом, которому

я подражал. Позвольте задать вопрос: разве не утратили бы его трагедии о Гамлете и Юлии Цезаре в значительной степени свою живость, разве не лишились ли бы они многих удивительных красот, если б из них были изъяты или облечены в высокопарные выражения юмор могильщиков, дурачества Полония и неуклюжие шутки римских граждан? Разве красноречие Антония и по внешности еще более благородная, искусно имитирующая искренность речь Брута не кажутся еще возвышеннее благодаря мастерскому приему автора, позволившего тут же прорываться в репликах их слушателей простой человеческой природе? Эти штрихи напоминают мне выдумку того греческого ваятеля, который, желая дать представление об истинных размерах Колосса Родосского, уменьшенного до размеров печатки, изобразил рядом с ним мальчика величиной с большой палец самой статуи.

Нет, говорит Вольтер в своем издании Корнеля, это смешение шутовского и возвышенного нестерпимо». Вольтер — гений¹, но не шекспиров-

¹ Нижеследующее примечание не имеет отношения к разбираемому вопросу, но оно извинительно для англичанина, глубоко уверенного в том, что суровый критический отзыв такого талантливого писателя, как Вольтер, о творчестве нашего бессмертного соотечественника мог быть лишь упражнением в остроумии и плодом поверхностного знакомства с предметом, а никак не результатом обдуманного суждения и тщательного исследования. Разве осведомленность критика в том, что касается силы и могущества нашего языка, не может быть столь же неточной и неполной, как и его знание нашей истории? Этому последнему обстоятельству его собственное перо дало убедительнейшие подтверждения. В своем предисловии к «Графу Эссексу» Тома Корнеля г-н де Вольтер признает, что в этом произведении правда истории грубо искажена. В извинение Корнелю он ссылается на то, что в ту пору, когда этот автор писал, французское дворянство было весьма мало начитано в английской истории; но теперь, говорит

ского размаха. Не прибегая к спорным авторитетам, я противопоставлю Вольтеру самого же Вольтера. Я не буду обращаться к его прежним панегирикам нашему могучему поэту, хотя французский критик дважды перевел один и тот же монолог из «Гамлета» — в первый раз немало лет назад ради того, чтобы дать о нем восторженный отзыв, а позже ради того, чтобы подвергнуть его насмешкам, — и я с грустью нахожу, что сила суждения у критика с течением времени слабеет, тогда как ей должно было бы крепнуть. Но я воспользуюсь его словами, относящимися к театру вообще и высказанными тогда, когда критик не имел в виду ни хвалить, ни порицать Шекспира, то есть в тот момент, когда он был беспристрастен. В предисловии к своему «L'Enfant prodigue»¹, этой превосходной пьесе, которой я неизменно восхищаюсь и которую, полагаю, не подверг бы насмешкам и через двадцать лет, будь мне отпущен еще такой срок жизни, г-н де Вольтер высказывает следующие мысли (они относятся к комедии, но в равной мере применимы и к трагедии, если трагедия отражает человеческую жизнь, а ведь именно таково ее назначение; и я не могу взять в толк, почему любая случайная шутка более заслуживает изгнания из трагического театра, нежели патетическая серьез-

комментатор, ее изучают и с такого рода искажениями не стали бы мириться. Однако, забыв, что время невежества миновало и что нет необходимости учить ученых, он от избытка своей эрудиции берется сообщать знати своей страны подробности относительно фаворитов королевы Елизаветы, из которых, по его словам, первым был Роберт Дадли, а вторым — граф Лейстер. Кто бы мог поверить этому, но приходится разъяснять самому г-ну де Вольтеру, что Роберт Дадли и граф Лейстер — одно и то же лицо!

¹ «Блудный сын» (фр.).

ность из театра комического): «On y voit un mélange de sérieux et de plaisanterie, de comique et de touchant, souvent même une seule aventure produit tous ces contrastes. Rien n'est si commun qu'une maison, dans laquelle un père gronde, une fille occupée de sa passion pleure; le fils se moque des deux et quelques parents prennent différemment à la scène, etc. Nous n'inférons pas de là que toute Gomédie doive avoir des scènes de bouffonnerie et des scènes attendrissantes: il y a beaucoup de très bonnes pièces où ne règne que la gaîté; d'autres toutes sérieuses; d'autres mélangées; d'autres où l'attendrissement va jusques aux larmes; il ne faut donner exclusion à aucun genre: et si l'on me demandait, quel genre est le meilleur, je répondrais, celui qui est mieux traité»¹.

Очевидно, что если комедия может быть toute sérieuse², то трагедия может иногда позволить себе сдержанную улыбку. Кто вправе наложить на нее запрет? И вправе ли критик, заявляющий ради защиты самого себя, что ни один род комедии не должен быть отброшен, предписывать правила Шекспиру?

¹ «Здесь имеет место смешение серьезного с шуткой, комического и трогательного; часто одно и то же происшествие порождает такие контрасты. Нет ничего обычного дома, в котором отец бранится, дочь, поглощенная своей любовью, плачет, сын насмехается над ними обоими и несколько родственников по-разному относятся к семейным событиям и т. д. Мы не заключаем из этого, что во всякой комедии должны наличествовать сцены шутовские и сцены трогательные; существует много хороших пьес, в которых господствует одно лишь веселье; есть и другие, совершенно серьезные; и третьи — смешанные; и такие, наконец, трогательность которых вызывает слезы; не следует поэтому отбрасывать ни одного из этих жанров; и, если бы меня спросили, какой из них наилучший, я ответил бы, что тот, в котором удалось написать наилучшую пьесу» (фр.).

² Совершенно серьезной (фр.).

Я знаю, что предисловие, из которого заимствованы вышеприведенные строки, подписано не именем г-на де Вольтера, а именем его издателя; однако кто же усомнится в том, что издатель и автор в данном случае — одно и то же лицо? Едва ли может возникнуть сомнение, где надо искать этого издателя, столь счастливо усвоившего слог своего автора и его блистательное искусство доказательств. Цитированные мною строки, несомненно, выражают собственные мнения этого великого писателя. В своем послании к Маффеи, предпосланном «Меропе», он высказывает сходное суждение, хотя, как мне кажется, с некоторой долей иронии. Переведя несколько строк из «Меропы» Маффеи, г-н де Вольтер добавляет: «Tous ces traits sont naïfs: tout y est convenable à ceux que vous introduisez sur la scène, et aux mœurs que vous leur donnez. Ces familiarités naturelles eussent été, à ce que je crois, bien reçues dans Athènes; mais Paris et notre parterre veut une autre espèce de simplicité»¹.

Повторяю, мне кажется, что в этих и в других строках данного послания сквозит насмешка; но сила правды не уменьшается даже и тогда, когда ее представляют с оттенком смешного. Задачей Маффеи было изобразить события из истории греков, и, уж конечно, афиняне могли с неменьшей основательностью, чем парижский партер, судить о греческих нравах и об уместности представления их на театре. Дело обстоит как раз наоборот, — утвержда-

¹ «Все эти черты наивны; все здесь подходит для лиц, выводимых вами на сцене, и для характеров, которые вы им придаете. Эта безыскусственность и непринужденность была бы хорошо принята в Афинах, но Париж и наш партер предпочитают простоту иного рода» (фр.).

ет Вольтер (и я не могу не восхищаться его аргументацией): «В Афинах было десять тысяч граждан, а число жителей Парижа приближается к восьмистам тысячам, из которых примерно тридцать тысяч являются судьями драматических произведений». Согласен — это так. Но допуская, что состав трибунала в самом деле столь многочислен, я полагаю все же, что не было другого такого случая, когда кто-либо стал утверждать, что тридцать тысяч человек, живущих почти на две тысячи лет позже той эпохи, о которой идет речь, являются в силу одной лишь численности их голосов лучшими судьями, чем сами греки, в вопросе о том, каков должен быть характер трагедии из греческой истории.

Я не буду затевать спора о той *espece de simplicité*¹, которой требует парижский партер, как и о тех колодках, которыми *тридцать тысяч судей* сковали свою поэзию, чье главное достоинство, как я улавливаю из многократно повторяющихся высказываний в «Новом комментарии к Корнелю», состоит в воспарении, несмотря на эти оковы, — то есть в таком искусстве, которое, будь оно общепризнано высшим достоинством поэзии, превратило бы ее из высокого труда воображения в ребяческое и в высшей степени презренное занятие — *difficiles nugæ*² при свидетеле. Я не могу, однако, не упомянуть здесь об одном двустийшии, которое всегда воспринималось моими английскими ушами как весьма плоское и пустячное, призванное лишь пояснить какое-то второстепенное обстоятельство, но которое Вольтер, обошедшийся весьма сурово с девятьюдесятыми сочинений

¹ Особая простота (*фр.*).

² Трудные фокусы (*лат.*).

Корнеля, выделил, взяв его под особую защиту, из всего творчества Расина:

De son appartement cette porte est prochaine,
Et cette autre conduit dans celui de la Reine.

В переводе это звучит так:

Ближайшая к нам дверь ведет в его палаты;
За дверью дальнею — царицыны пенаты.

Несчастный Шекспир! Если бы ты заставил Розенкранца сообщать его товарищу Гильденстерну расположение помещений в копенгагенском дворце, вместо того чтобы развернуть перед нами нравоучительный диалог между датским принцем и могильщиком, просвещенному парижскому партеру *вторично* посоветовали бы восхищаться твоим талантом.

Цель всего сказанного мною — найти оправдание моей дерзкой попытке в примере, который являет нам блистательнейший из гениев — тех по крайней мере, что были порождены нашей страной. Я мог бы заявить, что, создав новый вид романа, я был волен следовать тем правилам, которые считал подходящими для его построения; но я бы испытывал большую гордость, если бы было признано, что я сумел сотворить нечто, хоть отдаленно, хоть в малой степени напоминающее столь замечательный образец, нежели если бы за мной числилась заслуга изобретения чего-то совсем нового, а мое сочинение при этом не было бы отмечено печатью гениальности и своеобразия. Что бы ни представлял собой мой труд, публика достаточно почтила его своим вниманием, независимо от того, какое место в литературе отводят ему суждения читателей.

СОНЕТ

ДОСТОПОЧТЕННОЙ ЛЕДИ МЭРИ КОУК

О деве с горестной судьбою
Поведает вам мой рассказ;
Ужели искренней слезою
Не увлажнит он ваших глаз?

Нет, ваше ль сердце будет глухо
К людским несчастьям и скорбям?
Ведь вам присуща твердость духа,
Но черствость не присуща вам.

Читайте же о замке жутком,
Но ироническим рассудком
Не поверяйте чудеса.

Меня вы дарите улыбкой,
И смело над пучиной зыбкой
Я подымаю паруса.

Г. У.

ГЛАВА 1

У Манфреда, князя Отрантского, были сын и дочь. Дочери уже минуло восемнадцать лет; она была на редкость хороша собой и звалась Матильдой. Сын Манфреда, Конрад, был на три года моложе своей сестры; он был юноша болезненный, ничем особым не примечательный и не подававший больших надежд. Тем не менее именно он был любимцем отца, никогда не выдававшего знаков душевного расположения к Матильде. Манфред подыскал сыну невесту — дочь маркиза да Виченца Изабеллу, которую после сговора опекуны препроводили к князю, — с тем чтобы он мог сыграть свадьбу сразу же, как только это позволит слабое здоровье Конрада. Члены семьи Манфреда и окрестные соседи замечали, как не терпелось ему увидеть совершённым свадебный обряд. Но семья, знавшая суровый нрав своего главы, остерегалась высказывать вслух предположения о причинах такой спешки. Супруга Манфреда, Ипполита, женщина весьма добросердечная, иногда осмеливалась говорить мужу о своих опасениях по поводу столь раннего брака их единственного сына, слишком юного и отягченного болезнями, но в ответ она неизменно слышала от Манфреда лишь упреки в том, что из-за ее бесплодия у него только один

наследник. Вассалы и подданные князя были менее осторожны в разговорах между собой: они объясняли эту поспешность тем, что князь страшится исполнения старинного пророчества, которое, как говорили, гласило, что «замок Отранто будет утрачен нынешней династией, когда его подлинный владелец станет слишком велик, чтобы обитать в нем». Смысл этого пророчества был неясен; еще менее ясно было, какое отношение оно могло иметь к предстоящему браку. Но, несмотря на все загадки и противоречия, простой народ твердо держался своего мнения.

Бракосочетание было назначено на день рождения юного Конрада. В условленный час участники церемонии собрались в замковой часовне, где все уже было готово для венчального обряда; отсутствовал только сам Конрад. Манфред, не желая терпеть ни малейшего промедления, недоумевая, куда мог запропасться сын, отрядил одного из челядинцев с наказом тотчас же привести юного князя. Слуга отсутствовал значительно меньше времени, чем требовалось для того только, чтобы пересечь двор и добраться до покоев Конрада. Очень скоро он бегом возвратился назад, совершенно обезумевший, задыхающийся, с расширенными от испуга глазами и с пеной на губах. Не произнеся ни слова, он указал рукой на двор. Всех присутствующих охватили изумление и страх. Княгиня Ипполита, не зная, что произошло, но сильно встревожившись за сына, от волнения лишилась чувств. Манфред, не столько обеспокоенный, сколько разъяренный оттяжкой венчания и нелепым поведением слуги, грозно потребовал у него объяснений. Ничего не отвечая, бедняга продолжал показывать дрожащей рукой в сторону двора.

Лишь после того как требование было повторено несколько раз, он наконец выкрикнул: «Шлем, шлем!» Тем временем несколько человек успело спуститься из часовни во двор, и оттуда теперь доносился неясный шум, в котором выделялись крики и возгласы, выражавшие удивление и ужас. Видя, что сына все еще нет, обеспокоился и Манфред, и сам отправился узнать, чем вызвано это непонятное смятение. Матильда, хлопотавшая около матери, осталась в часовне; не тронулась с места и Изабелла; она тоже хотела позаботиться о княгине, но, кроме того, не желала выказать ни малейшего нетерпения по поводу отсутствия своего жениха, к которому, говоря по правде, не испытывала никакой склонности.

Первое, что бросилось в глаза Манфреду, были его слуги, которые сбились в кучу и силились поднять нечто, показавшееся ему огромной грудой черных перьев. Манфред на миг остолбенел, не веря своим глазам.

— Что вы делаете? — гневно вскричал он. — Где мой сын?

В ответ он услышал гул голосов:

— О, господин! Ваш сын! Ваш сын! Шлем! Шлем!

Крайне взволнованный этими горестными возгласами и безотчетно чего-то страшась, он быстро шагнул вперед и — какое зрелище для отцовского взора! — увидел перед собою тело своего сына, раздавленное и наполовину прикрытое гигантским шлемом, во сто раз большим, чем любая каска, когда-либо сделанная для головы человека, и увенчанное огромным пучком перьев.

Ужасная картина, которая предстала перед ним, полнейшая загадочность происшедшего несчастья

и в особенности возвышавшееся перед ним исполинское и диковинное явление — все это подействовало на Манфреда так, что он лишился дара речи. Но одно лишь горе едва ли могло бы вызвать столь долгое молчание князя. Манфред, не отводя глаз, пристально смотрел на шлем, словно надеясь, что он окажется только видением, и был, казалось, не столько поглощен своей утратой, сколько размышлениями о том поразительном предмете, который явился ее причиной. Он притрагивался к смертоносной каске, внимательно разглядывал ее, и даже окровавленные, исковерканные останки юного князя не могли отвлечь взгляд Манфреда от этого чуда. Все люди вокруг, знавшие, как сильно любил Манфред сына, были поражены его бесчувственностью, пожалуй, не меньше, чем самим чудесным шлемом. Они подняли обезображенный труп Конрада и перенесли его в замок. Манфред при этом оставался совершенно безучастным и не отдавал никаких распоряжений. Не больше внимания проявил он и к оставшимся в часовне несчастным женщинам — к своей жене и дочери; и не к ним относились первые слова, которые слетели с его уст.

— Позаботьтесь о госпоже Изабелле, — сказал он.

Слуги не придали значения странности этого распоряжения: будучи весьма преданы своей госпоже, княгине, они решили, что князь, выразившись столь своеобразно, имел в виду *ее* тяжелое душевное состояние, и поспешили прийти к ней на помощь. Они перенесли Ипполиту, в которой едва теплилась жизнь, в ее покои, но она проявляла полное безразличие ко всем необычайным обстоятельствам, о которых ей рассказывали, — ко всему, кроме смерти сына. Матильда, исполнен-

ная самозабвенной дочерней любви, подавила свое собственное горе и изумление и думала только о том, как вернуть к жизни и утешить свою страждущую мать. Изабелла, помня, что Ипполита всегда относилась к ней как к родной дочери, и платя ей столь же горячей преданностью и любовью, также усердно хлопотала вокруг нее; вместе с тем, видя, что Матильда сама подавлена горем, хотя и стремится скрыть свое состояние, она старалась, как могла, разделить с ней и облегчить это тяжкое бремя, ибо питала к дочери Ипполиты самую искреннюю дружескую симпатию. Однако она не могла одновременно не думать и о своем собственном положении. Смерть юного Конрада не вызвала в ней никаких других чувств, кроме жалости, и она отнюдь не была опечалена тем, что избавилась от необходимости вступить в брак, суливший ей мало радости, как можно было предполагать, судя по облику ее нареченного жениха и по суровому нраву Манфреда; несмотря на проявляемую им к невесте сына большую снисходительность, он внушал ей неодолимый страх своей беспричинной черствостью в обращении с такими кроткими существами, как его жена и дочь.

Пока Изабелла и Матильда провожали убитую горем мать к ее ложу, Манфред оставался во дворе и продолжал созерцать зловещий шлем, не обращая внимания на толпу, которая постепенно собралась вокруг него, привлеченная удивительным происшествием. Он почти ничего не говорил и лишь несколько раз повторил один и тот же вопрос: не знает ли кто-нибудь, откуда взялся этот шлем? Никто, однако, не мог сообщить ему никаких сведений на этот счет. Но так как Манфреда, по-видимому, занимало только происхождение

шлема — и ничего более, — вскоре и все остальные зрители стали рассуждать лишь об этом, высказывая различные предположения, неясность и невероятность которых вполне соответствовали исключительности самого бедствия. Глупейшие догадки следовали одна за другой, как вдруг один молодой крестьянин, пришедший сюда из близлежащей деревни, до которой уже успел дойти слух о событиях в замке, заметил, что чудесный шлем в точности похож на шлем черной мраморной статуи, стоящей в церкви Святого Николая и изображающей Альфонсо Доброго, одного из князей, правивших здесь в прежние времена.

— Что ты сказал, негодяй? — вскричал, внезапно перейдя от оцепенения к ярости, Манфред и схватил молодого крестьянина за шиворот. — Как посмел ты произнести эти предательские слова? Ты заплатишь за них жизнью!

Присутствующие так же мало могли уразуметь причину гнева Манфреда, как и все прочее, что они видели перед собой, и этот новый оборот дела поверг их в полное замешательство. Сам молодой крестьянин был изумлен больше всех и не мог понять, чем он оскорбил князя; однако, сразу сообразив, как вести себя, он со смиренным видом осторожно высвободился из железных рук Манфреда и затем, отвесив глубокий поклон, выражавший не столько страх, сколько желание засвидетельствовать свою невиновность, почтительно спросил, в чем состоит его проступок. Отнюдь не умиротворенный покорностью крестьянина, напротив, еще более рассерженный тем, что молодой человек весьма решительно, хотя и ни в коей мере не грубо, заставил его разжать стиснутые пальцы, Манфред приказал своим людям схватить провинившегося

и на месте заколол бы его кинжалом, если бы его не удержали приглашенные на свадьбу гости.

Во время этой перепалки несколько человек из числа собравшегося простонародья успели сбежать в расположенную поблизости от замка большую церковь и вернулись оттуда с разинутыми от изумления ртами: они объявили, что шлем, который был на статуе Альфонсо Доброго, исчез. При этом известии Манфред впал в полное неистовство и, словно чувствуя потребность сорвать на ком-нибудь свой гнев, снова обрушился на молодого крестьянина с криком:

— Негодяй! Дьявольское отродье! Колдун! Ты сделал это! Ты убил моего сына!

Толпа, которая, запутавшись в догадках и предположениях, искала в доступных ее пониманию пределах какого-то прямого виновника бедствия, тотчас подхватила слова Манфреда и тоже стала кричать:

— Это он, он! Он украл шлем с надгробной статуи Альфонсо Доброго и размозил им голову вашего сына!

При этом никто и не подумал о том, как велико различие между мраморным шлемом, находившимся в церкви, и огромной стальной каской, которая была сейчас на виду у всех. Не пришло никому на ум и то, что для юноши, едва достигшего двадцатилетнего возраста, было совершенно невозможно приволочь с собой доспех такой немыслимой тяжести.

Явная нелепость всех этих домыслов привела Манфреда в чувство. Однако, либо рассерженный тем, что крестьянин заметил сходство между шлемами и, таким образом, обнаружилось исчезновение шлема из церкви, либо желая пресечь всякие слухи, которые могло породить столь дерзкое пред-

положение, Манфред во всеуслышание объявил, что молодой человек, бесспорно, является черно-книжником и что, пока церковь не произведет дознания по делу, избалованный чародей будет содержаться в заключении под этим самым шлемом. Он тут же приказал своим людям поднять шлем и поместить под него молодого человека, сказав при этом, что ему не будут доставлять пищу, ибо он сам сможет добыть ее себе при помощи своих сатанинских чар.

Напрасно молодой человек упрасивал князя отменить этот нелепый приговор; напрасно пытались друзья Манфреда отвлечь его от этого дикого решения, для которого не было никаких причин. Большинство простонародья пришло в восторг от произнесенного их господином суда, в высшей степени справедливого, по их разумению, поскольку он карал кудесника тем же самым орудием, которое тот избрал для совершения своего злого дела; и ни у кого из этих людей даже не екнуло сердце при мысли, что юноша может умереть голодной смертью, ибо они и не предполагали такой возможности, будучи убеждены в том, что он при помощи своего дьявольского искусства с легкостью обеспечит себя пропитанием.

Поэтому распоряжение Манфреда было выполнено с большой готовностью и охотой, после чего, выставив у шлема стражу и строго наказав ей препятствовать всякой попытке передать узнику пищу, он подал своим друзьям и слугам знак расходиться, велел запереть наружные ворота, разрешив остаться в замке только жившим в нем челядинцам, и удалился в свои покои.

Тем временем благодаря стараниям и заботам обеих молодых девушек княгиня Ипполита при-

шла в себя; она снова предалась своему горю, но среди бурных приступов отчаяния то и дело спрашивала о своем супруге и повелителе, хотела послать к нему слуг, что были при ней, и наконец упросила Матильду оставить ее и пойти утешать отца. Матильда, неизменно верная своему дочернему долгу, хотя и трепетала от страха перед суровостью Манфреда, повиновалась приказу матери; препоручив ее с тысячью предупреждений заботам Изабеллы, она осведомилась, где находится Манфред, и ей было отвечено, что он удалился в свои покои и не велел никого допускать к себе. Предполагая, что отец погружен в свою горе, и опасаясь, что при виде единственного оставшегося в живых его детища слезы снова брызнут из его глаз, она колебалась, следует ли ей нарушать его печальное уединение; однако ее собственное беспокойство о нем и прямое повеление матери заставили ее отважиться на неповиновение приказу отца — дерзость, в которой она никогда не была повинна прежде. Робость, присущая ее кроткой натуре, остановила ее у входа в покои Манфреда. Стоя в нерешительности перед дверью, она слышала, как он, то быстрее, то медленней, ходит взад и вперед по комнате; такое состояние его духа только усилило ее дурные предчувствия. Однако она собиралась уже заявить о себе стуком и попросить разрешения войти, как вдруг Манфред сам отворил дверь, но в уме его царило смятение, а к тому же еще наступили сумерки, и он, не узнав Матильду, сердито спросил, кто его беспокоит.

— Дорогой отец, это я, ваша дочь, — дрожа, ответила Матильда.

— Убирайся! Мне не нужна дочь! — вскричал, отпрянув от нее, Манфред. И, резко отступив на-

зад, он со всего размаху захлопнул дверь перед онемевшей Матильдой.

Она слишком хорошо знала необузданный нрав отца, чтобы решиться на новое вторжение. Немного оправившись от потрясения, вызванного таким недружелюбным приемом, она поспешила утереть слезы, чтобы скрыть происшедшее от матери и оберечь ее от еще одного тяжкого удара; и когда Ипполита стала взволнованно расспрашивать ее, каково состояние Манфреда и как переносит он свою утрату, она заверила ее, что отец здоров и сохраняет в несчастье мужественную твердость духа.

— Но неужели он не допустит меня к себе? — горестно спросила Ипполита. — Неужели не позволит мне смешать свои слезы с его слезами и матери нельзя будет выплакать свое горе на груди ее повелителя? Или ты обманываешь меня, Матильда? Я знаю, какую любовь питал Манфред к своему сыну: не случилось ли так, что удар оказался слишком силен для него и он не смог его перенести? Я опасаюсь самого худшего! Поднимите меня, — обратилась она к служанкам, — я хочу, я должна увидеть моего супруга. Отнесите меня к нему немедленно. Он мне дороже всех на свете, даже моих детей.

Матильда знаками показала Изабелле, что следует помешать намерению Ипполиты подняться, и обе прелестные девушки мягко, но настойчиво старались удержать на месте и успокоить княгиню, как вдруг появился слуга с поручением от Манфреда и сообщил Изабелле, что его господин желает говорить с ней.

— Со мной? — воскликнула удивленная Изабелла.

— Идите, — сказала ей Ипполита, испытывая облегчение от того, что услышала слова, переданные ее супругом. — Манфред не в состоянии сейчас видеть своих близких. Он думает, что ваше смятение не столь велико, как наше, и опасается силы моего горя. Утешьте его, моя дорогая Изабелла, и скажите ему, что я предпочитаю одна справляться со своей душевной мукой, нежели усиливать его страдания.

Так как в это время уже наступил вечер, слуга, сопровождавший Изабеллу, нес перед ней факел. Когда они предстали перед Манфредом, который нетерпеливо шагал взад и вперед по галерее, тот, восторженно, бросил слуге:

— Прочь этот свет и убирайся сам!

Затем, с силой захлопнув дверь, он бросился на приставленную к стене скамью и велел Изабелле сесть рядом с ним. Дрожа от страха, Изабелла повиновалась.

— Я послал за вами... — сказал Манфред и остановился, как бы подыскивая слова.

— О, князь! — прошептала Изабелла.

— Да, я послал за вами, — повторил он, — ибо хотел видеть вас по одному весьма важному поводу. Осушите ваши слезы, Изабелла... Вы утратили своего жениха... Да, такова жестокая судьба! А я утратил надежду на продолжение моего рода! Но Конрад был недостоин вашей красоты.

— Как, ваша светлость! — воскликнула Изабелла. — Я надеюсь, вы не подозреваете, что я не испытываю тех чувств, которые мне надлежит испытывать по столь печальному поводу. Мой долг и моя преданность никогда бы...

— Не думайте о нем больше, — прервал ее Манфред. — Конрад был болезненный, тщедушный мальчик. Возможно, для того и прибрал его

Господь, чтобы я не доверил будущее моего дома столь ненадежному фундаменту. Княжеский род Манфреда нуждается в многочисленных и крепких опорах. Моя неразумная любовь к этому юнцу затмила мне взор и лишила меня предусмотрительности — так что, может быть, оно и к лучшему. Я надеюсь, что через несколько лет у меня будут основания радоваться смерти Конрада.

Нельзя описать словами изумление Изабеллы. Сначала ей показалось, что у Манфреда от горя помутился разум. Затем она подумала, что эти странные речи имеют своей целью заманить ее в какую-то ловушку. Она испугалась того, что Манфред почувствовал ее равнодушие к Конраду, и поэтому сочла уместным ответить:

— Не сомневайтесь в моих чувствах, высокочтимый князь; отдав свою руку, я отдала бы и свое сердце. Конраду были бы посвящены все мои заботы, и, как бы судьба ни распорядилась мною, отныне я всегда буду свято хранить его память, а вашу светлость и достойнейшую супругу вашу Ипполиту буду чтить как родных отца и мать.

— Будь она проклята, Ипполита! — вскричал Манфред. — Забудьте ее с этого мгновения, как я уже забыл ее. Короче говоря, Изабелла, вы утратили жениха, но он был недостоин ваших прелестей. Вместо хилого юнца супругом вашим должен стать мужчина во цвете лет, который сумеет ценить вашу красоту и который может надеяться на многочисленных отпрысков.

— Увы, ваша светлость, — возразила Изабелла, — ум мой слишком поглощен только что постигшим ваше семейство ужасным несчастьем, чтобы я могла помышлять о другом замужестве. Если мой отец когда-нибудь придет сюда и такова бу-

дет его воля, я покорюсь ей, так же как и в тот раз, когда я согласилась отдать свою руку вашему сыну; но до тех пор, пока не явится мой отец, позвольте мне оставаться под вашим гостеприимным кровом и посвятить свои скорбные дни попыткам облегчить горе, поразившее вас, госпожу Ипполиту и прекрасную Матильду.

— Я уже просил вас однажды, — гневно сказал Манфред, — не вспоминать больше об этой женщине; с этого часа она должна быть для вас такой же чужой, как и для меня. Короче говоря, Изабелла, поскольку я не могу женить на вас своего сына, я предлагаю вам в мужа себя самого.

— О боже! — вскричала Изабелла, у которой наконец спала пелена с глаз. — Что я слышу! Вы, князь? Вы? Мой свекор! Отец Конрада! Супруг кроткой и добродетельной Ипполиты!

— Говорю вам, — властно заявил Манфред, — Ипполита больше не жена мне; с этого часа я в разводе с ней. Слишком долго ее бесплодие тяготело проклятием надо мной. Моя судьба зависит от того, будут у меня сыновья или нет, и я верю, что эта ночь предопределит день, когда мои надежды сбудутся.

С этими словами он схватил холодную как лед руку Изабеллы. Ни жива ни мертва от объявшего ее страха и ужаса, Изабелла вскрикнула и вырвалась от него. Манфред вскочил, чтобы настичь ее, как вдруг увидел в свете месяца, теперь уже высоко взошедшего и озарявшего противоположное окно, перья рокового шлема, которые поднимались до самых окон и раскачивались из стороны в сторону, глухо шелестя, словно деревья в бурю. Изабелле отчаяние придало храбрости, и, больше всего страшась настойчивого стремления Манфреда осуществить свой замысел, она крикнула:

— Смотрите, князь, смотрите! Само Небо осуждает ваши нечестивые намерения!

— Ни Небо, ни ад не помешают мне выполнить то, что я задумал, — ответил Манфред и снова бросился к Изабелле.

В этот момент портрет его деда, висевший над скамьей, на которой они перед тем сидели, явственно вздохнул и грудь его поднялась и опустилась. Изабелла, стоявшая спиной к портрету, не заметила, как он шевельнулся, и не знала, откуда донесся услышанный ею вздох, но вся задрожала. Произнеся: «Что это, князь? Вы слышите этот звук?» — она бросилась к двери. Манфреду, который не мог отвести глаз от портрета, было в этот момент не до нее, и она успела добраться до лестницы, прежде чем он, заметив ее бегство, сделал несколько шагов ей вослед, озираясь на ожившее изображение, как вдруг портрет покинул раму и, сойдя на пол, с угрюмым и скорбным видом стал перед Манфредом.

— Уж не во сне ли я вижу это? — вскричал Манфред. — Или все дьявольские силы ополчились против меня? Говори, адское виденье! А если ты действительно мой предок, то почему и ты вступил в заговор против своего несчастного потомка, который платит слишком дорогой ценой за то, что...

Он не успел окончить фразу, как призрак снова вздохнул и подал Манфреду знак следовать за ним.

— Веди меня! — воскликнул Манфред. — Я пойду за тобой хоть в самую преисподнюю.

Призрак степенно, но с угрюмым видом прошествовал до конца галереи и свернул в горницу направо. Манфред следовал за ним на некотором расстоянии, исполненный тревоги и ужаса, но без колебаний. Когда он захотел войти в горницу вслед

за призраком, незримая рука резко захлопнула перед ним дверь. Князь, собрав во время этой задержки всю свою смелость, стал ломиться в дверь, ударяя в нее ногой, но убедился, что она не поддается никаким его усилиям.

— Что ж, если ад не хочет удовлетворить мое любопытство, я употреблю все доступные мне человеческие средства, чтобы сохранить свой род, — промолвил он. — Изабелле не уйти от меня.

Девушка, чья решимость сменилась страхом, как только она покинула Манфреда, сбежала вниз по главной лестнице до прихожей. Здесь она остановилась, не зная, куда направиться дальше и как спастись от необузданности князя. Ворота замка оказались заперты, и во дворе были расставлены часовые. Могла ли она, повинуясь зову своего сердца, пойти в покои Ипполиты, чтобы предупредить княгиню об ожидавшей ее жестокой участи? Она не сомневалась, что Манфред сразу же явится за ней туда и в своей ярости нанесет задуманную им обиду со всей мыслимой жестокостью, а у них не будет никакой возможности защититься от неистовства его страстей. Нужна была хоть небольшая отсрочка, в течение которой Манфред мог бы поразмыслить над принятыми им ужасными решениями или появилось бы какое-нибудь благоприятное для нее обстоятельство, но для этого было необходимо, чтобы по крайней мере на ближайшую ночь ему пришлось отложить выполнение своих чудовищных намерений. Но где скрыться? Как уйти от Манфреда, который неизбежно будет преследовать ее в любой части замка? В то время как эти мысли вихрем проносились в ее голове, она вдруг вспомнила про подземный ход, который вел из подвалов замка в церковь Святого Николая.

Она знала, что если бы ей удалось добраться до алтаря, прежде чем ее настигнут, то даже такой неистовый человек, как Манфред, не посмел бы осквернить это священное место; и она решила, если не представится иного способа спастись, навсегда укрыться среди святых дев, чей монастырь соседствовал с церковью Святого Николая. Приняв такое решение, она схватила светильник, горевший у подножия лестницы, и устремилась к потайному ходу.

Подвальная часть замка состояла из множества низких сводчатых коридоров, настолько запутанных, что до крайности взволнованной Изабелле нелегко было найти дверь в тот погреб, откуда начинался ход. Пугающее безмолвие царило во всех этих подземных помещениях, и лишь иногда порывы ветра сотрясали раскрытые ею двери, заставляя их скрипеть на ржавых петлях, отчего по всему мрачному лабиринту прокатывалось многократное эхо. Каждый шорох вызывал у Изабеллы новый прилив страха, но больше всего она боялась услышать гневный голос Манфреда, побуждающий слуг преследовать ее. Она ступала так осторожно, как только могла при всем своем нетерпении, но часто останавливалась и прислушивалась, нет ли у нее за спиной погони. Вдруг ей показалось, что она услышала чей-то вздох. Затрепетав, она отступила на несколько шагов. Кровь похолодела в ее жилах: она решила, что это Манфред. Самые разнообразные предположения, какие только могли быть порождены чувством ужаса, пронеслись одно за другим в ее голове. Она осуждала себя за поспешный побег, из-за которого она могла оказаться беззащитной перед его бешенством, ибо нельзя было надеяться, что в таком месте ее крики привлекут

кого-нибудь ей на помощь. Однако звук этот, по-видимому, раздался не позади нее. А если бы Манфред знал, где она, то уж наверное следовал бы за ней по пятам. Она все еще находилась в одном из подземных переходов, а шаги, доносившиеся до ее слуха, были слишком отчетливы, чтобы ожидать их приближения с той же стороны, откуда шла она сама. Ободренная этим соображением и надеясь встретить доброжелателя в любом человеке, кроме Манфреда, Изабелла хотела уже двинуться вперед, как вдруг дверь, видневшаяся слева невдалеке от нее и стоявшая полуприкрытой, тихонько отворилась настежь; но, прежде чем пламя светильника, который Изабелла подняла над головой, дало ей возможность разглядеть того, кто открыл дверь, он поспешно отступил во тьму.

Достаточно было любой случайности, чтобы напугать Изабеллу до полусмерти, и она колебалась, не зная, продолжать ли ей свой путь. Вскоре, однако, страх перед Манфредом пересилил все другие ее опасения. Как раз то обстоятельство, что незнакомец избегал показаться ей на глаза, придало ей некоторую смелость. «Это может быть только, — подумала она, — какой-нибудь слуга из замка». Обходительная и ласковая со всеми, она ни в ком не нажила себе врага, и сознание невинности внушало ей надежду, что слуги князя, если только они не посланы им самим на ее поиски, скорее будут способствовать, нежели препятствовать ее побегу. Подбодрив себя этими соображениями и предположив по всем признакам, что стоит у входа в подземную пещеру, она приблизилась к двери, которую только что открыли перед ней; но внезапный порыв ветра, ударив ей в лицо, едва она подошла к порогу, загасил светильник, и она осталась в полной темноте.

Нельзя описать словами то ужасное положение, в котором очутилась Изабелла. Она была одна в таком безотрадном месте, вся еще под впечатлением страшных событий минувшего дня, почти без надежды на спасение, ожидая каждый миг появления Манфреда, не видя для себя утешения и в том, что совсем рядом с ней находится кто-то неизвестный, очевидно, не без причины скрывающийся здесь. Она мысленно обратилась ко всем святым на небесах с горячей мольбой о помощи. В течение некоторого времени, охваченная отчаянием, она не в силах была шевельнуться. Но наконец Изабелла все же стала нащупывать дверь, двигаясь по возможности неслышно, и, найдя ее, с трепетом вступила под своды, откуда до нее донеслись вздох и шаги. На мгновение она испытала что-то похожее на радость, увидев слабый, мерцающий луч застилаемой тучами луны, проникавший сверху, где часть потолка, по-видимому, обвалилась и откуда свисал не то кусок земли, не то обломок какой-то стены, что именно — Изабелла не могла разобрать. Заинтересованная, она подошла поближе к пролому и вдруг увидела человеческую фигуру, прислонившуюся к стене.

Изабелла вскрикнула, решив, что перед ней призрак ее жениха Конрада. Но фигура приблизилась и почтительно произнесла:

— Не тревожьтесь, госпожа! Я не сделаю вам ничего дурного.

Несколько ободренная словами незнакомца и тоном, которым они были произнесены, Изабелла сообразила, что этот самый человек, наверное, открыл ей дверь, и собралась с духом настолько, что смогла ответить:

— Кто бы вы ни были, сударь, сжальтесь над бедной девушкой, находящейся на краю гибели;

помогите мне убежать из этого ужасного замка, иначе через несколько минут я стану несчастной навсегда.

— Увы! — воскликнул незнакомец. — Как могу я помочь вам? Я готов умереть, защищая вас, но я совсем не знаю замка, и у меня нет...

— О! — вскричала Изабелла, прервав его на полуслове. — Помогите мне только найти подъемную дверь — она должна быть где-то здесь поблизости, — и вы окажете мне величайшую услугу; ничего больше мне не нужно, но я не могу терять ни минуты.

С этими словами она стала ощупывать каменный пол и попросила незнакомца заняться тем же самым, чтобы найти небольшую медную пластину, вделанную в один из камней.

— Это затвор, — сказала она, — он открывается пружиной, секрет которой я знаю. Если мы найдем его, я смогу спастись, если же нет, то — увы, любезный незнакомец! — я боюсь, что вовлеку вас в свои несчастья: Манфред заподозрит, что вы соучастник моего побега, и вы станете жертвой его ярости.

— Я не слишком дорожу своей жизнью, — ответил незнакомец. — Если я отдам ее за то, чтобы избавить вас от тирании Манфреда, то в последнюю минуту это послужит мне некоторым утешением.

— Благородный юноша, — сказала Изабелла, — смогу ли я когда-нибудь отплатить вам...

Как раз когда она произносила эти слова, лунный луч, проскользнувший сквозь щель в своде, упал прямо на затвор, который они искали.

— О радость! — воскликнула Изабелла. — Вот она, подъемная дверь!

И, достав ключ, она нажала на пружину; медный затвор отскочил в сторону, открыв железное кольцо.

— Поднимите дверь, — сказала Изабелла.

Незнакомец повиновался; в открывшемся проеме виднелось начало каменной лестницы, которая уходила в полную темноту.

— Мы должны спуститься туда, — произнесла Изабелла, — следуйте за мной: хотя здесь мрачно и жутко, мы не собьемся с пути; подземный ход приведет нас прямо в церковь Святого Николая. Но, быть может, — деликатно добавила она, — у вас нет причин покидать замок; а я вполне могу больше не обременять вас: через несколько минут я буду недостижима для неистовства Манфреда, только скажите мне, кому я обязана столь многим.

— Я ни за что не покину вас, — живо возразил незнакомец, — пока вы не окажетесь в безопасном месте, и не считайте меня чересчур самоотверженным человеком, хотя сейчас вы — моя главная забота...

Незнакомец не успел договорить, как вдруг издали послышался гул голосов, которые стали быстро приближаться, и вскоре беглецы смогли разобрать слова:

— Что вы толкуете мне о колдунах! Говорю вам, она должна быть в замке; я найду ее, несмотря на все бесовские чары!

— О Небо! — вскричала Изабелла. — Это голос Манфреда! Скорее, или мы погибли! Опустите за собой дверь.

С этими словами она поспешно сошла вниз по ступеням; незнакомец хотел ринуться вслед за ней, но неосторожно выпустил из рук подъемную дверь; она упала, и пружина захлопнула затвор. Напрасно пытался юноша открыть дверь, не заметив, каким

именно способом нажала на пружину Изабелла, да и времени, чтобы продолжать попытки, у него почти не оставалось. Манфред услышал грохот от падения двери и устремился в ту сторону, откуда раздался шум, в сопровождении слуг, которые держали в руках пылающие факелы.

— Это, наверно, Изабелла! — вскричал Манфред, еще не ступив под своды подземелья. — Она пытается скрыться через потайной ход, но далеко уйти она еще не могла.

Каково же было изумление князя, когда при свете факелов он увидел вместо Изабеллы того самого молодого крестьянина, который, как он полагал, должен был сейчас пребывать в заключении под роковым шлемом.

— Предатель! — воскликнул Манфред. — Как ты попал сюда? Я полагал, что ты крепко заперт там наверху, во дворе.

— Я не предатель, — смело возразил молодой человек, — и никак не отвечаю за ваши предположения.

— Наглец! — закричал Манфред. — Ты нарочно распалешь мой гнев? Говори: как удалось тебе освободиться из-под шлема? Ты, наверно, подкупил стражу — они поплатятся за это жизнью!

— Моя бедность, — спокойно отвечал крестьянин, — доказательство их невиновности; хотя они призваны служить прихотям своевольного тирана, но своему господину они преданы и готовы были весьма ревностно выполнить ваш несправедливый приказ.

— Ты настолько дерзок, что не боишься моего гнева? — сказал Манфред. — Что ж, пытки вырвут у тебя правду. Говори, я желаю знать, кто твои сообщники.

— Вот кто мой сообщник, — с улыбкой ответил юноша, указывая на своды над головой.

Манфред велел поднять повыше факелы и увидел пролом в потолке, образованный одним из краев каски, пробившим каменный настил двора в тот момент, когда слуги обрушили ее на молодого крестьянина, которому удалось протиснуться сквозь открывшуюся таким образом щель за несколько минут до встречи с Изабеллой.

— Значит, ты спустился оттуда? — спросил Манфред.

— Да, — ответил юноша.

— Но что же за шум я услышал, входя в эту залу? — продолжал спрашивать Манфред.

— Это захлопнулась дверь, — сказал крестьянин. — Я тоже слышал громкий звук.

— Какая дверь? — поспешно спросил Манфред.

— Я не знаком с вашим замком, — ответил крестьянин. — Сейчас я впервые попал в него, и это подземелье — единственное помещение в нем, которое я до сих пор видел.

— Но я говорю тебе, — сказал Манфред, желая проверить, обнаружил ли юноша потайную дверь, — шум, который я слышал, шел отсюда; мои слуги тоже слышали его.

— Ваша светлость, — почтительно обратился к Манфреду один из слуг, — это, конечно, упала подъемная дверь, а он пытался скрыться таким путем.

— Замолчи, болван! — сердито прикрикнул на него князь. — Если он намеревался скрыться, как оказался он с этой стороны? Я хочу услышать из его собственных уст, что за шум донесся до моих ушей. Говори правду: твоя жизнь зависит от того, будешь ли ты правдив.

— Правда для меня дороже жизни, — отвечал крестьянин, — и я не стану отвращать от себя смерть ценою лжи.

— В самом деле, молодой философ? — презрительно спросил Манфред. — Так вот и скажи мне: что за шум я слышал?

— Задавайте мне вопросы, на которые я могу ответить, и, если я солгу, можете казнить меня.

Манфред, которого уже начали злить невозмутимость и бесстрашие юноши, вскричал:

— Хорошо же, отвечай, правдолюбец; этот шум, услышанный мною, был вызван падением подъемной двери?

— Да, — ответил юноша.

— Я так и знал, — произнес князь. — Но как же ты дознался, что здесь есть подъемная дверь?

— Я увидел в свете месяца медную пластину, — ответил молодой человек.

— Но кто сказал тебе, что это затвор? Как узнал ты секрет, который запирает его?

— Провидение, освободившее меня из-под шлема, направило меня и помогло найти пружину затвора.

— Провидение могло бы пойти несколько дальше и обезопасить тебя от моего гнева, — сказал Манфред. — Если Провидение и помогло тебе открыть затвор, оно покинуло тебя, как глупца, не способного воспользоваться его благодеяниями. Почему ты не устремился по тому пути, который был указан тебе для твоего спасения? Почему ты закрыл подъемную дверь до того, как спустился вниз по ступеням?

— Я мог бы спросить у вас, ваша светлость, — сказал крестьянин, — откуда было мне, совершенно не знакомому с замком, знать, что эти ступени

ведут к какому-нибудь выходу; но я считаю недостойным для себя уклоняться от ваших вопросов. Куда бы ступени ни вели, я, вероятно, попытался бы испробовать этот путь — я не мог бы оказаться в худшем положении, чем то, в котором уже находился. Но я действительно дал двери упасть — это чистая правда; и тотчас вслед за тем появились вы. Я был причиной поднятой вами тревоги, какое же имело для меня значение, буду ли я схвачен минутой раньше или минутой позже?

— Ты весьма смел, хоть и молод, — произнес Манфред. — Но сдастся мне, ты пытаешься хитрить со мной. Ты еще не сказал, как тебе удалось открыть затвор.

— Это я покажу вам, — ответил крестьянин, и, взяв в руку один из упавших со свода обломков, он улегся на подъемную дверь и стал бить по вделанной в нее медной пластине, желая таким образом оттянуть время, чтобы беглянка успела добраться до церкви.

Проявленное юношей присутствие духа, а также его прямота и искренность произвели большое впечатление на Манфреда. Он даже ощутил склонность великодушно простить юношу, не повинного ни в каком преступлении. Манфред не был одним из тех свирепых тиранов, которые черпают наслаждение в жестокости, предаваясь ей просто так, безо всякого повода. Обстоятельства его жизни привели к тому, что он очерствел, но от природы он был человечен; и добрые начала в его душе тотчас давали себя знать, когда страсти не затмевали его разума.

В то время как князь пребывал в замешательстве, не зная, как поступить, из отдаленных подземных зал послышался и прокатился эхом неяс-

ный гул голосов. Когда шум приблизился, Манфред узнал голоса своих слуг, которых он разослал по всем уголкам замка на поиски Изабеллы.

— Где его светлость? Где князь? — кричали они что было сил.

— Я здесь, — ответил Манфред, когда они подошли ближе.

— О государь! — воскликнул первый из вошедших в залу. — Какое счастье, что мы нашли вас!

— Нашли меня? — крикнул Манфред. — А Изабеллу вы нашли?

— Мы думали, что настигли ее, — ответил слуга, выглядевший насмерть перепуганным, — но, ваша светлость...

— Что? — прогремел Манфред. — Она убежала?

— Жак и я, ваша светлость...

— Да, я и Диего... — прервал этого слугу другой, следом за ним вошедший в залу; он выглядел еще более потрясенным.

— Говорите по очереди, — приказал Манфред. — Я спрашиваю вас: где Изабелла?

— Мы не знаем, — ответили оба в один голос, — но мы так испуганы, что ничего не соображаем.

— Это я вижу, болваны вы этакие! — сердито сказал князь. — Что же нагнало на вас такой страх?

— О господин! — промолвил Жак. — Диего узрел нечто такое... Вы, ваша светлость, не поверили бы своим глазам.

— Что еще за нелепости! — вскричал Манфред. — Отвечайте прямо, без обиняков, не то, клянусь Небом...

— Так вот, — сказал бедняга слуга, — если вашей светлости угодно меня выслушать, дело было так: Диего и я...

— Да, да, я и Жак... — взволнованно вставил его товарищ.

— Я же запретил вам говорить обоим вместе, — сказал князь. — Отвечай ты, Жак: этот дурак Диего, кажется, еще больше спятил с ума, чем ты. Что случилось?

— Милостивый господин мой, если вам угодно выслушать меня, дело было так: Диего и я по приказу вашей светлости отправились искать молодую госпожу, но, опасаясь встретить призрак нашего молодого господина, сына вашей светлости, — упокой, Господи, его душу! — поскольку он не получил христианского погребения...

— Глупец! — разъярился Манфред. — Так, значит, только призрак ты и видел?

— О, хуже, много хуже! — воскликнул Диего. — Я предпочел бы увидеть целый десяток призраков во весь рост.

— Никакого терпения не хватит с этими болванами: они сводят меня с ума! Прочь с глаз моих, Диего! А ты, Жак, встряхнись и отвечай: ты в своем уме или бредишь? Обычно ты проявлял некоторое здравомыслие. Или этот дурак, перетрусив, напугал и тебя до смерти? Говори, что такое ему привиделось?

— Сейчас, сейчас скажу, ваша светлость, — отвечал Жак, весь дрожа. — Я как раз и собирался поведать вам, что со времени ужасной гибели нашего молодого господина, — упокой, Господи, его невинную душу! — ни один из нас, верных слуг вашей светлости, не осмеливался поодиночке ходить по замку: только по двое. И вот Диего и я, полагая, что молодая госпожа Изабелла может находиться в галерее, отправились туда, чтобы найти ее и передать ей о желании вашей светлости говорить с нею.

— Ох, безнадежные глупцы! — вскричал Манфред. — А она тем временем скрылась, потому что вы испугались домового. Подумай ты, дурацкая башка: ведь она оставила меня в галерее, и я сам пришел оттуда.

— И все-таки, сдается мне, она еще и сейчас там, — сказал Жак. — Но пусть дьявол меня заберет, если я пойду снова искать ее в этом месте... Бедный Диего! Не думаю, чтобы он мог оправиться от этого...

— Оправиться от чего? — спросил, негодуя, Манфред. — Что же, я так никогда и не узнаю, что заставляло этих негодяев? Но я попусту теряю время. Следуй за мной, холоп, я сам посмотрю, в галерее ли Изабелла.

— Ради всего святого, добрый господин мой, — воскликнул Жак, — не ходите в галерею! По-моему, сам сатана сидит там в соседней горнице.

Манфред, до сих пор считавший, что слуги просто зря перетрусили, был поражен этим новым обстоятельством. Он вспомнил об ожившем портрете и о внезапно захлопнувшейся двери в конце коридора; голос его задрожал, и он растерянно спросил:

— Что такое там, в большой горнице?

— Господин мой, — отвечал Жак, — когда Диего и я подошли к галерее, Диего вошел в нее первым, потому что, как он сказал, он смелее меня. Так вот, войдя в галерею, мы никого в ней не нашли. Заглядывали под каждую скамью, под каждый стул — и все же не нашли никого.

— А все портреты были на своих местах? — спросил Манфред.

— Да, ваша светлость, — подтвердил Жак. — Но нам не пришлось в голову заглянуть за них.

— Ладно, ладно, рассказывай дальше, — приказал князь.

— Когда мы подошли к двери большой горницы, — продолжал Жак, — она была закрыта.

— И что же, вы не смогли ее открыть? — вновь прервал его Манфред.

— Да нет, ваша светлость, смогли. О, если бы Небу было угодно не позволять нам этого! — воскликнул слуга. — На него, то есть на Диего, а никак не на меня, вдруг напала отчаянная храбрость, и он решился войти туда, хотя я и отговаривал его... Если я когда-нибудь снова войду в горницу, дверь которой закрыта...

— Не отклоняйся в сторону, — промолвил Манфред, содрогаясь, — и скажи ясно, что увидели вы в большой горнице, когда отворили дверь.

— Я, ваша светлость? — вскричал Жак. — Я ничего не видел: я стоял позади Диего. Из нас двоих, господин мой, видел это Диего, а не я, но я слышал шум.

— Заклинаю тебя душами моих предков, Жак, — торжественным тоном произнес Манфред, — скажи мне: что ты видел? Что ты слышал?

— Видел Диего, а не я, ваша светлость, — ответил Жак, — я лишь слышал шум. Как только Диего отворил дверь, он закричал и отскочил назад. Я тоже отскочил и спросил его: «Что там, призрак?» «Призрак? Нет, нет, — отвечал Диего, и волосы на голове у него зашевелились сами собой. — Мне кажется, это — великан, он, верно, весь закован в латы; я видел его ступню и часть голени, они такие же огромные, как и шлем, что лежит посреди двора». Не успел он произнести эти слова, ваша светлость, как мы услышали громкий звук, словно что-то большое начало шевелиться, и лязг

доспехов: это, надо полагать, великан вставал на ноги, потому что сначала он, как потом сказал мне Диего, должно быть, был простерт навзничь, поскольку нога его лежала, а не стояла. Прежде чем мы добрались до конца галереи, мы слышали, как дверь большой горницы захлопнулась за нами, но не осмеливались обернуться и посмотреть, не преследует ли нас великан; правда, теперь я думаю, что мы бы слышали его, если бы он гнался за нами; но, ваша светлость, ради Бога, пошлите за капелланом, и пусть он изгонит духов из замка, потому что... потому что замок, конечно, околдован.

— О, пожалуйста, ваша светлость, сделайте это немедленно! — разом воскликнули все слуги. — Или же мы должны будем оставить службу у вас.

— Спокойно, дурачье! — прикрикнул на них Манфред. — Следуйте за мной. Я узнаю, что все это значит.

— Вы хотите, чтобы мы шли с вами, ваша светлость?! — вскричали слуги в один голос. — Нет, нет, на галерею мы не пойдем, хоть озолотите нас.

Тут заговорил молодой крестьянин, который до сих пор молча наблюдал за происходящим:

— Дозвольте мне, ваша светлость, отважиться на это предприятие! Я свободно могу рисковать собой — печалиться о моей смерти некому. Злых духов я не боюсь, а добрым я не нанес никаких обид.

— Ты ведешь себя лучше, чем можно было от тебя ожидать, — произнес Манфред, глядя на юношу с удивлением и восхищением, — потом я награжу тебя за твою отвагу; но сейчас, — со вздохом добавил он, — я в таких обстоятельствах, что не могу себе позволить доверять чьим-либо глазам,

кроме моих собственных. Однако я разрешаю тебе сопровождать меня.

После того как Манфред в погоне за Изабеллой покинул галерею, он прежде всего устремился в покои своей жены, полагая, что девушка направилась туда. Ипполита, узнав его шаги, в волнении поднялась навстречу своему повелителю, которого не видела с момента гибели их сына. Она готова была броситься ему на грудь со смешанным чувством радости и горя, но он грубо оттолкнул ее и спросил:

— Где Изабелла?

— Изабелла, государь, Изабелла? — в изумлении переспросила Ипполита.

— Да, Изабелла! — властно выкрикнул Манфред. — Мне нужна Изабелла.

— Отец, — подала голос Матильда, от которой не укрылось, какое тяжкое впечатление произвело его поведение на мать, — Изабеллы не было здесь с тех пор, как вы потребовали ее к себе.

— Отвечайте, где она сейчас, — потребовал князь. — Мне безразлично, где она была прежде.

— Уважаемый супруг мой, ваша дочь говорит правду: Изабелла оставила нас по вашему повелению и с тех пор не возвращалась. Но успокойтесь, государь, придите в себя и отдохните: события этого злосчастного дня привели в смятение ваш дух. Утром Изабелла выполнит все ваши распоряжения.

— Значит, вы знаете, где она! — вскричал Манфред. — Говорите без утайки — я не хочу терять ни мгновения. Да, вот что, женщина, — добавил он, обращаясь так к жене, — скажи моему капеллану, что я требую его к себе немедленно.

— Изабелла, я полагаю, — спокойно сказала Ипполита, — удалилась к себе для ночного отдыха. Она

не привыкла бодрствовать в столь поздний час. Государь, — продолжала она, — скажите мне, что встревожило вас? Ужели Изабелла нанесла вам какое-то оскорбление?

— Не докучай мне вопросами! — оборвал ее Манфред. — Ты должна сказать одно — где она.

— Матильда позовет ее, — ответила Ипполита. — Оставляйтесь на месте, государь, и верните себе ваше обычное самообладание.

— Ты что же, значит, ревнуешь меня к Изабелле? — сказал Манфред. — Иначе почему бы тебе хотеть присутствовать при нашем свидании?

— О боже! — воскликнула Ипполита. — Что вы имеете в виду, ваша светлость?

— Скоро ты узнаешь это: потерпи лишь несколько минут, — сказал жестокий князь. — Пошли ко мне своего капеллана, а сама ожидай здесь изъявления моей воли.

С этими словами он бросился вон из комнаты на поиски Изабеллы, оставив жену и дочь одних; потрясенные его речами и безумным поведением, они терялись в напрасных догадках о том, что он замышляет.

Теперь Манфред возвращался из подземелья в сопровождении молодого крестьянина и нескольких слуг, которым он приказал следовать за ним. Не останавливаясь он взбежал вверх по лестнице и у дверей галереи встретил Ипполиту с ее капелланом. Они оказались здесь потому, что Диего, когда Манфред отослал его, отправился сразу же к княгине и в крайнем волнении сообщил ей о том, что он видел. Благородная Ипполита, так же как и Манфред, не сомневалась в истинности видения, но притворилась, будто считает, что слуга бредит. Желая, однако, уберечь супруга от еще

одного потрясения и будучи подготовлена всеми уже испытанными ею страданиями к тому, чтобы бестрепетно ожидать новых несчастий, она решила принести себя в жертву первой, если им было предначертано судьбой погибнуть именно в этот час. Велев Матильде идти отдыхать, хотя та и упрашивала мать взять ее с собою, Ипполита в сопровождении одного лишь капеллана обошла галерею и примыкавшую к ней большую горницу; и теперь, впервые за много часов обретая некое подобие душевного спокойствия, она заверила своего супруга и повелителя в том, что видение гигантской ноги — чистейший вымысел, который несомненно порожден страхом, овладевшим слугами в это глухое ночное время. Она и капеллан осмотрели горницу и нашли в ней все в обычном состоянии.

Хотя Манфред, подобно своей жене, был уверен, что видение отнюдь не было плодом фантазии его слуг, все же возбуждение, в котором пребывал его дух вследствие столь многих странных событий этого дня, несколько улеглось. Кроме того, ему стыдно было за свое бесчеловечное обращение с княгиней, которая на каждое оскорбление отвечала новыми изъявлениями любви и преданности; он почувствовал, что в сердце его жива любовь к ней, но, в меньшей степени стыдясь и того, что ощущает угрызения совести за свое поведение по отношению к женщине, с которой он собирался обойтись еще более жестоко, подавил порыв своего сердца и даже не позволил себе проявить жалость. И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот, на этот раз — к изощреннейшей низости. Рассчитывая на неизменную покорность Ипполиты, он стал льстить себя на-

деждой, что она не только смиренно примет развод, но даже постарается, если он ей прикажет, уговорить Изабеллу отдать ему свою руку. Однако едва предался он этой ужасной мечте, как тотчас вспомнил, что Изабеллу пока еще никак не удастся найти. Придя в себя, он отдал приказ тщательно охранять все подходы к замку и под страхом смерти велел своим челядинцам никого не выпускать за его пределы. Молодому крестьянину, с которым Манфред разговаривал благосклонно, он велел расположиться в небольшой каморке под лестницей, где была походная постель; сказав юноше, что наутро поговорит с ним, он сам взял ключ от каморки. Затем, отпустив сопровождавших его людей и удостоив Ипполиту слабым кивком, он удалился в свои покои.

ГЛАВА 2

Матильда, уйдя по распоряжению Ипполиты в свою светлицу, была не в состоянии предаться отдыху и сну. Ужасная гибель брата не выходила у нее из головы. Ее удивляло отсутствие Изабеллы, а странные слова, оброненные отцом, его дикое поведение и неопределенная угроза княгине вселили в Матильду страх и тревогу. Она с нетерпением ждала возвращения Бьянки, услужавшей ей молодой особы, которую она послала разузнать, что произошло с Изабеллой. Бьянка вскоре появилась и сообщила своей госпоже то, что ей удалось вывести у слуг, а именно: что Изабеллу нигде не могут найти. Она упомянула также о случае с молодым крестьянином, которого обнаружили в подземелье. Уснадив свой рассказ многими добавлениями, почерпнутыми из наивных и бессвязных показаний челядинцев, главное место она отвела гигантской ноге, которую видели в зале, примыкавшей к галерее. Этим последним обстоятельством Бьянка была так напугана, что обрадовалась, когда Матильда сказала ей, что не пойдет спать, а будет бодрствовать до тех пор, пока не поднимется княгиня.

Матильда терзалась всевозможными догадками о побеге Изабеллы и об угрозах Манфреда матери.

— Но что за неотложное дело у него к капеллану? — спросила она. — Не намерен ли он тайно похоронить тело моего брата в часовне?

— О госпожа моя, — воскликнула Бьянка, — теперь я догадалась! Так как вы стали наследницей вашего отца, он загорелся желанием поскорее выдать вас замуж. Он всегда хотел иметь еще сыновей; я уверена, что теперь ему не терпится обзавестись внуками. Вот, как Бог свят, теперь-то наконец я увижу вас невестой. Но, добрая моя госпожа, вы не прогоните вашу верную Бьянку и не поставите надо мной донну Розару, хотя теперь вы — наследница княжества Отранто?

— Моя бедная Бьянка, — сказала Матильда, — как далеко уведит тебя воображение! Это я-то — наследница княжества Отранто? Что в поведении Манфреда после смерти брата говорит об усилении его привязанности ко мне? Нет, Бьянка, сердце его всегда оставалось закрытым для меня, но он мой отец, и я не смею жаловаться. Что ж, если Господь отторг меня от отцовского сердца, он не по заслугам вознаграждает меня нежной любовью моей матери. О, дорогая моя матушка! Да, Бьянка, когда суровый нрав Манфреда отзывается на мне, я могу терпеливо сносить его жестокосердие; но когда я вижу, как черств он с матерью, это больно ранит мою душу.

— О госпожа моя, — сказала Бьянка, — все мужчины обращаются так со своими женами, когда те надоедают им.

— И тем не менее ты только что поздравляла меня, — возразила Матильда, — придумав, будто отец намерен выдать меня замуж.

— Мне хотелось бы видеть вас знатной дамой, — объяснила Бьянка, — а там будь что будет. Мне

смерть как не хочется, чтобы вы были упрятаны от мира в монастыре, а ведь так бы оно и вышло, будь на то ваша воля; и если бы ваша матушка княгиня, знающая, что иметь плохого мужа лучше, чем не иметь никакого, не воспрепятствовала вам... Господи помилуй, что это за шум? Святой Николай, прости меня! Я ведь только пошутила.

— Это ветер, — сказала Матильда, — он со свистом веет сквозь зубцы на вершине башни; ты слышала этот звук по крайней мере тысячу раз.

— Ах, я не имела в виду ничего дурного! — воскликнула Бьянка. — Ведь это не грех — вести речь о брачных узах. Так вот, госпожа моя, как я уже говорила, допустим, его светлость Манфред предложит вам в мужья статного молодого рыцаря. Вы что же тогда, отвесите ему глубокий поклон и скажете, что предпочитаете монашеское покрывало?

— Благодарение Богу, мне не грозит такая опасность, — ответила Матильда. — Разве ты не знаешь, скольких искателей моей руки он отверг?

— И вы благодарны ему, как преданная дочь, не правда ли, госпожа моя? Но все же представьте себе, что завтра утром отец пригласит вас в залу совета и там рядом с ним вы увидите красивого молодого рыцаря, с большими черными глазами, высоким и чистым лбом и густыми кудрями смоляного цвета — короче говоря, госпожа моя, увидите юного героя, похожего на портрет Альфонсо в галерее, перед которым вы просиживаете часами, не отрывая от него глаз.

— Не говори так легкомысленно об этом портрете, — прервала Бьянку Матильда. — Я признаю, что он вызывает у меня необычайное восхищение, но не влюблена же я в раскрашенный холст. Лич-

ность этого добродетельного князя, уважение к его памяти, внушенное мне матушкой, молитва, которую она, не знаю почему, просила меня произносить над его гробницей, — все это вместе взятое укрепило меня в убеждении, что моя судьба так или иначе связана с чем-то, имеющим отношение к нему.

— Боже! Как может это быть, госпожа моя? — воскликнула Бьянка. — Я всегда слышала, что ваша семья и семья Альфонсо никак не связаны между собой; и, честное слово, мне непонятно, почему ее светлость посылает вас и утром и вечером, в холод и сырость молиться над его гробницей, — ведь он в календаре не записан как святой. Если нужно, чтобы вы молились о чем-то, почему ваша матушка не советует вам обратиться к нашему достославному патрону святому Николаю? Я уверена, что правильно делаю, молясь ему и прося послать мне мужа.

— Может быть, меня бы это затронуло не столь глубоко, — сказала Матильда, — если бы матушка объяснила мне, почему я должна так поступать. Но она молчит, и эта таинственность внушает мне... я не знаю, как это назвать. Так как матушка никогда ничего не делает из прихоти, я уверена, что здесь кроется какая-то роковая тайна. Охваченная безысходным горем из-за смерти брата, она обронила несколько слов, которые намекали на это.

— О, дорогая моя госпожа, — вскричала Бьянка, — какие же это были слова?

— Нет, — сказала Матильда. — Если мать невзначай обмолвится словом, которого не хотела произносить вслух, дочери не подобает повторять его.

— Как? Она пожалела о вырвавшемся у нее слове? — спросила Бьянка. — Уверяю вас, госпожа моя, вы можете доверить мне...

— Мои личные секреты, если они будут у меня, могу, — прервала ее Матильда, — но секреты моей матери — никогда. Дочь не должна ни видеть, ни слышать — ей положено следовать указаниям матери.

— Ах, госпожа моя, ясно как день: вы рождены на свет, чтобы стать святой, — отозвалась Бьянка. — Бесполезно сопротивляться своему призванию: в конце концов вам все-таки не миновать монастыря. Вот госпожа Изабелла — та не так скрытничает со мной, как вы: она позволяет мне говорить с ней о молодых людях; а когда однажды замок посетил красивый и статный рыцарь, она призналась мне, что хотела бы, чтобы ваш брат Конрад походил на него.

— Бьянка, — сказала Матильда, — я не позволяю тебе неуважительно говорить о моей подруге. У Изабеллы живой и веселый нрав, но душа ее чиста, как сама добродетель. Она знает твою наклонность к пустой болтовне и, быть может, иногда поощряла ее, чтобы рассеять тоску и скрасить уединение, в котором отец держит нас.

— Пресвятая Богородица, вот оно снова! — испуганно вскричала Бьянка. — Неужели вы ничего не слышите, дорогая госпожа моя? В этом замке наверняка водятся духи!

— Молчи и слушай! — приказала Матильда. — Как будто я слышала голос... Но, вероятно, мне только показалось... Я, должно быть, заразилась твоими страхами.

— Нет-нет, госпожа Матильда, вам не показалось, — произнесла со слезами в голосе Бьянка, ни жива ни мертва от страха.

— Кто-нибудь ночует в каморке под нами? — спросила Матильда.

— Никто не осмеливался ночевать там, — ответила Бьянка, — с тех пор как утопился ученый астролог, который был наставником вашего брата. Наверное, госпожа моя, его призрак и призрак молодого князя встретились сейчас в горнице внизу. Ради бога, бежим скорее в покои вашей матушки!

— Я приказываю тебе не двигаться с места, — сказала Матильда. — Если это страждущие без покаяния души, мы можем облегчить их муки, задав им несколько вопросов. Они не сделают нам ничего дурного, ибо мы ничем не оскорбили их, и если бы они захотели повредить нам — разве, перейдя из одной комнаты в другую, мы оказались бы в большей безопасности? Подай мне мои четки: мы прочтем молитву, а потом обратимся к ним.

— О, моя дорогая госпожа Матильда, я ни за что на свете не стану говорить с призраками! — воскликнула Бьянка.

Только она произнесла эти слова, как они снова услышали шум и поняли, что это открылось окно каморки, расположенной под покоем Матильды. Госпожа и ее служанка стали внимательно слушать, и через несколько минут им обоим показалось, что кто-то поет, но разобрать слов они не могли.

— Не может быть, чтобы это был злой дух, — вполголоса произнесла Матильда. — По-видимому, там кто-то из наших домочадцев. Открой окно, и мы узнаем голос.

— Я не смею, право, не смею, госпожа моя, — произнесла Бьянка.

— Ты на редкость глупа, — сказала Матильда и сама тихонько открыла окно.

Однако при этом все же раздался легкий шорох, который донесся до слуха того, кто находил-

ся внизу; он сразу же прекратил пение, из чего девушки заключили, что услышанный ими прежде шум, несомненно, шел оттуда же.

— Кто-то есть там внизу? — спросила Матильда. — Если да, то отзовитесь.

— Да, есть, — ответил незнакомый голос.

— Кто же? — продолжала спрашивать Матильда.

— Посторонний человек, — ответил тот же голос.

— Что за посторонний человек? И как попал ты сюда в такой неподходящий час, когда все ворота замка заперты?

— Я здесь не по своей воле, — произнес голос незнакомца, — но простите меня, сударыня, если я нарушил ваш покой; я не знал, что меня слышат. Сон бежал моих глаз; я поднялся со своего ложа, не давшего мне отдохновения, и подошел к окну, чтобы скоротать томительные часы, вглядываясь во тьму и ожидая, когда займется рассвет, ибо мне не терпится покинуть этот замок.

— В твоих словах и в твоём голосе слышится грусть, — сказала Матильда. — Если ты несчастен, мне жаль тебя. Если причина твоих страданий — бедность, скажи мне: я походатайствую за тебя перед княгиней, чья сострадательная душа всегда открыта для обездоленных, и она поможет тебе.

— Я действительно несчастен, — сказал незнакомец. — Я не знаю, что такое достаток; но я не жалею на участь, которую Небо уготовило мне: я молод и здоров и не стыжусь того, что сам должен обеспечивать себя всем необходимым; но не считайте меня гордецом и не помыслите, что я не ценю вашего добросердечного предложения. Я буду вспоминать вас в своих молитвах, буду просить Господа ниспослать свое благословение вам и ва-

шей госпоже, хозяйке этого замка... Если я вздыхаю, сударыня, то это потому, что я скорблю о других — не о себе.

— Теперь я узнала, кто это, госпожа Матильда, — шепнула Бьянка. — Это, конечно, тот самый молодой крестьянин, и бьюсь об заклад — он влюблен. Ах, какое прелестное приключение! Пожалуй-та, госпожа моя, давайте испытаем его. Он не знает, кто вы, и принимает вас за особу из свиты вашей матушки.

— Как тебе не стыдно, Бьянка! — произнесла Матильда. — Какое право мы имеем бесцеремонно проникать в сердечные тайны этого молодого человека? Мне кажется, что он добродетелен и прямодушен; он говорит, что несчастен; разве этих причин достаточно, чтобы им распоряжались как своей собственностью? И с какой стати должен он откровенничать с нами?

— Боже, как мало знаете вы о любви, госпожа моя! — возразила Бьянка. — Ведь для влюбленных нет большего удовольствия, как говорить о тех, по ком они вздыхают.

— Что же, ты хотела бы, чтобы я стала наперсницей какого-то простолюдина? — молвила Матильда.

— Хорошо, в таком случае разрешите мне поговорить с ним, — попросила Бьянка. — Хотя я имею честь состоять в свите вашей милости, я не отроду занимаю столь высокое положение. Кроме того, если любовь уравнивает людей различного звания, она также поднимает всех над их обычным состоянием: я уважаю всякого влюбленного молодого человека.

— Замолчи ты, несмышленная! — приказала Матильда. — Хотя он сказал нам, что несчастен, из это-

го не следует, что он обязательно должен быть влюблен. Подумай обо всем, что произошло сегодня, и скажи — разве нет других несчастий, кроме тех, что вызывает любовь? Незнакомец, — обратилась она к молодому человеку, возобновляя прерванный разговор. — Если ты не сам виноват в своих несчастях и если только в силах княгини Ипполиты что-либо исправить, я берусь обещать тебе, что она будет твоей покровительницей. Когда тебя отпустят из нашего замка, найди святого отца Джерома в монастыре, что возле церкви Святого Николая, и поведай ему свою историю настолько подробно, насколько сочтешь это нужным: он не преминет осведомить о ней княгиню, которая по-матерински заботится обо всех нуждающихся в помощи. Прощай! Мне не подобает долее вести разговор с мужчиной в столь неподходящий час.

— Да хранят вас святые и ангелы, любезная сударыня! — ответил крестьянин. — Но, ради Бога, скажите, можно ли бедному и неизвестному человеку осмелиться просить вас ещё об одной минуте вашего внимания? Будет ли мне даровано такое счастье? Окно еще не закрыто... Можно ли мне спросить вас...

— Говори быстрее, — сказала Матильда, — уже наступает рассвет; хорошо ли будет, если пахари, выйдя в поле, заметят нас? Что хотел бы ты спросить?

— Не знаю, как... Не знаю, смею ли я... — с запинкой произнес незнакомец. — Но то сочувствие, которое проявили вы, говоря со мной, придает мне смелости... Могу ли я довериться вам, сударыня?

— Господи всемогущий! — воскликнула Матильда. — Что ты имеешь в виду? Что хочешь ты

доверить мне? Говори не робей, если только твой секрет таков, что добродетельное сердце может быть его хранителем.

— Я хотел бы спросить вас, — сказал крестьянин, набравшись духу, — правда ли то, что я слышал от слуг: в самом ли деле знатная молодая особа, их госпожа, исчезла из замка?

— А зачем тебе это надо знать? — насторожилась Матильда. — Вначале твои слова свидетельствовали о благоразумии и подобающей серьезности мыслей. Ты что же, пришел сюда выведывать секреты Манфреда? Я ошиблась в тебе, прощай!

С этими словами она поспешно закрыла окно, не оставив молодому человеку времени для ответа.

— Я поступила бы умнее, — не без резкости сказала Матильда Бьянке, — если бы велела тебе беседовать с этим крестьянином: по части любопытства вы можете с ним соперничать.

— Мне не пристало спорить с вашей милостью, — отвечала Бьянка, — но, может быть, вопросы, которые задала бы ему я, были бы более уместны, чем те, что изволили задать ваша милость.

— О, не сомневаюсь, — сказала Матильда, — ты ведь весьма благоразумная особа. А могу ли я узнать, о чем бы ты спросила его?

— Тот, кто наблюдает за игрой со стороны, часто видит в ней больше, чем ее участники, — ответила Бьянка. — Ужели ваша милость полагает, что его вопрос о госпоже Изабелле — плод праздного любопытства? Нет-нет, госпожа Матильда, здесь скрыто нечто большее, о чем вы, знатные господа, и не догадываетесь. Лопес рассказал мне, что, по мнению всех слуг в доме, этот молодец содействовал побегу госпожи Изабеллы. Теперь заметьте следующее: прежде всего, обе мы с вами знаем, что

госпожа Изабелла никогда не питала особой склонности к молодому князю, брату вашей милости. Далее — молодой князь убит в ту самую минуту, после которой уже не было бы возврата, — но я, конечно, никого не обвиняю, избави боже! Шлем ведь упал с неба — так говорит ваш родитель, князь Манфред; однако Лопес и все другие слуги говорят, что этот молодой любезник — колдун и что он похитил шлем с гробницы Альфонсо.

— Прекрати ты свои дерзкие разглагольствования! — потребовала Матильда.

— Как вам будет угодно, госпожа моя, — сказала Бьянка. — И все же очень, очень странно, что госпожа Изабелла исчезла в тот же самый день и что этого молодого волшебника нашли у подъемной двери, которая была открыта. Я никого не обвиняю... но если бы брат ваш Конрад умер честь по чести, своей естественной смертью...

— Не смей бросать даже тень сомнения на безупречную чистоту моей дорогой Изабеллы, — сказала Матильда.

— Безупречная или не безупречная, как бы там ни было, а все-таки госпожа Изабелла куда-то девалась; зато обнаружен некий человек, которого никто не знает; вы сами начинаете его расспрашивать; он отвечает вам, что влюблен или несчастен — это одно и то же; да ведь, к тому же, он говорит, что несчастен из-за других, а бывает ли кто-нибудь несчастен из-за другого, если он в этого другого не влюблен? — и, заметьте, сразу же вслед за этим он спрашивает вас, правда ли, что госпожи Изабеллы нет в замке?

— Спору нет, — отвечала Матильда, — твои соображения не лишены оснований... Побег Изабеллы изумляет меня... Любопытство этого человека

кажется мне очень странным... Но ведь Изабелла никогда не таила от меня своих мыслей.

— Она уверяла вас в этом, — возразила Бьянка, — чтобы выведывать ваши секреты. Но как знать, госпожа моя, может быть, этот незнакомец — какой-нибудь переодетый принц. Пожалуйста, ваша милость, разрешите мне открыть окно и задать молодому человеку несколько вопросов.

— Нет, — ответила Матильда, — я сама спрошу его, не знает ли он чего-нибудь об Изабелле, хотя он и не заслуживает того, чтобы я вела с ним дальнейшую беседу.

Матильда собиралась уже открыть окно, как вдруг у боковых ворот замка, справа от башни, в которой она находилась, громко зазвонил колокол. Это помешало возобновлению разговора с незнакомцем. Помолчав некоторое время, Матильда снова заговорила с Бьянкой.

— Я убеждена, — сказала она, — что, каковы бы ни были причины побега Изабеллы, они не могут быть недостойными. Если этот незнакомец имеет касательство к ее побегу, значит, Изабелла не сомневается в его преданности и надежности. Я заметила, — а ты заметила ли, Бьянка? — что его слова проникнуты чрезвычайным благочестием. Его речь не была речью человека безнравственного и грубого: он говорил так, как это свойственно людям благородного происхождения.

— Я уже сказала, ваша милость, — отозвалась Бьянка, — я уверена, что он переодетый принц.

— Однако, — продолжала Матильда, — если он причастен к побегу Изабеллы, как объяснишь ты, что он не скрылся вместе с нею? К чему было безо всякой нужды так неосторожно оставаться беззащитным перед гневом Манфреда?

— Уж что до этого, госпожа Матильда, — отвечала Бьянка, — то если он смог выбраться из-под шлема, так найдет и способ ускользнуть от мстительности и злобы вашего родителя. Я не сомневаюсь, что он держит при себе какой-то талисман.

— Тебе во всем видится волшебство, — сказала Матильда. — Человек, общающийся с адскими силами, не стал бы употреблять в своей речи высоких, священных слов, какие произносил этот незнакомец. Разве ты не слышала, с какой горячностью он поклялся поминать меня в своих молитвах? Да, Изабелла, несомненно, была уверена в его благочестии.

— Толкуйте мне о благочестии двух молодых людей разного пола, которые сговариваются вместе бежать! — вскричала Бьянка. — Нет-нет, ваша милость, госпожа Изабелла — особа совсем не такого склада, как вы думаете. Конечно, при вас она то и дело вздыхала и поднимала глаза к небу, потому что знала, что вы святая, но стоило вам повернуться к ней спиной...

— Ты клеветешь на нее, — прервала Матильда. — Изабелла не лицемерка: она в должной мере набожна, но никогда не притворялась, что призвана вступить на стезю, к которой на самом деле не испытывает склонности. Наоборот, она всегда противилась моему стремлению уйти в монастырь; и хотя, признаюсь, я смущена тем, что она совершила свой побег втайне от меня, хотя дружба, связывающая нас, не позволяла ожидать от нее такого поступка, я не могу забыть, с какой неподдельной горячностью она всегда оспаривала мое намерение надеть на себя монашеское покрывало: она хотела видеть меня замужем, несмотря на то что за мной пришлось бы дать приданое, а это на-

несло бы ущерб ее и моего брата детям. Ради нее я хочу думать хорошо об этом молодом крестьянине.

— В таком случае вы полагаете все же, что они питают друг к другу взаимную симпатию, — сказала Бьянка, но больше ничего не успела произнести, потому что вошел слуга и объявил, что госпожу Изабеллу нашли.

— Где же она? — живо отозвалась Матильда.

— Укрылась в церкви Святого Николая, — ответил слуга. — Отец Джером сам принес это известие. Он сейчас внизу с его светлостью князем.

— А где моя мать? — спросила Матильда.

— В своих покоях, госпожа моя, — ответил слуга. — Она уже спрашивала о вас.

Манфред поднялся, как только забрезжил свет, и отправился в покои Ипполиты, чтобы узнать, нет ли у нее каких-либо известий об Изабелле. В то время когда он выспрашивал ее, ему доложили, что отец Джером желает говорить с ним. Не подозревая истинной причины его появления и зная, что через посредство этого монаха Ипполита совершала богоугодные дела, Манфред приказал впустить отца Джерома с намерением оставить его с Ипполитой вдвоем и продолжить тем временем розыски Изабеллы.

— У вас дело ко мне или к княгине? — спросил он монаха.

— К обоим, — отвечивал Божий слуга.

— А госпожа Изабелла, известно вам что-нибудь о ней? — нетерпеливо спросил Манфред.

— Она у алтаря Святого Николая, — отвечал Джером.

— Это не касается Ипполиты, — с некоторой неуверенностью в голосе сказал Манфред. — Пой-

демте в мои покои, отец, и там вы сообщите мне, каким образом Изабелла очутилась в церкви.

— Нет, ваша светлость, — заявил прямодушный монах, укротив своим твердым, не допускавшим возражений тоном своеволие Манфреда, который не мог не почитать этого человека, наделенного добродетелями святых праведников. — У меня есть поручение, относящееся к вам обоим, и, с соизволения вашей светлости, я изложу его в присутствии вас обоих, но прежде я должен осведомиться у княгини, известно ли ей, по какой причине госпожа Изабелла покинула ваш замок.

— Нет, клянусь моей бессмертной душой, нет! — воскликнула Ипполита. — Неужели Изабелла утверждает, что я причастна к ее побегу?

— Святой отец, — сказал, прерывая ее, Манфред, — я питаю должное уважение к вашему сану, но здесь я верховный властитель, и я не потерплю вмешательства бесцеремонного священника во что бы то ни было, касающееся жителей этого замка. Если у вас есть что рассказать мне, следуйте за мной в мои покои — я не имею обыкновения посвящать свою жену в секретные дела княжества: женщине не положено заниматься ими.

— Ваша светлость, — сказал благочестивый старец, — я не из тех, кто вторгается в семейные тайны. Моя священная обязанность — способствовать умиротворению, разрешать споры, проповедовать покаяние и учить людей обуздывать непокорные страсти. Я прощаю вам, ваша светлость, обидные слова, с которыми вы обратились ко мне. Я знаю свой долг и являюсь исполнителем воли более могущественного государя, чем Манфред. Внемлите Ему, ибо это Он речет моими устами.

Манфред, чье самолюбие было уязвлено, задрожал от ярости. На лице Ипполиты читалось изумление и нетерпеливое желание узнать, чем все это кончится, однако почтение к Манфреду было в ней сильнее всех прочих чувств и заставляло ее молчать.

— Госпожа Изабелла, — заговорил снова Джером, — кланяется его светлости господину Манфреду и ее светлости госпоже Ипполите; она благодарит вас обоих за доброе отношение к ней в вашем замке; она глубоко скорбит о смерти вашего сына и о том, что ей на долю не выпало счастье стать дочерью столь мудрых и благородных господ, которых она всегда будет почитать как своих родителей; она молит Бога о прочности вашего союза и о вашем совместном благополучии (Манфред при этих словах изменился в лице), но, поскольку для нее стали невозможны родственные узы с вами, она испрашивает вашего согласия на ее пребывание в святилище до той поры, пока не получит известий от своего отца или же, если подтвердится слух о его смерти, не окажется свободной, с одобрения своих опекунов, распорядиться собой и вступить в достойный ее брак.

— Я не дам на это своего согласия, — заявил князь, — и настаиваю на ее безотлагательном возвращении в замок; я отвечаю за Изабеллу перед ее опекунами и не допущу, чтобы она находилась в чьих-либо руках, кроме моих собственных.

— Вашей светлости следовало бы подумать о том, насколько впредь это будет уместно, — возразил монах.

— Я не нуждаюсь в наставниках, — отрезал Манфред, багровея от злости. — Поведение Изабеллы заставляет подозревать вещи весьма стран-

ного свойства. А этот молодой простолюдин, который был ее сообщником в побеге, если не причиной его...

— Причиной? — воскликнул, прерывая его, Джером. — Разве причиной ее побега был молодой человек?

— Это становится невыносимым! — вскричал Манфред. — Чтобы мне в моем собственном дворце перечил какой-то наглый монах! Мне все ясно: ты сам помог им вступить в любовную связь.

— Я стал бы молить Небо обелить меня от этих обидных предположений, — сказал Джером, — если бы, несправедливо меня обвиняя, вы сами перед лицом совести своей могли действительно усомниться в моей невиновности. Но сейчас я молю Небо лишь о том, чтобы оно простило вам нанесенную мне обиду, и взываю к вашей светлости: оставьте госпожу Изабеллу спокойно пребывать в том священном месте, где она находится и где не подобает тревожить ее ум и душу такими суетными мирскими развлечениями, как разговоры о любви к ней какого-либо мужчины.

— Не ханжествуй тут передо мной, — сказал Манфред, — а лучше отправляйся обратно и верни Изабеллу к ее долгу.

— Мой долг заключается в том, чтобы препятствовать ее возвращению сюда, — ответил Джером. — Она сейчас там, где сироты и девственницы защищены всего надежнее от силков и ловушек этого мира; и только властью родного отца она может быть изъята оттуда.

— Я ей свекор, — воскликнул Манфред, — и требую ее к себе!

— Она хотела, чтобы вы были ее свекром, — сказал монах, — но Небо воспротивилось этому браку

и навсегда расторгло все связи между вами. И я заявляю вашей светлости...

— Остановись, дерзкий монах, страшись моего гнева! — вскричал Манфред.

— Святой отец, — вмешалась Ипполита, — вы, по своему положению, должны говорить, невзирая на лица, так, как вам велит ваш долг, но мой долг — не слушать ничего такого, что, по усмотрению моего повелителя, не должно достигать моих ушей. Следуйте за князем в его покои, я же удалюсь в свою молельню, где буду молить Пресвятую Деву наставить вас своими благими советами и вернуть моему супругу его обычное спокойствие и мягкосердечие.

— О благородная душа! — воскликнул Джером и добавил: — Князь, я готов следовать за вами.

Манфред, сопровождаемый монахом, прошел в свои покои и, затворив дверь, сказал:

— Я вижу, отец мой, что Изабелла ознакомила вас с моими намерениями. Теперь слушайте мое решение и повинуйтесь. Весьма настоятельные государственные соображения, безопасность моей особы и моего народа требуют, чтобы у меня был сын. Безнадежно было бы ждать наследника от Ипполиты, и потому я остановил свой выбор на Изабелле. Вы должны не только доставить ее обратно, но сделать и нечто большее. Я знаю, сколь много значат ваши мнения для Ипполиты: образ ее мыслей всецело зависит от вас. Я признаю, что она безупречная женщина: душа ее устремлена к Небесам и презирает ничтожное величие мира сего; вы в состоянии совсем освободить ее от тягот мирской жизни. Убедите ее дать согласие на расторжение нашего брака и уйти в монастырь — она сможет, если захочет, сделать богатое пожертво-

вание любой обители по ее выбору, и у нее будут возможности одарять ваш орден настолько щедро, насколько она или вы могли бы пожелать. Таким образом вы отвратите бедствия, которые нависли над нашими головами, и за вами будет заслуга спасения княжества Отранто от грозящей ему гибели. Вы человек благоразумный, и, хотя по причине горячности моего нрава у меня вырвалось несколько неподобающих выражений, я почитаю вашу добродетель и желал бы быть обязанным вам спокойной жизнью и сохранением моего рода.

— Да свершится воля Господня! — ответил монах. — Я лишь недостойное Его орудие. Моими устами возглашает Он тебе, князь, что неправедны умыслы твои. Обиды добродетельной Ипполиты достигли Божьего престола, откуда на мир нисходит сострадание. Через меня само Небо порицает тебя за прелюбодейное намерение отринуть ее; оно предостерегает тебя от дальнейших попыток привести в исполнение кровосмесительный умысел в отношении твоей нареченной дочери. Господь, спасший ее от твоего неистовства, которому ты предался в то время, когда недавно постигшая твой дом кара должна была бы исполнить тебя другими мыслями, не оставит ее и впредь своим попечением. Даже я, бедный и недостойный инок, способен защитить ее от учиняемого тобой насилия — и, как я ни грешен перед Господом и как жестоко ни унижен тобой, обвинившим меня в содействии какой-то любовной связи, я презираю соблазны, коими тебе заблагорассудилось искушать мою честность. Я предан моему ордену; я почитаю набожные души; я уважаю благочестие твоей супруги, но я не обману питаемого ею ко мне доверия и не стану служить даже делу Церкви гнус-

ным и греховным угодничеством перед сильными мира сего. Вот уж поистине: благо государства зависит от того, будет ли у вашей светлости сын! Небо насмехается над близорукими расчетами человека. Мог ли еще вчера утром чей-либо род сравниться с великим, процветающим домом Манфреда? А где теперь юный Конрад? Я чту ваши слезы, князь, но не хочу останавливать их: пусть они текут! Они больше весят в глазах Господа и больше могут способствовать благу ваших подданных, нежели брак, основанный на плотской страсти или на политическом расчете, союз, который никогда не мог бы принести счастье. Скипетр, перешедший от рода Альфонсо к вашему роду, не может быть сохранен союзом, которого никогда не допустит Церковь. Если волей Всевышнего предначертано исчезновение имени Манфреда, примиритесь, государь, с этим непререкаемым решением; тогда вы заслужите себе венец нетленный. Пойдемте же, ваша светлость, — печаль ваша для меня отрадна, — вернемся к княгине: она не осведомлена о ваших намерениях, да и я ведь тоже не имел в виду ничего, кроме как предостеречь вас. Вы видели, с каким кротким терпением, с какой стойкостью, порожденной ее любовью к вам, она слушала наш разговор и отказалась слушать далее, когда вина ваша могла полностью открыться ей. Я знаю, что она жаждет прижать вас к своей груди, и заверяю вас, что чувства ее к вам неизменны.

— Отец мой, — сказал князь, — вы неверно толкуете мое раскаяние. Я искренне чту добродетели Ипполиты; я считаю ее святой и хотел бы, чтобы узы, связующие нас, принесли исцеление моей душе; но увы, почтенный отец, вы не знаете самых мучительных терзаний моей совести: порой

у меня закрадываются сомнения в законности нашего союза: Ипполита — моя родственница в четвертом колене! Правда, нам была дана диспенсация; но, кроме этого, мне стало известно, что она была ранее помолвлена с другим. Вот что лежит камнем у меня на сердце! Незаконность нашего брака и является, как я думаю, причиной постигшей меня Божьей кары, то есть смерти Конрада! Облегчите же мою совесть, снимите с нее это тяжелое бремя: расторгните наш брак и завершите тем самым угодное Богу преобразование моей души, которое уже началось благодаря вашим благочестивым увещаниям.

Мучительная боль пронзила сердце монаха, когда он увидел, какую уловку измыслил коварный князь. Он дрожал за Ипполиту, чувствуя, что судьба ее решена; и он боялся того, что Манфред, утратив надежду на возвращение Изабеллы, но столь же нетерпеливо желая приобрести наследника, обратит свои взоры на другую женщину, которая, возможно, в противность Изабелле, не устоит перед таким соблазном, как высокое положение Манфреда. Некоторое время святой отец пребывал в размышлении. Наконец, придя к мысли, что единственная надежда состоит в затяжке дела, он решил, что самым разумным будет не дать Манфреду окончательно отчаяться в возможности заполучить обратно Изабеллу. Что же касается ее самой, то монах был уверен, что из отвращения к Манфреду и любви к Ипполите она будет следовать ему во всем до тех пор, пока Церковь не обрушит громы своего осуждения на задуманный князем развод. Приняв такой план, отец Джером, будто бы сильно встревоженный сомнениями Манфреда, сказал наконец:

— Ваша светлость, я подумал над тем, что вы мне сейчас открыли, и, если действительно истинной причиной испытываемого вами резкого отчуждения от добродетельной супруги вашей является беспокойная совесть, избави меня Бог от того, чтобы я еще больше ожесточил ваше сердце. Церковь — это прощающая мать; поведайте ей о своих горестях; она одна может пролить бальзам утешения в вашу душу, и либо она успокоит вашу совесть, либо признает, после тщательного изучения, основательность ваших сомнений и освобождает вас от уз этого брака, тем самым позволяя вам законным образом продолжить свой род. В последнем случае, если возможно будет получить согласие госпожи Изабеллы...

Тут Манфред, обрадовавшись этому внезапному обороту дела, решил, что добрый старик переубежден его хитроумными доводами или же был поначалу так запальчив только для виду, и снова принялся сыпать щедрые посулы на тот случай, если отец Джером, поразмыслив еще, поможет осуществлению его планов. Благоразумный монах не стал разочаровывать его, хотя был исполнен твердой решимости противостоять его намерениям, а не действовать им.

— Поскольку мы теперь достигли обоюдного понимания, — сказал в заключение Манфред, — я надеюсь, отец мой, что вы не откажетесь ответить мне на один вопрос: кто этот юноша, которого я обнаружил в подземелье? Он, по-видимому, причастен к побегу Изабеллы. Скажите мне правду: он ее любовник? Или он наперсник какого-то третьего лица, пылающего страстью к Изабелле? Мне часто казалось, что Изабелла равнодушна к моему сыну; теперь у меня в памяти всплывает тысяча обстоя-

тельств, подтверждающих это подозрение. Она сама настолько сознавала это, что во время нашего разговора с ней в галерее опередила мои подозрения и стала оправдываться от возможного обвинения в холодности к Конраду.

Монах знал о юноше только то, что ему успела рассказать Изабелла, и не имел никакого представления, что с ним случилось потом. Недостаточно приняв во внимание неистовый нрав Манфреда, он подумал, что недурно было бы посеять в его душе семена ревности: впоследствии эта ревность может обернуться на пользу правому делу — предубедить Манфреда против Изабеллы, если он будет все же домогаться союза с ней, либо направить его по ложному следу, заняв его мысли мнимой интригой, которая отвлечет его от новых попыток осуществить свои намерения. Избрав такую неудачную тактику, монах ответил Манфреду в том смысле, что допускает наличие каких-то отношений между Изабеллой и этим юношей. Князь, чьим страстям нужно было не много топлива, чтобы раскалиться добела, впал в ярость от предположения Джерома. С криком: «Клянусь, я распутая эти козни!» — он внезапно покинул монаха, наказав дожидаться его возвращения и, поспешно пройдя в парадную залу замка, велел доставить к нему молодого крестьянина.

— Закоренелый обманщик! — прогремел он, как только юноша предстал перед ним. — Ты и сейчас будешь бахвалиться своим правдолюбием? Значит, ты обнаружил затвор подъемной двери только благодаря Провидению, да еще лунному свету? Рассказывай, дерзкий, кто ты и как давно ты знаком с молодой госпожой, и позаботься о том, чтобы ответы твои были не такими уклончивыми, как прошлой ночью, иначе пытки вырвут у тебя правду.

Молодой человек понял, что его участие в побеге девушки раскрыто, и, решив, что теперь уже его слова не смогут ни помочь, ни повредить ей, сказал:

— Я не обманщик, государь, и ничем не заслужил, чтобы меня позорили такими речами. Прошлой ночью я ответил на все вопросы вашей светлости так же правдиво, как буду отвечать сейчас, и это будет не из страха перед вашими пытками, а потому, что душе моей противна всякая ложь. Благоволите же повторить ваши вопросы, государь; я готов, в меру моих возможностей, дать вам на них исчерпывающий ответ.

— Ты знаешь, на какие вопросы я жду ответа, и тебе нужно только протянуть время, чтобы найти для себя какую-либо лазейку. Говори прямо: кто ты такой и как давно знает тебя молодая госпожа?

— Я батрак из соседней деревни, — ответил крестьянин, — зовут меня Теодор. Молодая госпожа впервые увидела меня минувшей ночью в подземелье; до этого я никогда не попадался ей на глаза.

— Я могу и поверить, и не поверить этому, — сказал Манфред. — Но я хочу раньше услышать твой рассказ до конца, а потом уже расследую, сколько в нем правды. Скажи мне, какой причиной объяснила тебе молодая госпожа свой побег? Твоя жизнь зависит от того, как ты ответишь на этот вопрос.

— Она сказала мне, — ответил Теодор, — что находится на краю гибели и если не сможет бежать из замка, то через несколько минут станет несчастной навсегда.

— И тебе достаточно было столь слабого основания, как слова глупой девчонки, чтобы ты отважился вызвать мое неудовольствие?

— Я не страшусь ничьего неудовольствия, — молвил Теодор, — когда женщина, попавшая в беду, отдает себя под мою защиту.

Во время этого допроса Матильда в сопровождении Бьянки направлялась в покои Ипполиты. Путь их лежал через закрытую галерею с решетчатыми окнами, проходившую по верху залы, где сейчас сидел Манфред. Услышав голос отца и увидев собравшихся вокруг него слуг, Матильда остановилась, желая узнать, что там происходит. Почти сразу же молодой узник завладел ее вниманием. Достойный и сдержанный тон, которым он отвечал, смелость его последнего ответа — первых явно услышанных ею слов — расположили Матильду в его пользу. Вся внешность его была благородной, красивой и представительной, несмотря даже на то положение, в котором он сейчас находился. Но особенно поразили Матильду черты его лица: она не могла оторвать от них глаз.

— О боже! — тихо произнесла она. — Не грежится ли мне это, Бьянка? Ты не находишь, что этот юноша похож как две капли воды на портрет Альфонсо в галерее?

Больше она ничего не смогла сказать, потому что голос ее отца с каждым словом становился все громче.

— Эта выходка, — говорил Манфред, — превосходит все твои прежние дерзости. Ты испытываешь на себе всю силу моего гнева, к которому осмеливаешься относиться с таким пренебрежением. Хватайте и вяжите его! — обратился он к слугам. — Первым, что узнает беглянка о своем защитнике, будет то, что ради нее он заплатился головой.

— Твоя несправедливость ко мне, — сказал Теодор, — убеждает меня, что я сделал доброе

дело, избавив молодую госпожу от твоей тирании. Пусть она будет счастлива, что бы ни произошло со мной.

— Он ее любовник! — в ярости вскричал Манфред. — Простой крестьянин перед лицом смерти не может быть одушевлен такими чувствами. Скажи, скажи мне, безрассудный юноша, кто ты, или дыба заставит тебя выдать твою тайну!

— Ты уже грозил мне смертью, — ответил молодой человек, — за правду, которую я сказал тебе. Если это вся награда, какой я могу ожидать за искренность, то я не склонен далее удовлетворять твое пустое любопытство.

— Так ты не станешь говорить? — спросил Манфред.

— Не стану, — ответил юноша.

— Тащите его во двор! — приказал князь. — Я хочу немедленно увидеть, как голова его слетит с плеч.

При этих словах Манфреда Матильда лишилась чувств. Бьянка испустила вопль отчаяния и принялась кричать:

— На помощь, на помощь! Молодая госпожа при смерти!

Услыхав эти крики, Манфред вскочил с места со словами: «Что это, что случилось?» Тот же вопрос сорвался с уст молодого крестьянина, которого ужаснули слова Бьянки, но Манфред велел сейчас же вывести его во двор для казни, которая, предупредил он, состоится немедленно, как только он выяснит причину воплей служанки. Когда князю доложили, в чем дело, он отмахнулся, сказав, что это пустые женские страхи, и, велев перенести Матильду в ее покои, выбежал во двор, где подозвал к себе одного из стражей, а Теодору при-

казал стать на колени и приготовиться к тому, чтобы принять роковой удар.

Неустрашимый юноша встретил жестокий приговор со смирением, тронувшим сердца всех присутствующих, кроме Манфреда. Больше всего Теодор хотел сейчас получить разъяснение услышанных им страшных слов «Молодая госпожа при смерти», но, полагая, что речь шла о беглянке, и опасаясь навлечь на нее еще большую ярость Манфреда, воздержался от вопросов. Единственная милость, которую он позволил себе испросить, заключалась в разрешении исповедаться священнику и получить отпущение грехов. Манфред, надеясь узнать через посредство исповедника тайну молодого человека, охотно согласился удовлетворить эту просьбу и, будучи уверен, что отец Джером теперь на его стороне, велел призвать его, дабы тот выслушал исповедь приговоренного. Монах, не предвидевший ужасных последствий, которые повлек за собой его ошибочный шаг, пал на колени перед князем и стал заклинять его всем, что есть во вселенной святого, не проливать невинной крови. Он жестоко бранил себя за лишние слова, сказанные им, всячески пытался обелить юношу, одним словом, употребил все средства, чтобы усмирить ярость тирана. Отнюдь не умиротворенный, а, напротив, еще более разгневанный заступничеством священника, подозревая в обмане уже обоих, поскольку Джером отрекся от сказанного им прежде, Манфред приказал ему исполнить свою обязанность и предупредил, что не позволит приговоренному затянуть исповедь дольше нескольких минут.

— А мне и нужно лишь несколько минут, — сказал молодой смертник. — Грехи мои, благодарение Богу, немногочисленны: их у меня не боль-

ше, чем может быть у всякого в моем возрасте. Осушите ваши слезы, дорогой отец, и поторопимся: этот мир полон зла, и у меня нет причин сожалеть, что я расстаюсь с ним.

— О несчастный юноша! — воскликнул Джером. — Как можешь ты терпеть меня рядом с собой? Я твой убийца! Я погубил тебя!

— Я от всей души даю вам такое же полное прощение, какое сам надеюсь получить у Господа. Выслушайте мою исповедь, святой отец, и благословите меня.

— Но разве могу я приготовить тебя, как должно, к переходу в иной мир! — воскликнул Джером. — Ведь душа твоя не может быть спасена, если ты не простишь своих врагов, а можешь ли ты простить этого нечестивого человека?

— Могу, — ответил Теодор. — Я прощаю его.

— Даже это не трогает тебя, жестокий властитель? — воскликнул монах.

— Я послал за тобой, чтобы ты исповедал приговоренного, а не защищал его, — сухо сказал Манфред. — Ты сам же и навлек на него мой гнев: пусть теперь на твою голову падет его кровь!

— Да, на мою, на мою! — вскричал в отчаянье добросердечный монах. — Ни ты, ни я никогда не будем там, куда скоро вступит этот Богом благословенный юноша.

— Поторопись, — сказал Манфред. — Хныканье священников трогает меня не больше, чем женские вопли.

— Как? — воскликнул юноша. — Неужели моя судьба — причина того, что я слышал там в зале? Неужели молодая госпожа снова в твоей власти?

— Ты вновь распаляешь мой гнев, — сказал Манфред. — Готовься к смерти, ибо наступает твоя последняя минута.

В юноше все больше росло негодование против Манфреда, и одновременно его глубоко трогало горе, которое, как он видел, охватило сейчас не только монаха, но всех свидетелей этой сцены. Однако, ничем не обнаруживая своих чувств, он сбросил с себя дублет, расстегнул ворот и преклонил колени для молитвы. Когда он опускался на землю, рубашка соскользнула с его плеча, открыв на нем алый знак стрелы.

— Боже милостивый! — вскричал как громом пораженный монах. — Что я вижу? Дитя мое, мой Теодор!

Трудно вообразить себе — не то что описать, — каково было всеобщее потрясение. Слезы вдруг перестали течь по щекам присутствующих — не столько от радости, сколько от изумления. Люди воззрились на своего господина, словно глазами вопрошая его, что надлежит им чувствовать. На лице юноши попеременно выражались удивление, сомнение, нежность, уважение. Скромно и сдержанно принимал он бурные изъявления радости со стороны старика, который, проливая слезы, обнимал и целовал его; но он боялся отдаться надежде и, с достаточным уже основанием полагая, что Манфред по природе своей неспособен на жалость, бросил взгляд на князя, как бы говоря ему: «Неужели и такая сцена может оставить тебя бесчувственным?»

Однако сердце Манфреда не было все же каменным. Изумление погасило в князе гнев, но гордость еще не позволяла ему признаться, что и он тронут происшедшим. Он даже сомневался, не бы-

ло ли совершившееся открытие выдумкой монаха ради спасения юноши.

— Что все это значит? — спросил он. — Как может он быть твоим сыном? Согласуется ли с твоим саном и со святостью твоего поведения признание, что этот крестьянский отпрыск — плод твоей незаконной любовной связи с какой-то женщиной?

— О господи! — вздохнул старик. — Ужели ты сомневаешься в том, что он — мое порождение? Разве мог бы я так горевать из-за него, не будь он моим родным сыном? Смилуйся, добрый государь, смилуйся над ним, а меня унизь, как тебе будет угодно.

— Смилуйтесь, — закричали слуги, — смилуйтесь ради этого доброго человека!

— Молчите! — властно приказал Манфред. — Я должен узнать побольше, прежде чем расположусь простить его. Пащенок святого необязательно должен и сам быть святым.

— Несправедливый властитель, — сказал Теодор, — не отягчай оскорблениями свою жестокость. Если я действительно сын этого почтенного человека, то знай, что хотя я не князь, подобно тебе, но кровь, текущая в моих жилах...

— Да, — сказал монах, прерывая его, — в нем благородная кровь, и он отнюдь не такое ничтожное создание, каким вы, государь, считаете его. Он мой законный сын, а Сицилия может похвалиться не многими домами, которые древнее дома Фальконара... Но увы, мой государь, какое значение имеет кровь, какое значение имеет знатность? Все мы пресмыкающиеся, жалкие, грешные твари. И только милосердие отличает нас от праха, из которого мы вышли и в который должны вернуться.

— Прекратите на время свою проповедь, — сказал Манфред. — Вы забыли, что больше вы не брат Джером, а граф Фальконара. Изложите мне свою историю, после этого у вас будет предостаточно времени для нравоучительных рассуждений, если вам не посчастливится добиться помилования для этого дерзкого преступника.

— Пресвятая Богородица! — воскликнул монах. — Возможно ли, чтобы ваша светлость отвергли мольбу отца пощадить жизнь его единственного детища, вновь обретенного после стольких лет? Попирайте меня ногами, государь, издевайтесь над мной, мучьте меня, лишите меня жизни — только пощадите моего сына!

— Теперь ты в состоянии понять, — сказал Манфред, — что значит утратить единственного сына? Не прошло и часа, как ты проповедовал мне смирение: *мой* дом-де должен погибнуть, если такова воля судьбы... Но граф Фальконара...

— Увы, государь! — воскликнул Джером. — Я признаю, что оскорбил вас. Но не отягчайте страданий старика. Род, семья... Нет, я и не помышляю о таких суетных вещах... Это говорит сама природа... Не ради своей гордыни умоляю я вас о спасении этого юноши, но ради памяти той необыкновенной женщины, что произвела его на свет... Она... она умерла, Теодор?

— Душа ее давно уже среди блаженных, — сказал юноша.

— О, как же это случилось? — вскричал Джером. — Расскажи мне... Нет, не надо!.. Она счастлива... Ты теперь моя единственная забота! Жестокый господин! Согласен ли ты наконец милостиво даровать мне жизнь моего бедного мальчика?

— Возвращайся в свой монастырь, — ответил Манфред, — и приведи сюда беглянку. Повинуйся мне и во всем прочем, про что я тебе говорил, и я обещаю тебе взамен жизнь твоего сына.

— О государь! — вскричал Джером. — Ужели за спасение дорогого моего мальчика я должен заплатить своей честью?

— За меня? — воскликнул Теодор. — Нет, лучше тысячу раз умереть, чем запятнать твою совесть! Чего требует от тебя этот тиран? Значит, девушка еще не в его власти? Тогда защити ее, почтенный старец, и пусть вся тяжесть его гнева падет на меня!

Джером попытался сдержать пыл негодующего юноши, но, прежде чем Манфред смог что-либо сказать в ответ, послышался конский топот и внезапно заиграла медная труба, висевшая с наружной стороны замковых ворот. В тот же миг пришли в бурное движение траурные перья на заколдованном шлеме, все еще возвышавшемся в другом конце двора; они трижды низко наклонились вперед, как если бы незримый носитель шлема отвесил тройной поклон.

ГЛАВА 3

Дурные предчувствия зашевелились в сердце Манфреда, когда он увидел колыханье перьев на чудесной каске и заметил, что они раскачиваются в такт со звуками медной трубы.

— Отец, — обратился он к Джерому, перестав называть его графом Фальконарой, — что означают эти знамения? Если я согрешил...

Перья стали раскачиваться еще сильнее, чем прежде.

— О, я несчастный государь! — вскричал Манфред. — Святой отец! Прошу вас, окажите мне помощь своими молитвами.

— Ваша светлость, — сказал Джером, — Господь, без сомнения, разгневан вашим глумлением над Его слугами. Покоритесь же Церкви и перестаньте преследовать носителей слова Божия. Отпустите этого невинного юношу и научитесь уважать священный сан, коим я облечен; с Господом шутить нельзя: вы видите...

Труба зазвучала снова.

— Я признаю, что слишком поторопился, — сказал Манфред. — Отец, подойдите к смотровому окошку и спросите, кто у ворот.

— Вы даруете мне жизнь Теодора? — спросил монах.

— Да, да, — ответил Манфред, — но пойдите же узнать, кто там снаружи.

Бросившись на шею сыну, Джером разразился потоком слез — так была переполнена его душа.

— Вы обещали мне пойти к воротам, — напомнил Манфред.

— Надеюсь, ваша светлость, — ответил монах, — вы не разгневаетесь на меня за то, что я замешкался, выражая свою благодарность вам этими идущими от самого сердца слезами.

— Идите, ваша милость, — сказал Теодор, — повинуйтесь государю. Я не стою того, чтобы вы ради меня гневали князя, медля исполнить его поручение.

Джером, подойдя к окошку, осведомился, кто находится за воротами, и получил ответ, что впуска требует герольд.

— Чей герольд? — спросил монах.

— Герольд Рыцаря Большого Меча, — ответил голос из-за ворот. — Я должен говорить с узурпатором княжества Отранто.

Джером возвратился к князю и не преминул передать ему слово в слово заявление герольда. При первых словах Джерома Манфреда охватил ужас, но затем, услышав, что его называют узурпатором, он снова разъярился, и к нему вернулась его отвага.

— Я узурпатор? Какой дерзкий негодяй смеет оспаривать мой титул? — вскричал Манфред. — Уходите, отец, это не монашеское дело. Я сам встречу этого самонадеянного человека. Идите в свой монастырь и подготовьте возвращение молодой госпожи; ваш сын останется заложником вашей верности: жизнь его будет зависеть от вашего повиновения.

— Боже правый! — воскликнул монах. — Ведь вы, государь, только что освободили мое дитя безо всяких условий — ужели вы так скоро забыли вмешательство сил небесных?

— Небо, — ответил Манфред, — не посылает герольдов оспаривать титулы законных государей. Я сомневаюсь даже и в том, что оно выражает свою волю через посредство монахов. Но это уже ваше дело, а не мое. Сейчас вы знаете, что мне угодно, и какому-то там наглому герольду не спасти будет вашего сына, если вы не возвратитесь с беглянкой.

Напрасно пытался святой муж возражать князю. Манфред велел выпроводить его из замка через задние ворота и закрыть их за ним; одновременно он приказал своим людям отвести Теодора на самый верх глухой башни и строго стеречь его там; при этом он едва разрешил отцу и сыну обнять друг друга на прощание.

Затем Манфред вернулся в главную залу и, воссев в царственной позе на своем троне, распорядился впустить к нему герольда.

— Так чего же хочешь ты от меня, дерзкий человек? — спросил князь.

— Я пришел к тебе, Манфред, узурпатор княжества Отранто, — отвечал тот, — от прославленного и непобедимого Рыцаря Большого Меча: он от имени своего господина, маркиза Фредерика да Виценца, требует дочь этого владетельного князя, Изабеллу, которую ты низким, предательским способом заполучил в свои руки, подкупив ее вероломных опекунов во время его отсутствия; он требует также, чтобы ты отказался от княжества Отранто, которое ты похитил у названного маркиза Фредерика, являющегося ближайшим по крови родственником последнего законного владетеля этого кня-

жества, Альфонсо Доброго. Если ты не выполнишь без промедления этих требований, рыцарь вызывает тебя на смертельный поединок.

С этими словами герольд бросил к ногам Манфреда свой жезл.

— А где тот хвостун, что послал тебя? — спросил Манфред.

— Мой господин находится на расстоянии одной лиги отсюда, — ответил герольд. — Он направляется сюда с намерением заставить тебя удовлетворить требования его повелителя, ибо он — истинный рыцарь, а ты — узурпатор и насильник.

Хотя этот вызов был крайне оскорбителен, Манфред рассудил, что ему не стоит гневить маркиза. Он знал, насколько хорошо обоснованы притязания Фредерика, и слышал о них теперь не в первый раз. Предки Фредерика приняли титул князей Отранто после смерти Альфонсо Доброго, не оставившего прямых наследников, но Манфред, его отец и дед были слишком сильны, чтобы дом Виченца мог лишиться их прав владения княжеством. Фредерик, доблестный и куртуазный рыцарь, женился по любви на юном прекрасном создании, но жена его, произведя на свет Изабеллу, умерла. Ее смерть так подействовала на Фредерика, что он, взяв крест, отправился в Святую землю; там он был ранен в схватке с неверными, взят в плен и считался погибшим. Когда это известие дошло до Манфреда, он подкупил опекунов Изабеллы, и те доставили ее к нему для заключения брака между нею и его сыном Конрадом, что должно было, по мысли Манфреда, удовлетворить притязания обоих домов. Эта же цель толкнула его после смерти Конрада на внезапное решение самому жениться на Изабелле, и по тем же соображениям он

счел нужным теперь постараться получить согласие Фредерика на этот брак. Избранная Манфредом тактика навела его на мысль пригласить воителя, явившегося защищать дело Фредерика, в замок, где он не мог бы узнать о бегстве Изабеллы, ибо князь собирался строго-настрого запретить своим слугам рассказывать об этом кому-либо из свиты рыцаря.

— Герольд, — сказал Манфред, когда эти мысли окончательно созрели в его голове, — возвращаясь к своему господину и скажи ему, что, прежде чем наш спор будет разрешен мечами, Манфред хотел бы поговорить с ним. Передай, что его просят пожаловать в замок и что здесь ему и сопровождающим его людям будет оказан любезный прием и обеспечена полная безопасность — порукой этому мое слово, ибо я истинный рыцарь. Если мы не сможем уладить нашу ссору полюбовно, он — клянусь в этом! — покинет замок без всяких помех и получит полное удовлетворение в честном бою, и да помогут мне Господь Бог и Святая Троица!

Герольд трижды поклонился и вышел.

Пока проходила эта беседа, множество противоречивых чувств теснилось в душе Джерома. Страшась за жизнь сына, он прежде всего подумал, что следует убедить Изабеллу вернуться в замок.

Но почти в такой же степени ужасала его мысль о возможном браке Изабеллы с Манфредом. Он боялся безграничной покорности Ипполиты воле ее господина, и, хотя он не сомневался, что сможет, воззвав к ее благочестию, внушить ей отказ от развода (если получит доступ к ней), все же и в этом случае, узнай Манфред, что помеха исходит от него, судьба Теодора была бы такой же плачевной. Джерому не терпелось поскорее узнать,

откуда явился герольд, без обвиняков оспоривший титул Манфреда, и вместе с тем он сознавал, что ему необходимо быть сейчас в монастыре, чтобы Изабелла не могла отправиться куда-нибудь дальше и ему не был вменен в вину ее побег. Со смятенной душой вернулся он в свою обитель, не ведая, как ему следует поступить. Монах, встретивший Джерома у входа и обративший внимание на его печальный вид, сказал ему:

— Увы, брат мой, значит, это правда, что мы утратили нашу добрую княгиню Ипполиту?

Содрогнувшись, святой муж вскричал:

— Что ты имеешь в виду, брат мой? Я иду сейчас прямо из замка и оставил там княгиню в добром здравии.

— Четверть часа тому назад, — ответил его собеседник, — Мартелли проходил мимо монастыря по дороге в замок и сообщил нам, что ее светлость скончалась. Все братья отправились в часовню молиться о том, чтобы душа ее без мук перешла в лучший мир, а мне поручили дожидаться твоего возвращения. Они знают, как сильна твоя преданность этой благочестивой женщине, и их тревожит, что ты примешь печальное известие очень близко к сердцу, — ведь и у всех нас есть основания оплакивать ее: она была матерью для нашей обители. Но все мы в этой жизни — только паломники; не должно нам роптать — все мы последуем за нею! И да будет наша кончина подобна кончине этой женщины!

— Добрый брат мой, ты в странном заблуждении, — сказал Джером. — Говорю тебе: я иду из замка и оставил там княгиню в добром здравии. Где госпожа Изабелла?

— Бедная девушка! — воскликнул монах. — Я сообщил ей печальное известие и порадел о ее

духовном утешении: напомнил ей о бренности нашего смертного существования и посоветовал принять монашество, приведя в пример благочестивую государыню Саншу Арагонскую.

— Твое рвение похвально, — нетерпеливо прервал его Джером, — но в настоящее время в нем нет надобности. С Ипполитой не стряслось ничего дурного — во всяком случае, я молю об этом Господа и верю, что так оно и есть. Я не слышал ни о чем таком, что могло бы вызвать какие-либо опасения. Однако боюсь, что решимость князя... Так где же, брат мой, госпожа Изабелла?

— Не знаю, — отвечал монах. — Она долго плакала, затем сказала, что пойдет в свою горницу.

Джером тотчас же оставил своего собрата и поспешил к Изабелле, но горница ее была пуста. Он спросил монастырских слуг, но не смог узнать о ней ничего. Напрасно искал он ее по всему монастырю и в церкви и разослал людей по окрестностям расспрашивать везде и повсюду, не видел ли ее кто-нибудь. Все было бесполезно. Нельзя описать словами смущение и растерянность этого доброго человека. Он предположил, что Изабелла, подозревая Манфреда в умерщвлении жены, всполошилась и сразу же покинула монастырь, чтобы надежнее укрыться в каком-нибудь более потаенном месте. Этот новый побег, думал он, наверняка разъярит Манфреда до крайности. Известие о смерти Ипполиты, хотя оно и представлялось совершенно неправдоподобным, еще больше усиливало смятение Джерома; и, хотя исчезновение Изабеллы ясно говорило об ее отвращении к браку с Манфредом, Джером не мог почерпнуть для себя в этом утешения, ибо это угрожало жизни его сына. Он решил вернуться в замок вместе с несколь-

кими братьями, которые могли бы удостоверить его невиновность перед Манфредом и в случае необходимости также ходатайствовать за Теодора.

Тем временем князь, выйдя во двор, приказал настежь распахнуть ворота замка и впустить неизвестного рыцаря с его свитой. Через несколько минут кортеж вступил в замок. Впереди ехали два вестника с жезлами. Затем следовал герольд, сопровождаемый двумя пажам и двумя трубачами. За ними — сотня пеших ратников, сопровождаемых таким же числом конных. Потом — пятьдесят слуг, одетых в алое и черное — цвета рыцаря. Затем, верхом на коне, ведомом под уздцы двумя герольдами, — знаменосец с разделенным на четыре поля стягом, на котором были изображены гербы домов Виченца и Отранто — каковое обстоятельство весьма уязвило Манфреда, решившего, однако, не давать воли своему негодованию. Потом еще два пажа. Исповедник рыцаря, перебиравший четки. Снова пятьдесят слуг, одетых так же, как и предыдущие. Два рыцаря, закованные в доспехи, с опущенными забралами, — спутники главного рыцаря. Оруженосцы этих рыцарей со щитами и эмблемами. Оруженосец главного рыцаря. Сотня дворян, несших огромный меч и, казалось, изнемогавших под его тяжестью. Сам рыцарь — на гнедом скакуне, в доспехах с головы до ног, с копьём на плече и опущенным забралом на шлеме, над которым поднимался высокий султан из алых и черных перьев. Пятьдесят пеших ратников с трубами и барабанами завершали процессию, которая расступилась, освобождая место для главного рыцаря.

Подъехав к воротам, рыцарь остановился, а герольд, продвинувшись еще немного вперед, повто-

рил слова вызова. Взор Манфреда был прикован к гигантскому мечу, и казалось, будто он и не услышал картеля; но вскоре внимание его было отвлечено резкими порывами ветра, поднявшегося у него за спиной. Он обернулся и увидел, что перья на заколдованном шлеме находятся в том же странном волнении, что и прежде. Нужна была неустрашимость Манфреда, чтобы не пасть окончательно духом от совокупности этих обстоятельств, которые, казалось, все вместе возвещали его погибель. Но, считая недопустимым выказать малодушие перед пришельцами и сразу утратить славу человека мужественного, он твердо сказал:

— Почтенный рыцарь, кто бы ты ни был, я приветствую тебя в моем замке. Если ты из числа смертных, мы померяемся с тобой доблестью, а если ты истинный рыцарь, то с презрением отвергнешь колдовство как средство добиться своих целей. Небо ли, ад ли посылает эти знамения — Манфред верит в правоту своего дела и в помощь святого Николая, который всегда покровительствовал его дому. Спешись, почтенный рыцарь, и отдохни. Завтра мы встретимся в честном поединке, и да поддержит Господь того из нас, кто более прав.

Рыцарь ничего не ответил, но, спешившись, последовал за Манфредом в большую залу замка. Когда они пересекали двор, рыцарь, вдруг останавливаясь, устремил взор на чудесную каску, затем преклонил колени и несколько минут, видимо, молился про себя. Поднявшись, он подал знак князю, что готов следовать за ним дальше. Как только они вступили в залу, Манфред предложил незнакомцу снять доспехи, но тот отказался, покачав головой.

— Почтенный рыцарь, — сказал Манфред, — это неучтиво с твоей стороны, но, клянусь Богом, я не хочу и не стану перечить тебе, и у тебя не будет повода для недовольства князем Отранто. Я не замышляю предательства; надеюсь, что и у тебя ничего подобного нет на уме; вот, возьми этот залог (Манфред снял с руки и отдал рыцарю кольцо): твои друзья и ты сам будете под охраной законов гостеприимства. Отдыхай здесь, пока не принесут пищи и питья для утоления голода и жажды; а я пойду распорядиться, чтобы с удобством разместили твою свиту, и вернусь к тебе.

Рыцарь и двое его товарищей поклонились, показывая этим, что принимают учтливое предложение Манфреда. Князь приказал препроводить свиту рыцаря в близлежащий странноприимный дом, который учредила Ипполита для паломников. Когда свита рыцаря обходила двор, направляясь к воротам, гигантский меч вдруг вырвался из рук тех, кто его нес, и, упав наземь напротив шлема, остался неподвижно лежать на этом месте. Манфред, уже почти нечувствительный к сверхъестественному, устоял и при виде этого нового чуда и, вернувшись в залу, где к тому времени было все готово для пира, пригласил своих безмолвных гостей к столу. Как ни скверно было у него на душе, он старался развеселить общество. Он задал гостям несколько вопросов, но те ответили на них не речью, а знаками. Они приподняли свои забрала лишь настолько, чтобы можно было есть, но и ели весьма умеренно.

— Господа, — сказал князь, — вы первые из всех моих гостей, которых я когда-либо потчевал в этих стенах, не пожелавшие снизойти до общения со мной; я думаю также, что не часто бывало, чтобы

государи соглашались ставить на кон свои владения и свое достоинство, вступая в единоборство с безмолвными незнакомцами. Вы говорите, что явились сюда от имени Фредерика да Виченца; я всегда слышал, что он доблестный и учтивый рыцарь; и осмелюсь сказать, он никогда бы не стал почитать чем-то недостойным себя застольную беседу с человеком, равным ему по положению и достаточно известным своей боевой отвагой. И все-таки вы молчите — ну что ж! Пусть будет так: по законам гостеприимства и рыцарства вы под этой крышей хозяева и вольны поступать, как вам будет угодно, — но все же налейте мне вина; вы не откажетесь осушить со мною задравный кубок за ваших прекрасных дам?

Главный из трех рыцарей вздохнул, перекрестился и встал, намереваясь выйти из-за стола.

— Почтенный рыцарь, — обратился к нему Манфред, — то, что я сказал, было лишь шуткой; я не собираюсь никак стеснять вас: пусть все будет так, как вам того хочется. Если вы не расположены к веселью, давайте будем вместе грустить. Может быть, по вашему умунастроению как раз сейчас уместно поговорить о деле; тогда уйдем отсюда, и послушайте, что я хочу вам открыть: возможно, это больше придется вам по душе, нежели мои тщетные попытки развлечь вас.

Проведя затем троих рыцарей в один из внутренних покоев замка и затворив дверь, Манфред предложил гостям сесть и, обращаясь к главному из них, начал следующим образом:

— Вы явились ко мне, почтенный рыцарь, от имени маркиза да Виченца, насколько я понимаю, для того, чтобы потребовать возвращения его дочери Изабеллы, которая была перед лицом святой

Церкви помолвлена с моим сыном, с согласия ее законных опекунов; а также для того, чтобы принудить меня отказаться от моих владений в пользу вашего господина, заявляющего себя ближайшим по крови родственником князя Альфонсо — да упокоит Господь его душу! Я буду сперва говорить об этом втором вашем требовании. Вам, так же как и вашему господину, должно быть известно, что я унаследовал княжество Отранто от моего отца, дона Мануэля, а он от своего — дона Рикардо. Их предшественник Альфонсо умер бездетным в Святой земле и завещал свои владения моему деду, дону Рикардо, в награду за его верную службу.

При этих словах незнакомец отрицательно покачал головой.

— Почтенный рыцарь, — с сердцем сказал Манфред, — Рикардо был человеком отважным и прямодушным; и еще он был благочестивым человеком, тому свидетельство — соседняя церковь и два монастыря, основанные на его щедрые пожертвования. Ему особенно покровительствовал святой Николай... Мой дед был неспособен... Вы слышите, ваша милость, дон Рикардо был неспособен... Прошу прощения, вы покачали головой, и я немного сбился... Я чту память моего деда... Так вот, господа, мой дед удержал за собой это княжество, удержал благодаря своему мечу и покровительству святого Николая... Не отдал его никому и мой отец... Не отдам и я — а там будь что будет! Но Фредерик, ваш господин, — ближайший по крови наследник... Я согласился вверить мечам судьбу своего титула — разве пошел бы я на это, будь мой титул незаконным? Я мог бы спросить: где Фредерик, ваш господин? До нас дошла весть, что он умер в плену.

А вы говорите — вернее, ваши действия говорят об этом, — что он жив... Я не ставлю этого под сомнение — мог бы, господа, мог бы! — но не хочу. Другие на моем месте предложили бы Фредерику отвоевать свое наследство силой, если он сможет, они бы не согласились, чтобы их достоинство зависело от исхода одного поединка; они не покорились бы решению безмолвных незнакомцев. Простите меня, благородные господа, я слишком горяч, но вообразите себя в моем положении: разве вы сами, будучи отважными рыцарями, не вознегодовали бы, если бы ваша честь и честь ваших предков подвергались сомнению? Однако вернемся к делу: вы требуете, чтобы я передал вам молодую госпожу Изабеллу... Но я должен спросить вас, господа, имеете ли вы право забрать ее от меня?

Рыцарь кивнул.

— Что ж, берите ее! — продолжал Манфред. — Берите, раз вы имеете на это право; но могу ли я спросить вас, благородный рыцарь, даны ли вам по всей форме полномочия?

Рыцарь кивнул снова.

— Хорошо! — сказал Манфред. — Тогда послушайте, что я могу вам предложить; вы видите перед собой, благородные господа, несчастнейшего из людей! — (Тут он заплакал.) — Не откажите же мне в вашем сочувствии — я заслужил его, право, заслужил. Знайте, я утратил мою единственную надежду, мою радость, опору моего дома: Конрад умер вчера утром.

Рыцари знаками выказали свое удивление.

— Да, господа, роковой жребий выпал моему сыну. Изабелла свободна.

— Значит, вы отдаете ее обратно? — вскричал, нарушив свое молчание, главный рыцарь.

— Еще немного терпения, прошу вас, — сказал Манфред. — Я с удовлетворением заключаю из этого свидетельства вашей доброй воли, что наш спор может быть улажен без кровопролития. Но мне необходимо сказать вам еще кое-что, и толкает меня на это отнюдь не моя личная выгода. Вы видите перед собой человека, испытывающего отвращение от мира сего; с потерей сына я отрешился от земных забот. Власть и могущество больше не имеют цены в моих глазах. Я хотел бы с честью передать сыну скипетр, унаследованный мною от предков, — но, увы, теперь это невозможно! Сама жизнь настолько безразлична мне, что я с радостью принял ваш вызов; истинный рыцарь не может сойти в могилу более достойно, нежели погибнув при совершении одного из тех подвигов, которые ему назначены его призванием; какова бы ни была Божья воля — я покоряюсь ей, ибо, увы, господа, я человек, отягченный многими горестями. Манфреду не в чем завидовать... но вам, господа, без сомнения, известна моя история.

Рыцарь сделал отрицательный жест и, казалось, был заинтересован тем, что скажет Манфред дальше.

— Возможно ли, — продолжал князь, — чтобы моя история была неведома вам? Разве вы не слышали ничего относящегося ко мне и княгине Ипполите?

Рыцари покачали головами.

— Нет? Так слушайте же, господа. Вы считаете меня честолубцем, но честолубие, увы, складывается из более грубой материи. Будь я честолубцем, я не испытывал бы столько лет мук совести... но я злоупотребляю вашим терпением; буду краток. Знайте же, что душа моя давно неспокойна

из-за моего союза с княгиней Ипполитой. О господи, если бы вы только были знакомы с этой превосходной женщиной! Если бы вы знали мои чувства к ней! Ведь я обожаю ее как возлюбленную и высоко ценю как лучшего своего друга... но, увы, человек не рождается на свет для полного счастья! Княгиня разделяет мое беспокойство, и с ее согласия я представил это дело на рассмотрение Церкви, поскольку мы с ней состоим в таком родстве, при котором брак недопустим. Каждую минуту я жду окончательного решения, которое должно разъединить нас навсегда... Я уверен, вы сочувствуете мне... Я вижу, что это так... простите мне мои слезы!

Рыцари с удивлением поглядывали друг на друга, не понимая, куда клонит Манфред.

Манфред продолжал:

— После внезапной смерти моего сына, происшедшей как раз в то время, когда душа моя была объята этой тревогой, я не думал уже ни о чем, кроме как об отказе от своих владений и уходе в монастырь. Мне оставалось только решить — а это было нелегко, — кого назначить своим наследником, имея в виду, что он должен проявлять попечение о моем народе, и как поступить с молодой госпожой Изабеллой, которая дорога мне как родное дитя. Я хотел восстановить династию Альфонсо, пусть даже в лице представителя одной из самых боковых ее ветвей, хотя, прошу меня извинить, мог бы этого не делать, ибо такова была воля самого Альфонсо, чтобы потомство Рикардо заступило место его собственной родни. Но где было искать мне эту родню? Я не знал никого, кроме Фредерика, вашего господина, а он не то был в плену у неверных, не то умер; и, будь он даже в живых,

захотел ли бы он покинуть процветающее государство Виченцу ради незначительного княжества Отранто? А если бы он не захотел, то терпима ли была бы для меня мысль, что я собственными глазами увижу, как над моим несчастным верноподданным народом главенствует жестокий, бессердечный наместник? Ведь я, господа, люблю свой народ и, благодарение Господу, сам пользуюсь его любовью... Но вы спросите: какова цель этого пространного рассуждения? Говоря кратко, господа, речь идет вот о чем: приведя вас ко мне, Господь Бог, кажется, указывает тем самым на средство преодолеть трудности и помочь мне в моих несчастьях. Госпожа Изабелла свободна; я тоже скоро буду свободен... Я готов покориться чему угодно ради блага моего народа; и единственный, если не наилучший, путь для прекращения распри между нашими семействами я вижу в том, чтобы госпожа Изабелла стала моей женой. Вы изумлены? Но ведь — хотя добродетели Ипполиты всегда будут дороги мне — князь не вправе считаться только с самим собой: он рожден для того, чтобы служить своему народу.

Вошедший в этот момент слуга уведомил Манфреда, что прибывший с несколькими своими братьями Джером требует немедленного допуска к нему. Раздосадованный этой помехой и опасаясь, как бы монах не раскрыл незнакомцам, что Изабелла укрылась в святилище, князь хотел уже отказать ему в приеме. Но тут же подумав, что Джером, очевидно, пришел сообщить о возвращении Изабеллы, Манфред стал извиняться перед рыцарями за то, что покинет их на несколько минут; однако, прежде чем он успел выйти, монахи уже вошли в залу. Манфред сердито выбралил их за вторжение и хотел вытолкать за дверь, но Дже-

ром был слишком взволнован, чтобы его можно было так просто выставить вон. Он громко объявил, что Изабелла бежала, и стал горячо доказывать свою невиновность. Манфред, совершенно потерявшись как от самого этого известия, так и от того, что оно дошло до сведения незнакомцев, произносил лишь какие-то несвязные фразы, то браня Джерома, то принося извинения рыцарям, желая узнать, что же случилось с Изабеллой, и столь же сильно боясь, как бы об этом не узнали и рыцари, испытывая нетерпеливое желание броситься за ней в погоню и страх, что они захотят отправиться вместе с ним. Он предложил отрядить на поиски доверенных людей, но главный рыцарь, наконец заговорив, в резких выражениях обвинил Манфреда в темной и лукавой игре и потребовал прежде всего объяснить, почему Изабелла исчезла из замка. Бросив на Джерома суровый взгляд, означавший приказание молчать, Манфред в ответ сочинил историю, будто после смерти Конрада он сам поместил Изабеллу в святилище впредь до того времени, когда он примет решение, как поступать с ней дальше. Джером, дрожа за жизнь своего сына, не осмелился опровергнуть эту ложь, но один из монахов, не испытывая боязни, которая мучила Джерома, откровенно рассказал, что Изабелла бежала в их церковь предыдущей ночью. Напрасно старался князь прекратить эти разоблачения, обрушивавшие на его голову позор и приводившие в смятение его самого. Главный рыцарь, изумленный услышанными им противоречивыми сообщениями и почти твердо убежденный, что Манфред сам куда-то упрятал Изабеллу, хотя и выказывает беспокойство из-за ее побега, ринулся к двери с возгласом: «Предатель! Знай — Изабелла будет найдена!»

Манфред попытался удержать его, но другие рыцари помогли сотоварищу, и он, вырвавшись от князя, поспешил во двор и стал требовать своих людей. Видя, что его никак не отвлечь от поисков Изабеллы, Манфред заявил, что готов отправиться вместе с ним, и призвал своих людей, а Джерому и нескольким монахам велел указывать путь, после чего весь отряд покинул замок. При этом Манфред отдал секретный приказ держать свиту рыцаря под строгой охраной, а рыцарю притворно изъяснил, что послал гонца передать его людям распоряжение помочь в поисках.

Между тем Матильда, у которой не выходил из головы молодой крестьянин, с тех пор как она увидела его в зале приговоренным к смерти, и чьи мысли были сосредоточены на изыскании средства спасти его, узнала от своих служанок сразу же, едва только отряд покинул замок, что Манфред разослал всех своих людей в разные стороны на поиски Изабеллы. В спешке он отдал приказ в общих выражениях, не имея в виду распространить его на стражу, поставленную стеречь Теодора, но, так как он забыл оговорить это, слуги, побуждаемые к участию в такой захватывающей дух погоне собственным любопытством и охочие до всяких необычайностей, все до единого оставили замок. Матильда, освободившись от услужавших ей женщин, прокралась в глухую башню, где был заперт Теодор, и, сняв с двери замок, явилась перед изумленным юношей.

— Молодой человек, — сказала она, — хотя дочерний долг и женская скромность осуждают предпринимаемое мною, но святое милосердие, оправдывающее этот поступок, оказывается сильнее всех

других внушений. Беги! Дверь твоей темницы открыта! Моего отца и его слуг нет в замке, но вскоре они могут вернуться. Уходи с миром, и да направят ангелы твой путь!

— Ты, наверное, один из этих ангелов! — произнес восхищенный Теодор. — Только благословенная Господом святая может так говорить, так поступать, так выглядеть, как ты. Но можно ли мне узнать имя моей божественной покровительницы? Ты, кажется, упомянула о своем отце. Мыслимо ли? Ужели Манфред мог дать жизнь существу, способному к святому милосердию? Прекрасная дева, ты не отвечаешь — но как сама ты можешь находиться здесь? Зачем пренебрегаешь ты собственной безопасностью, зачем уделяешь внимание такому несчастному, как Теодор? Бежим вместе! Жизнь, которую ты даруешь мне, будет посвящена твоей защите.

— Увы, ты ошибаешься, — сказала Матильда со вздохом. — Я действительно дочь Манфреда, но мне не угрожают никакие опасности.

— Как удивительно! — воскликнул Теодор. — Но ведь не далее как вчера вечером мне посчастливилось оказать тебе ту услугу, которую ты, движимая своим великим состраданием, возвращаешь мне сейчас.

— И тут ты заблуждаешься, — отвечала дочь князя, — но сейчас не время для объяснений. Беги, добродетельный юноша, пока еще я в состоянии спасти тебя: если бы мой отец вернулся сейчас, и тебе и мне было бы чего страшиться.

— Как? — воскликнул Теодор. — Ты думаешь, прелестная дева, что я соглашусь спасти свою жизнь, хоть в малой степени рискуя этим навлечь беду на тебя?

— Мне ничто не угрожает, — ответила Матильда, — если только ты не будешь мешкать. Скорей уходи! Никто не узнает, что я помогла тебе бежать.

— Поклянись святыми на небесах, — сказал Теодор, — что тебя не могут заподозрить, — иначе, заявляю это перед Богом, я не тронусь с места и буду ждать того, что выпадет мне на долю.

— О, ты слишком благороден, — сказала Матильда, — но будь спокоен: никакое подозрение не может пасть на меня.

— Дай же мне свою нежную руку в знак того, что ты не обманываешь меня, — произнес Теодор, — и позволь мне омыть ее горячими слезами благодарности.

— Сохрани Бог! — остерегла его Матильда. — Этому быть не должно.

— Увы! — воскликнул Теодор. — До этого часа я знал в жизни одни лишь беды и, быть может, никогда не узнаю снова счастья; так не отвергай же чистого порыва, вызванного беспредельной благодарностью: это душа моя хочет запечатлеть на твоей руке выражение переполняющих ее чувств.

— Сдержи себя и уходи, — приказала Матильда. — Была бы довольна Изабелла, увидев тебя у моих ног?

— Какая Изабелла? — с удивлением спросил молодой человек.

— О боже! — воскликнула Матильда. — Я боюсь, что помогаю обманщику! Ты что же, забыл уже, о чем с таким любопытством спрашивал сегодня утром?

— Твой облик, твои поступки и все в тебе божественно прекрасно, — сказал Теодор, — но речь твоя темна и таинственна. Говори, благородная де-

ва, но говори так, чтобы это было доступно разумению твоего покорного слуги.

— Ты отлично все понимаешь, — возразила Матильда. — Но я еще раз приказываю тебе покинуть это место; если я буду тратить с тобой время на пустые разговоры, на мою голову падет твоя кровь, пролитие которой я пока еще могу предотвратить.

— Я ухожу, госпожа моя, — сказал Теодор, — потому что такова твоя воля и потому что я не хочу отягчить горем остаток жизни моего престарелого отца. Но скажи мне, восхитительная дева, что сострадание твоей нежной души со мною.

— Пойди, — промолвила Матильда, — я провожу тебя к подземелью, через которое скрылась Изабелла; оно тебя приведет в церковь Святого Николая, где ты окажешься в неприкосновенном убежище.

— Как? — воскликнул Теодор. — Значит, это была другая, а не ты сама, прекрасная дева, — та, кому я помог найти подземный ход?

— Да, другая, — ответила Матильда, — но не спрашивай больше ни о чем: я трепещу, видя, что ты все еще здесь, — беги же скорей, ищи убежище у алтаря!

— У алтаря... — повторил Теодор. — Нет, дорогая госпожа моя, такие убежища существуют для беспомощных дев или для преступников. Душа Теодора не отягощена никакой виной; не должно быть и видимости того, что это так. Дай мне меч, госпожа моя, и твой отец увидит, что Теодор презирает постыдное бегство.

— Безрассудный юнец! — вскричала Матильда. — Да неужели в своей заносчивости ты посмел бы поднять руку на князя Отрантского?

— На *твоего* отца? Нет-нет, конечно, не посмел бы, — сказал Теодор. — Прости меня, госпожа моя, я забыл... Но разве мог я, глядя на тебя, помнить, что ты рождена на свет тираном Манфредом? Но он твой отец, и с этого мгновения все дурное, что я от него испытал, предается забвению.

Откуда-то сверху прозвучал глухой протяжный стон. Матильда и Теодор оба вздрогнули.

— Боже мой! Нас подслушивают... — прошептала Матильда.

Оба умолкли и насторожились, но, так как тишина больше не нарушалась, они решили, что это был порыв ветра, и Матильда, двинувшись вперед неслышным шагом, провела Теодора в арсенальную залу, снабдила там юношу полным набором доспехов, после чего препроводила его к боковым воротам.

— Избегай селения, — сказала она, — и всей местности, прилегающей к замку с запада: именно там, по-видимому, Манфред вместе с незнакомцами ведет розыски; держись другой стороны замка. За лесом, что виднеется на востоке, тянется сплошная гряда скал, прорезанная лабиринтом пещер, доходящим до морского побережья. Там ты сможешь скрываться, пока не представится случай знаками подозвать какое-нибудь судно, которое подойдет к берегу и возьмет тебя на борт. Иди! Да будет Господь Бог твоим провожатым! И вспоминай иногда в своих молитвах... Матильду.

Теодор пал к ногам своей спасительницы и, зажав ее лилейной рукой, которую она после некоторого сопротивления позволила ему поцеловать, дал обет при первой же возможности добиться возведения в рыцарское звание и стал с жаром молить

у нее разрешения посвятить себя навсегда служению ей, быть ее рыцарем.

Прежде чем Матильда успела ответить, раздался удар грома, потрясший стены замка. Теодор готов был продолжать свои мольбы, невзирая на бурю, но испуганная девушка поспешно вернулась в замок, с таким решительным видом приказав юноше уходить, что тот не посмел ослушаться. Он со вздохом удалился, но взгляд его был обращен к воротам до тех пор, пока Матильда не закрыла их, положив конец свиданию, воспламенившему их сердца такой страстью, какой дотоле они не испытывали никогда.

Погруженный в свои мысли, Теодор направил шаги к монастырю: он хотел увидеть отца и сообщить ему о своем освобождении. Здесь он узнал, что Джером отсутствует и что идут розыски господи Изабеллы; впервые он услышал и некоторые подробности ее истории.

Присущий юноше рыцарственный дух немедленно зажег в его благородном сердце желание помочь ей, но монахи не могли сообщить ему никаких сведений, по которым можно было бы догадаться, куда она направилась. А пускаться в дальнейшие странствия в поисках Изабеллы он не был расположен, ибо образ Матильды так глубоко запал ему в душу, что он не чувствовал себя в силах покинуть места, где она жила. Мысль о чувствах, проявленных к нему Джеромом, усиливала его неохоту пускаться на эти поиски, и он даже убедил себя, что его сыновняя преданность отцу и является главной причиной того, что он все еще мешкает между замком и монастырем. Наконец Теодор решил укрыться в лесу, который ему указала Матильда, и оставаться там до ночи, то есть до того времени, когда Джером уже наверное возвратится в монастырь. Придя туда, он

стал искать места с самой густой тенью, наиболее соответствовавшие той сладостно-щемящей грусти, что царила сейчас в его душе.

В меланхолической задумчивости он незаметно для себя добрал до пещер, которые в прежние времена служили приютом для отшельников, а теперь, как поговаривали окрест, стали обиталищем злых духов. Вспомнив об этом поверье и будучи человеком храбрым и предприимчивым, он дал волю своему любопытству и углубился в потаенные закоулки лабиринта. Он не успел еще далеко проникнуть, как вдруг ему показалось, что он слышит чьи-то удаляющиеся шаги — словно кто-то отступал по мере его приближения. Хотя Теодор не сомневался ни в чем, во что предписывает верить наша святая религия, он не представлял себе, чтобы добрый человек мог быть беспричинно отдан во власть злобным силам тьмы. Он подумал, что скорее это место облюбовано разбойниками, нежели теми посланцами преисподней, которые, как рассказывают, кружат и сбивают с толку путников. Ему давно уже не терпелось испытать свою доблесть, и, обнажив меч, он спокойно продолжал идти вперед, направляя свои шаги навстречу доносившимся до него чуть слышным шорохам. Лязг его доспехов в свою очередь служил знаком для отступления тому, кто избегал встречи с ним. Убежденный теперь, что он не ошибся, Теодор пошел вдвое быстрее прежнего и стал заметно нагонять неизвестного, хотя тот тоже ускорил шаг.

Нагнав беглеца, Теодор увидел перед собой женщину, которая в тот же миг упала, задыхаясь, на землю. Он поспешил поднять ее, но она была охвачена таким страхом, что он сам испугался, как бы она не лишилась чувств у него на руках. Самыми

мягкими словами постарался он рассеять ее тревогу, заверяя, что не только не нанесет ей обиды, но, напротив, будет защищать ее даже с опасностью для собственной жизни. Дама, успокоенная обходительным поведением молодого человека, взглядела ему в лицо и произнесла:

— Право, я где-то раньше слышала этот голос.

— Не знаю, где это могло быть, если только не верна моя догадка, что я вижу перед собой госпожу Изабеллу.

— Боже милосердный! — вскричала она. — Но не посланы же вы разыскивать меня — или я ошибаюсь?

И с этими словами, упав перед ним на колени, она взмолилась, чтобы он не предавал ее Манфреду.

— Манфреду?! — воскликнул Теодор. — Нет, благородная госпожа, я однажды уже избавил вас от его тирании — и теперь, чего бы мне это ни стоило, укрою от новых его покушений.

— Неужели, — сказала она, — вы тот благородный незнакомец, которого я встретила вчерашней ночью в подземелье замка? Наверное, вы не смертный человек, а мой ангел-хранитель. Позвольте же мне на коленях поблагодарить вас...

— Не нужно, любезная госпожа, — вскричал поспешно Теодор, — не унижайтесь перед тем, кто сам беден и одинок! Если Бог назначил мне быть вашим избавителем, Он доведет предначертанное Им до конца и укрепит мою руку ради вашего правого дела... Но послушайте, госпожа моя, мы находимся слишком близко от входа в пещеру; поищем более укромных мест: я не буду спокоен до тех пор, пока не устрою вас там, где вы будете вне опасности.

— Увы! Что вы имеете в виду, мой покровитель? — спросила она. — Хотя ваши поступки благородны, хотя выражаемые вами чувства свидетельствуют о чистоте вашей души, приличествует ли мне удаляться наедине с вами в эти запутанные закоулки? Если нас обнаружат вместе, что подумает поспешный на осуждение свет о моем поведении?

— Я уважаю вашу добродетельную щепетильность, — ответил Теодор, — и уверен, что вы не питаете подозрений, оскорбительных для моей чести. Я имел в виду препроводить вас в самую потаенную пещеру в этих скалах, а затем преградить вход в лабиринт кому бы то ни было, пусть даже ценою собственной жизни. Кроме того, госпожа, — продолжал он, тяжело вздохнув, — хотя ваш облик и прекрасен и совершенен, а я не могу сказать, что не подвержен земным чувствам, знайте — сердце мое отдано другой; и несмотря на то что...

Внезапный шум помешал Теодору закончить свою мысль. Вскоре они различили возгласы: «Изабелла! Э-ге-й, Изабелла!» — и девушка вновь затрепетала от ужаса. Теодор пытался ободрить ее, но безуспешно. Он заверил Изабеллу, что скорее умрет, нежели потерпит, чтобы она вновь оказалась во власти Манфреда, и, предложив ей остаться в укрытии, пошел навстречу человеку, который разыскивал ее, дабы воспрепятствовать его приближению.

У входа в пещеру он увидел рыцаря в полном вооружении, разговаривавшего с крестьянином, который уверял его, что сам видел, как некая дама скрылась в расселине скалы. Рыцарь собирался уже устремиться туда за ней, но Теодор, преградив ему путь и угрожая обнаженным мечом, решительно потребовал, чтобы он удалился прочь.

— А кто ты такой, что дерзаешь становиться мне поперек дороги? — высокомерно спросил рыцарь.

— Я тот, у кого слово не расходится с делом: если я на что дерзаю, значит, берусь это исполнить, — ответил Теодор.

— Я ищу госпожу Изабеллу, — сказал рыцарь, — и мне известно, что она скрывается в этих скалах. Не препятствуй же мне, или тебе придется раскаться в том, что ты вызвал мой гнев.

— Намерение твое столь же гнусно, сколько презренен твой гнев, — сказал Теодор. — Вернись туда, откуда явился, или вскоре ты узнаешь, чей гнев страшнее.

Незнакомец был не кто иной, как тот самый рыцарь, который прибыл к Манфреду от имени маркиза да Виченца. Пока Манфред был занят опросом всех и каждого об Изабелле и отдавал различные распоряжения с целью помешать троим рыцарям завладеть ею, главный рыцарь усакал от него. Он и раньше подозревал, что Манфред причастен к исчезновению девушки, теперь же, когда оскорбление, нанесенное ему человеком, поставленным, как он решил, Манфредом для охраны ее тайного местопребывания, подтвердило эти подозрения, он не стал дальше объясняться, а бросился на Теодора с мечом и вскоре освободился бы от всяких препятствий, если бы Теодор, принявший его в свою очередь за одного из военачальников Манфредова войска, не был готов подкрепить делом брошенный им вызов и не отразил удара щитом. Столь долго сдерживаемая им отвага сразу же проявилась с полной силой: как вихрь налетел он на рыцаря, которого гнев и гордость также подстрекали к доблестному сопротивлению.

Бой был ожесточенным, но недолгим: Теодор нанес рыцарю три раны и в конце концов обезоружил его, так как от потери крови тот лишился чувств. Крестьянин, убежавший при первой же схватке, сообщил о происходящем нескольким слугам Манфреда, которые, следуя его приказу, рассеялись по лесу в поисках Изабеллы. Они подбежали к сраженному рыцарю и вскоре узнали в нем прибывшего в замок знатного незнакомца. Теодор, несмотря на свою ненависть к Манфреду, не мог радоваться одержанной победе, не испытывая одновременно сострадания и участия к побежденному; но он ощутил еще большее волнение, когда узнал звание своего противника и ему было разъяснено, что это не наемник Манфреда, а его враг. Он помог слугам князя освободить рыцаря от доспехов и позаботился остановить кровь, струившуюся из его ран. К рыцарю постепенно вернулся дар речи, и слабым, прерывающимся голосом он сказал:

— Великодушный враг мой, мы оба впали в заблуждение: я принял тебя за орудие тирана, вижу, что и ты совершил ту же ошибку... Поздно теперь выражать сожаления... Я слабею... Если Изабелла поблизости... позови ее — я должен... важные тайны...

— Он умирает! — воскликнул один из челядинцев. — Нет ли у кого-нибудь при себе распятая? Андреа, помолись над ним...

— Принесите воды, — приказал Теодор, — и дайте ему глоток, а я поспешу к молодой госпоже...

С этими словами он бросился к Изабелле и в нескольких словах, умолчав о своей доблести, рассказал ей, что, к несчастью, по ошибке ранил придворного ее отца и что этот человек хочет перед смертью сообщить ей нечто для нее весьма важное. Изабелла, которая было обрадовалась, услы-

хав голос звавшего ее Теодора, теперь находилась вся во власти изумления, внимая его словам. Ободренная новым доказательством доблести Теодора, она согласилась следовать за ним и подошла к тому месту, где был простерт на земле истекавший кровью, обессиленный рыцарь. Но все страхи ее ожили, как только она увидела слуг Манфреда. Она снова обратилась бы в бегство, если бы Теодор не показал ей, что они не вооружены, и не пригрозил им немедленной смертью при малейшей попытке схватить ее. Незнакомец, открыв глаза и увидев перед собой женщину, произнес:

— Ты... умоляю, скажи мне правду... ты действительно Изабелла да Виченца?

— Да, это я, — ответила Изабелла. — Да поможет добрый Господь наш вашему излечению.

— Тогда ты... тогда ты, — с усилием произнося слова, продолжал рыцарь, — видишь перед собой... своего отца... Поцелуй же меня...

— О чудо! О ужас! Что слышу я! Что вижу! — вскричала Изабелла. — Мой отец! Вы — мой отец! Как оказались вы здесь? Ради Бога, говорите! О боже! Люди, бегите за помощью, иначе он умрет.

— Это — истинная правда, — вымолвил раненый рыцарь, напрягая все свои силы. — Я Фредерик, твой отец. Да, я прибыл сюда, чтобы освободить тебя... Этому быть не суждено... Поцелуй меня на прощанье и возьми...

— Почтенный рыцарь, — сказал Теодор, — не изнуряйте себя; позвольте нам перенести вас в замок...

— В замок! — воскликнула Изабелла. — Разве нельзя получить помощь ближе, чем в замке? Вы хотите, чтобы мой отец был беззащитен перед тираном? Если его переправят туда, я не отважусь сопровождать его... а могу ли я его оставить?

— Дитя мое, — молвил Фредерик, — мне безразлично, куда меня отнесут: через несколько минут мне уже не будет страшна никакая опасность... Но пока глаза мои могут радоваться, глядя на тебя, не покидай меня, родная Изабелла! Этот храбрый рыцарь — я не знаю, кто он, — защитит твою невинность. Вы не бросите мое дитя на произвол судьбы, юный воин, не правда ли?

Проливая слезы над своей жертвой, Теодор торжественно обещал не пожалеть жизни ради безопасности девушки и убедил Фредерика позволить людям препроводить его в замок. Его подняли на лошадь одного из слуг, предварительно постаравшись как можно лучше перевязать его раны. Теодор шел рядом с ним, а убитая горем Изабелла, которая не в силах была расстаться с отцом, с сокрушенным видом следовала позади.

ГЛАВА 4

У ворот замка печальную процессию встретили Ипполита и Матильда, оповещенные о ее прибытии слугой, которого выслала вперед Изабелла. Они велели людям внести Фредерика в один из ближайших покоев и удалились, предоставив лекарям осмотреть его раны. Когда Матильда увидела Теодора и Изабеллу вместе, она вся залилась краской, но попыталась скрыть свое смущение, обнимая подругу и выражая ей сочувствие по поводу несчастья ее отца. Вскоре явились лекари и доложили Ипполите, что ни одна из ран маркиза не опасна и что он желает видеть дочь и двух других дам. Теодор не мог противостоять искушению последовать за Матильдой и отправился вместе с дамами, сославшись на то, что хочет высказать маркизу, какую радость он испытывает теперь, когда отпали опасения, что поединок мог оказаться роковым для его бывшего противника. Матильда так часто опускала глаза, встречая взгляд Теодора, что Изабелла, чей взор был устремлен на юношу с таким же вниманием, с каким он сам смотрел на Матильду, вскоре догадалась, кто та особа, которая, по признанию, сделанному им в пещере, владеет его сердцем. Во время этой немой сцены Ипполита спрашивала у Фредерика,

почему он счел нужным обставить такой таинственностью свой приезд за Изабеллой, и приводила различные доводы в оправдание тому, что ее супруг затеял сочетать браком их детей. Хотя Фредерик и негодовал против Манфреда, но учтивость и благожелательность Ипполиты расположили его в ее пользу; но еще большее впечатление произвела на него красота Матильды. Желая подольше удержать обеих около своего ложа, он принялся рассказывать Ипполите свою историю.

Он поведал ей, что, находясь еще в руках у неверных, однажды увидал сон, будто Изабеллу, о которой он со времени своего пленения не имел никаких известий, насильно удерживают в каком-то замке, где ей грозят самые ужасные несчастья, и будто он узнаёт дальнейшее, если, вернув себе свободу, отправится в лес в окрестностях Яффы. Встревоженный этим сном и не будучи в силах исполнить указание, он мучительнее, чем прежде, страдал от тяжести своих цепей. Но пока он размышлял над тем, как добиться свободы, к нему пришла радостная весть, что союзные государи, совместно сражавшиеся в Палестине, уплатили за него выкуп. Он сразу же отправился в лес, который был указан ему во сне. Трое суток блуждал он там со своими слугами, не встречая ни единой души; но к исходу третьего дня они набрали на келью, в которой обнаружили седовласого отшельника, находившегося при смерти. С помощью живительных снадобий они вернули Божьему чело- веку дар речи.

— Дети мои, — сказал он, — благодарю вас за ваше милосердие... Увы, оно напрасно... Я ухожу вкушать вечный покой... Но умираю я с чувством

удовлетворения, ибо я исполнил Господню волю. Когда я только удалился от мира, после того как моя страна стала добычей неверных, — тому уже пятьдесят лет, как я был свидетелем этого ужасного события! — мне явился святой Николай и поведал важную тайну, запретив посвящать в нее кого-либо из смертных до наступления моего последнего часа. И вот теперь этот страшный час наступил, а вы, без сомнения, те избранные воители, коим святой повелел открыть доверенное мне. Как только вы совершите все должные обряды над моим бранным телом, вскопайте землю под седьмым деревом слева от этого убогого жилища, и ваши страдания будут... О Господи, прими мою душу!

С этими словами набожный отшельник испустил дух.

— Поутру, — продолжал Фредерик, — предав земле останки святого старца, мы принялись копать в указанном месте — и каково же было наше удивление, когда на глубине шести футов мы обнаружили огромный меч — тот самый, что лежит сейчас во дворе вашего замка! На клинке, который несколько выдавался из ножен (теперь он полностью скрыт в них после наших усилий извлечь его совсем) были начертаны следующие строки... Нет! Вы извините меня, сударыня, — перебил себя маркиз, обернувшись к Ипполите, — если я воздержусь от их повторения: мое уважение к вам как к даме и знатной госпоже не позволяет мне ранить ваш слух словами, которые звучали бы оскорбительно по отношению к чему бы то ни было дорогому для вас.

Он умолк. Ипполита затрепетала. Она не сомневалась, что Фредерик уполномочен Богом ис-

полнить роковой приговор, который, по-видимому, был произнесен над ее семейством. С любовью и тревогой взглянула она на Матильду, и тихая слеза скатилась по её щеке; но, собравшись с духом, она сказала:

— Продолжайте, маркиз! Господь ничего не совершает напрасно: смертные должны принимать Его повеления со смирением и покорностью. Мы можем только молиться о том, чтобы Он отвратил от нас свой гнев, или склоняться пред изъявлениями Его воли. Повторите же этот приговор, маркиз: мы внимаем вам, готовые ко всему.

Фредерик огорчился, что зашел так далеко. Достойное поведение и кроткая стойкость Ипполиты внушили ему глубокое уважение к ней, а та нежная взаимная любовь, что, не нуждаясь в словах, отчетливо проявлялась во взглядах, которые бросали друг на друга мать и дочь, растрогала его почти до слез. Однако, опасаясь, что его отказ выполнить просьбу Ипполиты вызовет у них еще большую тревогу, он тихим, прерывавшимся голосом повторил следующие строки:

Где шлем лежит, сему мечу под стать,
Там дочь твоя обречена страдать.
Альфонсо кровь одна ее спасет,
И князя тень покой тогда найдет.

— Но что же обидного для присутствующих здесь дам заключено в этих строках? — порывисто спросил Теодор. — Зачем было волновать их столь таинственной щепетильностью, для которой нет никаких оснований?

— Ваши слова звучат резко, молодой человек, — сказал маркиз, — и если судьба однажды была благосклонна к вам...

— Высокочтимый отец мой, — вмешалась Изабелла, недовольная горячностью Теодора, порожденной, как она догадывалась, его чувствами к Матильде, — не теряйте ясности духа из-за невоздержанности крестьянского сына: он забылся, не проявив к вам должной почтительности; но он еще не привык...

Ипполита, встревоженная внезапно возникшим препирательством, укорила Теодора за его дерзость, но с видом, выражавшим признательность за его пылкое заступничество, и, сменив предмет разговора, спросила Фредерика, где он оставил ее супруга. Фредерик собирался ответить, но тут снаружи послышался шум; дамы и Теодор поднялись со своих мест, желая узнать, в чем дело, однако, не успели они выйти, как в покой вступили Манфред и Джером с сопровождавшими их людьми, уже осведомленные по слухам о происшедшем. Манфред поспешно приблизился к ложу Фредерика, намереваясь выразить ему свое соболезнование и расспросить подробнее о поединке, но, внезапно охваченный беспредельным изумлением и ужасом, вскричал:

— О, кто ты такой? Кто ты, страшный призрак? Неужели настал мой роковой час?

— Мой дорогой супруг! — вскричала Ипполита, обвивая его руками. — Что вы увидели? Что приковало к себе ваш взор?

— Как? — задыхаясь, воскликнул Манфред. — Ты ничего не видишь, Ипполита? Значит, это жуткое видение явлено мне одному, мне, который не мог...

— Ради всего святого, супруг мой! — взмолилась Ипполита. — Соберитесь с духом, не теряйте рассудка... Здесь никого нет, кроме нас, ваших друзей.

— Как? Разве это не Альфонсо? — вскричал Манфред. — Разве ты не видишь его? Неужели это только бред, порожденный моим мозгом?

— Супруг мой! — воскликнула Ипполита. — Ведь это — Теодор, тот самый юноша, что имел несчастье...

— Теодор... — угрюмо повторил Манфред и, ударив себя по лбу, добавил: — Теодор он или призрак, но он нарушил покой моей души. Однако почему он здесь? И почему на нем доспехи?

— Видимо, он отправлялся на поиски Изабеллы, — ответила Ипполита.

— Изабеллы! — воскликнул Манфред, снова впадая в ярость. — Да-да, в этом можно не сомневаться... Но кто помог ему освободиться из заточения, в котором я велел держать его? Изабелла или этот лицемерный старый монах?

— А разве можно считать преступником отца, — сказал Теодор, — если он стремится освободить своего дитя?

Джером очень удивился тому, что сын таким образом возлагает вину на него, и просто не знал, что и думать. Он не мог понять, как удалось Теодору бежать, как раздобыл он доспехи и оружие и как встретился с Фредериком. Однако он не осмеливался задавать вопросы, которые могли бы вновь воспламенить гнев Манфреда против Теодора. Молчание Джерома убедило Манфреда, что именно он устроил побег своего сына.

— Так-то ты, неблагодарный старик, — сказал князь, — оплачиваешь мне и Ипполите за нашу щедрость? Тебе мало, что ты идешь наперекор самым заветным желаниям моего сердца: ты вдобавок вооружаешь своего пащенка и приводишь его в мой замок, чтобы он здесь оскорблял меня!

— Господин, — сказал Теодор, — вы несправедливы к моему отцу: ни он, ни я не способны злоумышлять против вашего спокойствия. Будете ли вы считать меня дерзким оскорбителем, если я сам предамся в руки вашей светлости? — добавил он, почтительно кладя свой меч к ногам Манфреда. — Вот грудь моя: пронзите ее, господин, если вы подозреваете, что в ней могут гнездиться извращенные чувства. Душа моя не ведает побуждений, несовместимых с уважением к вам и вашим близким.

Достоинная учтивость и пылкость, с которыми были произнесены эти слова, расположили всех присутствующих в пользу Теодора. Сам Манфред был тронут, но, все еще находясь под впечатлением сходства юноши с Альфонсо, он продолжал испытывать тайный ужас, подавлявший в нем восхищение.

— Встань! — сказал он. — Сейчас я не собираюсь казнить тебя. Расскажи-ка мне лучше свою историю и объясни, как оказался ты связан с этим старым предателем.

— Ваша светлость! — горячо начал Джером. — Он...

— Замолчи, обманщик! — оборвал его Манфред. — Я не желаю, чтобы он говорил с чужого голоса.

— Мне не нужна ничья помощь, ваша светлость, — сказал Теодор. — История моя очень коротка: пяти лет от роду я был отправлен в Алжир вместе с моей матерью, захваченной корсарами у побережья Сицилии. Она умерла от горя меньше чем год спустя...

Слезы хлынули из глаз Джерома; буря всколыхнувшихся в нем чувств отразилась на его лице.

— Перед смертью, — продолжал Теодор, — она привязала мне на руку под одеждой записку, из которой мне стало известно, что я сын графа Фальконары...

— Это чистая правда, — подтвердил Джером, — я — несчастный отец этого юноши...

— Еще раз приказываю тебе молчать, — сказал Манфред. — Продолжай, молодой человек.

— Я оставался в рабстве до прошлого года, когда, сопровождая своего хозяина в одном из его морских набегов, был освобожден христианским судном, одолевшим в бою пирата; я открылся капитану, и он великодушно доставил меня в Сицилию, но — увы! — вместо того чтобы найти там отца, я узнал, что принадлежавшее ему имение, которое было расположено на побережье, во время его отсутствия было разорено морским разбойником, продавшим в рабство меня и мою мать, замок сожжен дотла, а сам отец по возвращении продал остатки имущества и постригся в монахи где-то в Неаполитанском королевстве, но где именно — никто не мог мне сказать. Одинокий, обездоленный, почти утративший надежду на то, что отец когда-нибудь сможет прижать меня к своему сердцу, я воспользовался первым представившимся случаем и отплыл в Неаполь, откуда всю последнюю неделю шел пешком в эту землю, добывая себе в пути пропитание трудом своих рук; и до вчерашнего утра мне и в голову не приходило, что Господь мог уготовить для меня какую-либо лучшую долю, кроме непритязательной бедности и душевного мира. Такова, государь, моя история. Я счастлив более, нежели мог бы надеяться, оттого что нашел отца; и я несчастлив более, нежели заслужил, оттого что навлек на себя немилость вашей светлости.

Теодор замолк. Одобрительный шепот поднялся среди присутствующих.

— Это еще не все, — произнес Фредерик. — Честь обязывает меня добавить то, о чем он умалчивает. Он скромн, но я должен по всей справедливости сказать, что он один из самых храбрых юношей во всех христианских землях. Он, конечно, горяч; но, хотя я еще мало знаю его, я поручусь за его правдивость: он не стал бы рассказывать о себе то, что мы от него слышали, не будь это истинной правдой, — и что до меня, то я, юноша, уважаю твою прямоту: она подобает человеку твоего рождения. Вот сейчас ты оскорбил меня, но, на мой взгляд, не беда, если благородная кровь, текущая в твоих жилах, порой и вскипит — особенно сейчас, когда источник ее установлен столь недавно. Ну что же, — обратился он к Манфреду, — если я могу простить его, то, конечно, можете и вы: молодой человек неповинен в том, что вы приняли его за привидение.

Эта злая насмешка уязвила Манфреда, и он надменно ответил:

— Если посланцы иного мира и способны внушать мне страх, то по крайней мере никто из смертных не может сделать этого, и тем более рука зеленого юнца не могла бы...

— Государь мой, — прервала Ипполита, — ваш гость нуждается в покое: не следует ли нам оставить его?

С этими словами она взяла Манфреда под руку и, распрощавшись с Фредериком, направилась к выходу, а все остальные последовали за нею. Князь, отнюдь не сожалея о прекращении разговора, который напомнил о том, что он выдал свои самые тайные опасения, позволил увести себя в свои покои,

разрешив Теодору отправиться с отцом в монастырь, хотя и с условием возвратиться в замок на следующий же день (что Теодор охотно обязался исполнить).

Матильда и Изабелла были слишком поглощены собственными размышлениями и вместе с тем слишком мало довольны друг другом, чтобы продолжить беседу этим вечером. Они разошлись по своим горницам, и расставание это было куда более церемонным и менее сердечным, чем когда-либо прежде начиная с их детских лет.

Но если при прощании обе они не проявили большой теплоты, зато поспешили встретиться, едва поднялось солнце. Их состояние духа было таково, что они за всю ночь не сомкнули глаз, и каждая перебирала в уме тысячу вопросов, которые хотела наутро задать другой. Матильда думала о том, что Теодор дважды освободил Изабеллу из весьма опасного положения, и не могла себе представить, чтобы оба раза это было случайностью. Правда, в комнате Фредерика взор юноши был все время прикован к ней самой, но ведь он мог и притворяться ради того, чтобы скрыть от обоих отцов свою страсть к Изабелле. Надо было это обязательно прояснить... Матильда желала знать правду, чтобы не повредить своей подруге, питая нежные чувства к ее возлюбленному. Таким образом, ревность возбуждала в ней любопытство, в то же время находя ему оправдание в дружеской привязанности к сопернице.

Изабелла, не менее обеспокоенная, имела больше оснований для подозрений. Правда, Теодор сам сказал ей — и то же сказали его глаза, — что сердце его занято, но, быть может, Матильда не отвечает на его страсть: ведь она всегда казалась со-

вершенно неспособной чувствовать что-либо похожее на любовь; все мысли ее были отданы Богу... «Зачем я разубеждала ее? — говорила себе самой Изабелла. — Я наказана за свое великодушие... Но когда они встречались? И где? Нет, этого не может быть, я обманулась: видимо, вчера вечером они увиделись впервые, наверно, какая-то другая — предмет его вздыханий, и если это правда, я не так несчастна, как предполагала; если моя подруга Матильда тут ни при чем, то... Но как же так? Неужто я унижусь до того, что буду искать любви человека, который так грубо, безо всякой к тому необходимости, известил меня о своем безразличии ко мне? И в какой момент к тому же?! Когда общепринятая учтивость требовала любезных слов! Я пойду к моей дорогой Матильде, и она поддержит меня в этой приличествующей моему полу гордости... Мужчины коварны... Я посоветуюсь с ней о постриге: она обрадуется, увидев меня в таком умонастроении, и я скажу ей, что больше не восстаю против ее желания уйти в монастырь».

С такими мыслями Изабелла направилась к Матильде, решив открыть подруге свое сердце. Матильду она застала уже одетой; девушка сидела в задумчивости, склонив голову на руку. Грустный вид Матильды, столь соответствовавший тому состоянию, в котором находилась и сама Изабелла, вновь оживил ее подозрения, и у нее сразу пропало желание откровенно говорить с подругой. При встрече обе покраснели, будучи слишком неопытными, чтобы умело скрывать свои чувства. После обмена несколькими незначительными вопросами и ответами Матильда спросила Изабеллу о причине ее побега. Изабелла уже почти позабы-

ла о страсти Манфреда к ней — настолько она была поглощена страстью, охватившей ее самое, — и решила, что Матильда имеет в виду ее последний побег из монастыря, который привел к событиям минувшего вечера; поэтому в ответ она сказала:

— Мартелли пришел в монастырь с известием, что ваша матушка умерла...

— О! — воскликнула, перебивая ее, Матильда. — Бьянка объяснила мне эту ошибку. Увидев меня в обмороке, она закричала: «Госпожа скончалась!» — а Мартелли, пришедший в замок за обычной милостыней, не разобрав хорошенько...

— А отчего вы упали в обморок? — спросила Изабелла, пропустив мимо ушей все остальное.

Матильда покраснела и ответила заикаясь:

— Мой отец... Он осудил преступника...

— Какого преступника? — с живостью спросила Изабелла.

— Одного молодого человека... — ответила Матильда. — Я полагаю... мне кажется, это был тот самый молодой человек, который...

— Как? Теодор? — воскликнула Изабелла.

— Да, — подтвердила Матильда. — Я никогда не видала его до этого; не знаю, чем оскорбил он моего отца... Но коль скоро он оказал услугу вам, я рада, что князь простил его.

— Мне? — переспросила Изабелла. — По-вашему, это значило оказать мне услугу — ранить моего отца, да так, что он едва не расстался с жизнью? Хотя счастье узнать своего родителя было даровано мне только вчера, я надеюсь, вы не считаете меня настолько чуждой дочерним чувствам, чтобы допустить, будто я могу не возмущаться дерзостью этого самонадеянного юноши и способ-

на питать чувство, хоть отдаленно похожее на любовь, к человеку, осмелившемуся поднять руку на того, кто породил меня на свет. Нет, Матильда, сердце мое питает отвращение к нему, и если вы по-прежнему верны дружбе, связывающей нас сызмала, дружбе, коей вы клялись никогда не изменять, то и вы будете ненавидеть человека, едва не сделавшего меня несчастной навсегда.

Матильда, опустив голову, отвечала:

— Я надеюсь, что моя дорогая Изабелла не сомневается в дружбе своей Матильды: до вчерашнего дня я никогда не видела этого юноши; я его почти не знаю; но раз лекари заключили, что жизнь вашего отца вне опасности, вам не следовало бы столь немилосердно преследовать своей злобой молодого человека, который — я убеждена в этом — не знал, что маркиз находится с вами в родстве.

— Вы что-то уж слишком горячо вступаетесь за него, — сказала Изабелла, — особенно если принять во внимание, что вы его так мало знаете! Если я не ошибаюсь, он относится к вам так же милостиво.

— Что вы имеете в виду? — спросила Матильда.

— Ничего, — ответила Изабелла, уже раскаяваясь, что позволила себе намекнуть Матильде на чувства Теодора к ней. — А теперь скажите мне, — продолжала она, меняя предмет разговора, — почему Манфред принял Теодора за привидение?

— О боже, — сказала Матильда, — разве вы не заметили удивительного сходства между ним и портретом Альфонсо в галерее? Я указала на это Бьянке еще до того, как увидела его в доспехах, но, когда на нем шлем, он похож на портрет как две капли воды.

— Я не очень-то рассматриваю портреты, — отозвалась Изабелла, — и уж тем более не изучала черт этого молодого человека так старательно, как это, по-видимому, делали вы... Ах, Матильда! Ваше сердце в опасности — разрешите же мне по-дружески предостеречь вас: он признался мне, что влюблен; не может быть, чтобы он был влюблен в вас, ибо только вчера он встретился с вами впервые в жизни — ведь это так, не правда ли?

— Конечно, так, — ответила Матильда, — но какие мои слова позволили моей дорогой Изабелле заключить, что... — Тут она остановилась, но затем продолжала: — Ведь он сперва увидел вас, и я, зная, сколь мало я привлекательна, далека от тщеславной мысли, что могла пленить сердце, уже отданное вам, — будьте же счастливы, Изабелла, какова бы ни была судьба Матильды!

— Мой дорогой друг! — воскликнула Изабелла, честное сердце которой не могло противиться доброму порыву. — Вами, именно вами восхищается Теодор; я это видела, я убеждена в этом; и мысль о моем собственном счастье никогда не заставит меня помешать вашему.

Неподдельная искренность Изабеллы исторгла слезы из глаз Матильды; и ревность, вызвавшая на некоторое время охлаждение между обеими прелестными девушками, уступила место естественным для них прямодушию и чистосердечности. Каждая призналась другой в том впечатлении, которое произвел на нее Теодор; и за этими признаниями последовала борьба великодуший, в которой каждая из подруг настойчиво уступала другой первенство в притязаниях на того, кто был дорог им обеим. Наконец гордость и добродетель напомнили Изабелле, что Теодор едва ли не в пря-

мых выражениях отдал предпочтение ее сопернице; это заставило ее подавить в себе нежные чувства и отказаться ради подруги от предмета своей мечты.

Во время этого состязания в дружеских чувствах в горницу Матильды вошла Ипполита.

— Дорогая, — обратилась она к Изабелле, — вы так любите Матильду и так близко принимаете к сердцу все, что касается нашего несчастного дома, что я не могу вести с моей дочерью секретные разговоры, которые вам не подобало бы слышать.

Изабелла и Матильда, обеспокоенные этим началом, насторожились.

— Знайте же, моя милая, — продолжала Ипполита, — и ты также знай, моя дорогая Матильда, что эти два зловещих дня убедили меня в том, что Господь определил скипетру князей Отранто перейти от Манфреда к маркизу Фредерику, и меня — быть может свыше — осенила мысль предотвратить нашу окончательную гибель посредством союза обоих соперничающих домов. Имея в виду эту цель, я сочла уместным, чтобы мой супруг Манфред предложил маркизу Фредерику, вашему отцу, выдать за него мою дорогую, горячо любимую дочь.

— Меня выдать за маркиза Фредерика! — вскричала Матильда. — Боже милостивый! Высокочитимая моя матушка! И вы уже оповестили о ваших мыслях отца?

— Да, — ответила Ипполита, — он благосклонно выслушал мой совет и отправился к Фредерику изложить ему это предложение.

— О несчастная государыня! — вскричала Изабелла. — Что вы сделали! Какую непоправимую бе-

ду навлекает ваша неосторожная доброта на вас самое, на меня и на Матильду!

— Я навлекаю беду на вас и на мое дитя? — удивленно повторила Ипполита. — Что это значит?

— Увы! — воскликнула Изабелла. — Чистота вашего собственного сердца мешает вам видеть развращенность других людей. Манфред, ваш супруг, этот нечестивец...

— Остановитесь! — сказала Ипполита. — Вы не должны в моем присутствии говорить без уважения о Манфреде: он мой супруг и повелитель, и...

— Недолго он будет оставаться таковым, если сумеет осуществить свои порочные намерения! — вскричала Изабелла.

— Меня изумляют эти речи, — сказала Ипполита. — У вас горячий нрав, Изабелла, но до сих пор вы еще никогда не утрачивали должной сдержанности. Какой поступок Манфреда позволяет вам говорить о нем так, как если бы он был убийцей, преступником?

— Добродетельная и чересчур доверчивая государыня! — отвечала Изабелла. — Он не хочет лишать тебя жизни, но хочет освободиться от тебя! Развестись с тобой!

— Развестись со мной! — Развестись с моей матерью! — разом воскликнули Ипполита и Матильда.

— Да, — сказала Изабелла, — и в довершение своего преступления он замышляет... Я не могу выговорить это!

— Что может еще превзойти сказанное тобою? — молвила Матильда.

Ипполита молчала, онемев от горя. Вспоминая недавние двусмысленные речи Манфреда, она убеждалась, что все, услышанное ею, — правда.

— Достойнейшая, дорогая госпожа моя! Государыня! Матушка! — восклицала Изабелла, бросившись в порыве внезапно нахлынувшего чувства к ногам Ипполиты. — Верьте мне, клянусь вам, я скорее приму тысячу смертей, нежели уступлю столь гнусному...

— О, это уже чересчур! — вскричала Ипполита. — Одно преступление влечет за собой другие! Встаньте, дорогая Изабелла, я не сомневаюсь в вашей добродетели. О Матильда, этот удар слишком тяжел для тебя! Не плачь, дитя мое! И — прошу тебя — не ропщи. Помни, что он все же твой отец!

— Но вы моя мать, — с жаром сказала Матильда. — И *вы* добродетельны, *вы* безупречны! Как же, как же мне не сетовать?

— Ты не должна сетовать, — сказала Ипполита. — Полно же, все еще обернется к лучшему. Манфред, впад в отчаяние из-за гибели твоего брата, сам не знал, что говорит. Может быть, Изабелла неверно поняла его: у него ведь доброе сердце... И к тому же, дитя мое, ты знаешь еще не все! Нас подстерегает рок: десница Провидения занесена над нами... О, если бы я могла спасти тебя от грозящего нашему дому крушения! Да, — продолжала она несколько более спокойно, — быть может, пожертвовав собой, я смогу отвратить несчастье от всех вас... Я пойду и скажу, что согласна на развод, — мне безразлично, что станет со мной. Я удалюсь в соседний монастырь и проведу остаток дней моих в слезах и молитвах за свое дитя и... за князя!

— Вы слишком хороши для этого мира, — сказала Изабелла, — а Манфред ужасен... Но не думайте, госпожа моя, что ваша слабость может по-

колебать мою решимость. Я даю клятву, — внемлите же ей, ангелы на небесах...

— Остановись, заклинаю тебя! — вскричала Ипполита. — Помни, что ты не можешь распоряжаться собою: у тебя есть отец...

— Мой отец настолько благочестив, настолько благороден, — перебила ее Изабелла, — что никогда не прикажет мне совершить нечестивое деяние. А если бы он даже и вознамерился приказать, может ли отец заставить дочь поступить низко и подло? Я была помолвлена с сыном князя: могу ли я выйти замуж за отца моего жениха? Нет, государыня моя, нет! Никакая сила не приневолит меня разделить ложе этого мерзкого человека. Он мне ненавистен и отвратителен! Божеские и человеческие законы запрещают... И неужели я могла бы забыть мою дорогую подругу, мою Матильду, и ранить ее нежную душу, причинив зло ее матери, которую она так обожает, — моей собственной матери, — ибо я никогда не знала другой?

— О, она мать нам обеим! — вскричала Матильда. — Как бы мы ни любили, ни обожали ее, этого всегда будет мало!

— Мои дорогие дети, — сказала растроганная Ипполита. — Ваша любовь покоряет меня, но я не могу отступать от того, что нахожу справедливым. Мы не вправе сами выбирать пути: Господь Бог, наши отцы, наши мужья — вот кто призван определять их за нас. Ждите же терпеливо, пока вам не сообщат решение Манфреда и Фредерика. Если маркиз согласится принять руку Матильды, я уверена, что она охотно подчинится родительскому усмотрению. Может быть, Господь поможет нам и отвратит от нас остальное. Но что с тобой, дитя

мое? — воскликнула она, ибо в этот момент Матильда без слов рухнула к ее ногам, проливая горючие слезы. — Нет, не отвечай, дочь моя! — сказала Ипполита. — Мне не должно слышать ни одного слова, перечащего воле твоего отца.

— О, не сомневайтесь в моем послушании, в горьком моем послушании ему и вам! Но могу ли я, когда на меня изливается такая любовь, такая безграничная доброта, скрывать от лучшей из матерей свои чувства?

— Подумайте, что вы хотите сказать, Матильда, — перебила ее Изабелла, задрожав. — Возьмите себя в руки!

— Нет, Изабелла, — отвечала та, — я была бы недостойной дочерью такой несравненной матери, если бы скрывала в тайниках своей души чувство, которого она не благословила. Увы, я уже оскорбила ее: я позволила страсти закрасться в мое сердце и не призналась ей в этом, но сейчас я отрекаюсь от этого недозволенного чувства и даю обет Господу и матери моей...

— Дитя мое, дитя мое! — воскликнула Ипполита. — Что за слова ты говоришь? Какие новые беды уготовила нам судьба? Ты, ты... влюблена? В это грозное для всех нас время...

— О, я сознаю свою вину, — промолвила Матильда, — я отвратительна самой себе, ибо причиняю боль родной матери. Она для меня дороже всего на свете... О, я никогда, никогда не взгляну на него снова!

— Изабелла, — сказала Ипполита, — вы посвящены в эту тайну, и что бы ни пришлось мне узнать сейчас — говорите!

— Как? — воскликнула Матильда. — Неужели я так пограла любовь матери, что она не хочет

даже позволить мне самой рассказать, в чем я повинна? О, несчастная, несчастная Матильда!

— Вы слишком жестоки, — сказала Изабелла Ипполите. — Как можете вы видеть страдания этой добродетельной души и не сочувствовать им?

— Я ли не жалею свое дитя! — воскликнула Ипполита, заключая Матильду в объятия. — Я знаю, что она добра душой, исполнена благонравия, любви к ближним и чувства долга. Я охотно прощаю тебя, дорогая дочь, единственная моя надежда!

Тут девушки рассказали Ипполите об их обоюдной склонности к Теодору и о решении Изабеллы уступить его Матильде. Ипполита пожурила их за неблагоразумие и растолковала, насколько невероятно, чтобы отец любой из них согласился отдать свою наследницу за бедняка, хотя бы и благородного происхождения. Она несколько утешилась, узнав, что обе влюблены еще совсем недавно и что до сих пор у Теодора, скорее всего, не было оснований подозревать в этом ни ту, ни другую. Однако она строго наказала обеим избегать встреч и разговоров с ним. Матильда с жаром обещала неукоснительно выполнять распоряжение матери, но Изабелла, тешившая себя мыслью, что она хочет только одного — устроить брак своей подруги с Теодором, не могла твердо решиться избегать юношу и не сказала ничего.

— Я отправлюсь сейчас в монастырь, — сказала Ипполита, — и попрошу отслужить лишнюю обедню во избавление наше от всех этих бед.

— О матушка! — воскликнула Матильда. — Вы хотите покинуть нас, хотите укрыться в святом убежище и позволить тем самым отцу осуществить свои пагубные намерения. Горе нам! На ко-

лениях умоляю вас не делать этого... Ужели вы оставите меня, чтобы я стала добычей Фредерика? Лучше я последую за вами в монастырь...

— Успокойся, дитя мое, — ответила Ипполита. — Я сейчас же вернусь. Я никогда не покину тебя — разве что мне дано будет убедиться, что такова Божья воля и что это послужит тебе же на пользу.

— Не обманывайте меня, — сказала Матильда. — Я не выйду за Фредерика, пока вы не прикажете мне. Увы! Что будет со мной?

— К чему эти возгласы? — удивилась Ипполита. — Я же обещала тебе вернуться.

— Ах, матушка! — воскликнула Матильда. — Останьтесь и спасите меня от меня самой. Тень неудовольствия на вашем лице больше значит для меня, нежели вся суровость отца. Я отдала свое сердце, и вы одна можете заставить меня взять его обратно.

— Не продолжай, — остановила ее Ипполита. — Ты не должна выказывать слабость, Матильда.

— Я могу отказаться от Теодора, — сказала та, — но неужели я должна выйти замуж за другого? Позвольте мне сопровождать вас к алтарю и навсегда затвориться от мира!

— Судьба твоя зависит от воли отца, — повторила Ипполита. — Моя мягкость в отношении тебя причинила лишь зло, если благодаря ей ты научилась понимать, что обязана почитать отца превыше всего. Прощай, дочь моя, я ухожу молиться за тебя.

На самом деле главная цель Ипполиты состояла в том, чтобы посоветоваться с Джеромом, не может ли она с чистой совестью согласиться на развод. Она в прошлом нередко побуждала Ман-

фреда отречься от княжества, владение которым всегда тяготило ее чувствительную душу. Вследствие этих тревог ее совести мысль о том, чтобы навеки разлучиться с Манфредом, страшила Ипполиту менее, чем могла бы страшить при других обстоятельствах.

Накануне вечером, перед тем как покинуть замок, Джером строго потребовал у Теодора ответа, почему тот объявил его перед Манфредом причастным к своему побегу. Теодор признался, что сделал это умышленно, дабы отвести подозрение Манфреда от Матильды, и добавил, что считал всеобщее уважение к Джерому, как к человеку праведной и благочестивой жизни, надежной его защитой от гнева тирана. Джером весьма огорчился, узнав, что его сын питает склонность к дочери князя; расставаясь с Теодором на ночь, он обещал утром изложить ему важные соображения, настоятельно требовавшие, чтобы он поборол свою страсть. Теодор, подобно Изабелле, слишком недавно узнал родительскую власть, чтобы покорно подчиняться решениям отца, подавляя порывы своего сердца. Его не очень занимала мысль о том, какие соображения имеет в виду Джером, а исходить из них в своем поведении он и вовсе не был расположен. Чары прелестной Матильды наложили на его душу более глубокую печать, нежели сыновние чувства. Всю ночь он предавался любовным грезам; и лишь после заутрени, да и то не сразу, вспомнил, что монах велел ему прийти к гробнице Альфонсо.

Когда он наконец предстал перед Джеромом, тот сказал ему:

— Молодой человек, мне не по душе такая медлительность. Ужели ты сразу же хочешь показать, сколь мало значат для тебя повеления отца?

Теодор стал неловко извиняться и объяснил свой несвоевременный приход тем, что проснулся позже, чем следовало.

— И чей же образ являлся тебе во сне? — суровым тоном спросил монах.

Лицо Теодора залилось краской.

— Слушай, безрассудный юноша, — продолжал монах, — этому быть не должно; вырви с корнем из своей груди эту преступную страсть.

— Преступную страсть? — вскричал Теодор. — Может ли преступление сопутствовать невинной красоте и добродетельной скромности?

— Грешно, — ответил монах, — любить тех, кого Небо обрекло на гибель. Потомство тиранов должно быть стерто с лица земли до третьего и четвертого колена.

— Ужели Господь карает невинных за деяния преступных? — воскликнул Теодор. — У прекрасной Матильды довольно добродетелей...

— Для того чтобы погубить тебя, — прервал его монах. — Ты уже успел забыть, что свирепый тиран Манфред дважды приговаривал тебя к смерти?

— Я помню это, отец, — ответил Теодор, — но я также не забыл, что милосердие его дочери вызволило меня из его рук. Я могу забывать обиды, но не благоденствия.

— Обиды, нанесенные тебе родом Манфреда, превосходят все, что ты можешь себе представить, — сказал монах. — Не отвечай, но взгляни благоговейно на это изображение. Под этим монументом покоится прах Альфонсо Доброго, государя, наделенного всеми добродетелями, отца своего народа, гордости рода человеческого! Преклони колени, строптивый юноша, и внемли ужасному рассказу,

который поведает тебе отец. Рассказ этот погасит все чувства в душе твоей и оставит в ней одну лишь священную жажду мщения. Альфонсо! Понесший тяжкую обиду государь! Пусть твоя неотмщенная тень, витающая среди воздушных струй, остановится над нами и тоже горестно внемлет тому, что мои дрожащие уста... Но что там? Кто идет сюда?

— Несчастнейшая из женщин, — отозвалась Ипполита, подходя к алтарю. — Отец мой, располагаете ли вы сейчас временем для меня? Но почему здесь этот юноша и зачем он стоит на коленях? Отчего на ваших лицах написан такой ужас? Почему у этой почтенной гробницы... О боже! Вам явилось нечто?

— Мы возносили моления Господу, — в некотором замешательстве ответил монах, — о прекращении бед этого несчастного княжества. Присоединитесь к нам, госпожа Ипполита! Ваша безупречно чистая душа может вымолить у Бога разрешение от приговора, который, как о том ясно говорят знамения этих дней, произнесен над вашим домом.

— Я горячо молюсь о том, чтобы Господь отвратил от нас свой гнев, — сказала благочестивая Ипполита. — Вы знаете, что главной заботой моей жизни было вымолить Господне благословение для моего супруга и моих ни в чем не повинных детей. Одного из них, увы, я уже лишилась; захочет ли теперь Господь внять моей мольбе о бедной моей Матильде? Заступитесь за нее перед Богом, отец!

— Кто не захотел бы от всего сердца благословить ее? — с жаром воскликнул Теодор.

— Молчи, невоздержанный юноша! — приказал Джером. — А вы, добрая государыня, не спорьте с вышними силами! Господь дает, Господь отни-

мает. Благословите Его святое имя и смиритесь перед Его решениями.

— Я смиряюсь безропотно, — ответила Ипполита. — Но неужели Господь не пощадит ту, кто является моим единственным утешением? Ужели Матильда тоже должна погибнуть? Ах, отец мой, я пришла для того, чтобы... Но отошлите вашего сына... Никто, кроме вас, не должен слышать то, что я хочу сказать...

— Да снизойдет Господь ко всем вашим мольбам, достойнейшая государыня, — сказал Теодор, уходя. Джером нахмурился, услышав эти слова.

Ипполита рассказала монаху о возникшем у нее и сообщенном ею Манфреду замысле, как и о том, что князь отправился к Фредерику предложить ему руку Матильды. Джером не мог скрыть досады, которую вызвал у него предпринятый Ипполитой шаг, но попытался объяснить ее малой вероятностью того, чтобы Фредерик, ближайший по крови родственник Альфонсо, явившийся потребовать свое наследство, пошел на союз с узурпатором принадлежащих ему прав. Но изумлению Джерома поистине не было предела, когда Ипполита поведала ему о своей готовности принять развод и спросила, будет ли ее согласие сообразно с законами Церкви. Просьба Ипполиты дать ей совет позволила монаху, умолчав о том, как мерзка ему мысль о предполагаемом браке Манфреда с Изабеллой, расписать княгине самыми мрачными красками всю греховность ее согласия на развод, предречь ей Божью кару в том случае, если она уступит Манфреду, и строжайшим образом наказывать ей, чтобы она с негодованием и возмущением отвергла подобное предложение, в каком бы виде оно ни было сделано.

Тем временем Манфред успел сообщить свой план Фредерику и сказал, что недурно бы сыграть сразу две свадьбы. Переменчивый маркиз, на которого произвела глубокое впечатление красота Матильды, выказал живой интерес к предложению Манфреда. Он забыл свою вражду с ним с тем большей легкостью, что едва ли мог рассчитывать силой низвергнуть его с княжеского престола; и, подумав, что от брака его дочери с тираном, может быть, еще и не будет потомства, решил, что, женись на Матильде, он надежнее обеспечит себе права наследования. Он почти не противился уговорам Манфреда и только ради соблюдения приличий поставил условием согласие Ипполиты на развод. Манфред взял это на себя. Окрыленный успехом и горя желанием приблизить брак, который сулил ему надежду на продолжение рода, он устремился в покои своей жены с твердым намерением добиться ее покорности. Узнав, что она отправилась в монастырь, он вознегодовал. Нечистая совесть внушила ему подозрение, что Изабелла успела сообщить Ипполите о его замысле. Он подумал, не ради того ли пошла она сейчас в монастырь, чтобы остаться там до тех пор, пока не сможет представить непреодолимые препятствия к их разводу. Обычное недоверие, которое он испытывал к Джерому, вызвало у него опасение, что именно монах уговорил Ипполиту укрыться в этом святом месте, дабы помешать осуществлению планов ее супруга. Горя желанием скорее раскрыть эти козни и помешать их успеху, Манфред поспешил в монастырь и появился там как раз в тот момент, когда монах горячо уговаривал Ипполиту ни в коем случае не соглашаться на развод.

— Сударыня, — сказал Манфред, — какое дело привело вас сюда? Почему вы не дождались моего возвращения от маркиза?

— Я пришла испросить Божьего благословения вашим переговорам, — отвечала Ипполита.

— Мои переговоры не нуждаются во вмешательстве монаха, — заявил Манфред. — И неужели из всех живущих на свете людей вы не могли найти никого другого, с кем вам было бы приятно беседовать, кроме этого седого предателя?

— Нечестивый государь! — воскликнул Джером. — Неужели ты пришел сюда к алтарю для того, чтобы оскорблять служителей алтаря? Но твои богопротивные замыслы раскрыты, Манфред. Господь Бог и эта добродетельная госпожа знают о них — напрасно ты хмуришься, князь! Церковь презирает твои угрозы. Ее грома заглушат взрывы твоего гнева. Продолжай, продолжай упрямо стремиться к своей гнусной цели — разводу, но знай, что скоро Церковь произнесет свой приговор, и я с этого самого места обрушу ее проклятие на твою голову!

— Дерзкий бунтовщик! — вскричал Манфред, пытаясь скрыть страх, которым наполнили его душу слова монаха. — Ты осмеливаешься грозить своему законному государю?

— Ты не законный государь, — ответил Джером. — И ты вообще не князь! Иди и обсуждай свои притязания с Фредериком, а когда вы закончите...

— Мы уже закончили, — прервал его Манфред. — Фредерик согласен жениться на Матильде и отказывается от своих притязаний, сохраняя за собой право наследования лишь в том случае, если у меня не будет потомства мужского пола.

Когда он произносил эти слова, три капли крови упали из носа статуи Альфонсо. Манфред побледнел, а княгиня пала на колени.

— Смотри! — вскричал монах. — Видишь ты это чудесное знамение, гласящее, что кровь Альфонсо никогда не смешается с кровью Манфреда?

— Высокочтимый супруг мой! — промолвила Ипполита. — Смиримся перед Господом. Не подумайте, что неизменно послушная жена ваша восстает против вашей власти. У меня нет своей воли, отличной от воли моего супруга и Церкви. Обратимся же к этому высокому суду. Не от нас зависит разорвать узы, которыми мы соединены. Если Церковь одобрит расторжение нашего брака, да будет так — мне ведь осталось жить не много лет, и они все равно уже будут омрачены горем. Где же лучше влачить их, как не у подножия этого алтаря, в молитвах о вашем и Матильды благополучии?

— Но вы не останетесь здесь до тех пор, — сказал Манфред. — Вы возвратитесь со мной в замок, и там я поразмыслю о шагах, которые надлежит предпринять для развода, а этот вмешивающийся не в свое дело монах туда не пойдет; мой гостеприимный дом отныне навсегда закрыт для этого предателя. Что же касается отпрыска вашего преподобия, — продолжал он, — я изгоняю его из моих владений. Он, я полагаю, не является неприкосновенным лицом и не находится под защитой Церкви. Кто бы ни женился на Изабелле, это во всяком случае будет не наглый выскочка, новоявленный сынок святого отца Фальконары.

— Наглые выскочки, — ответил монах, — это те, кто захватывает троны законных государей, но

они увядают, как трава, и исчезают, не оставляя после себя следов.

Бросив на монаха презрительный взгляд, Манфред направился к выходу, уводя с собой Ипполиту, и у дверей церкви потихоньку велел одному из своих людей спрятаться поблизости от монастыря и немедленно доставить ему известие, если здесь появится кто-нибудь из замка.

ГЛАВА 5

Чем больше думал Манфред о поведении Джерома, тем сильнее укреплялся в убеждении, что монах потворствует любовным отношениям Изабеллы и Теодора. Но то обстоятельство, что этот самый Джером, в недавнем прошлом столь податливый, снова выказал дерзкую строптивость, порождало у Манфреда еще более серьезные опасения. Он даже подозревал, что монах пользуется тайной поддержкой Фредерика, и ему казалось, что не случайно совпали по времени прибытие в замок маркиза и вторичное появление Теодора. Всего же более его тревожило сходство Теодора с портретом Альфонсо. Но вместе с тем он твердо знал, что Альфонсо умер бездетным — в этом не могло быть никакого сомнения. А Фредерик согласился отдать Изабеллу ему в жены. Все эти противоречия заставляли Манфреда терзаться множеством сомнений. Он видел лишь два способа выпутаться из своих затруднений. Один из них заключался в том, чтобы отказаться от княжества Отранто в пользу маркиза. Но такому решению препятствовали его гордость, честолюбие и вера в старинные пророчества, гласившие, что при известных обстоятельствах он сможет сохранить все, чем владеет, для своих потомков. Другой способ

состоял в том, чтобы ускорить его бракосочетания с Изабеллой. Идя вместе с Ипполитой по дороге к замку, Манфред сначала долго молчал, занятый одними и теми же настойчиво преследовавшими его мыслями, но потом заговорил с княгиней о предмете своего беспокойства и стал, приводя разные доказательства, внушать ей, что она должна не только согласиться на развод, но и деятельно помочь его осуществлению. Ипполиту не надо было долго убеждать, чтобы она склонилась перед его волей. Она попыталась было уговорить Манфреда избрать путь отречения от своих владений, но, увидев, что ее увещания тщетны, заверила мужа, что, действуя в согласии со своей совестью, она не будет возражать против их разрыва, но, не услышав более основательных доводов, нежели те сомнения, о которых он ей поведал, сама не станет добиваться этого.

Уже такой уступки, хотя и неполной, было достаточно, чтобы Манфред окрылился надеждой. Он рассчитывал, что его власть и богатство помогут успеху его ходатайства в Риме, и задумал попросить Фредерика отправиться туда нарочно для этой цели. Фредерик выказал столь сильную страсть к Матильде, что Манфред считал возможным добиться всего, что хотел получить, укрепляя или ослабляя надежду маркиза стать обладателем ее прелестей, смотря по тому, насколько последний будет расположен содействовать ему в достижении его целей. Отъезд Фредерика уже сам по себе был бы существенным выигрышем для Манфреда, ибо дал бы ему возможность не спеша принять и другие меры для своей безопасности.

Отпустив Ипполиту в ее покои, он направился к маркизу, но, пересекая большую залу, через ко-

торуя лежал его путь, встретил Бьянку. Он знал, что эта девушка пользуется доверием Матильды и Изабеллы, и тут же решил повыспросить ее об Изабелле и Теодоре. Отозвав Бьянку в оконную нишу и улещивая ее многими сладкими словами и обещаниями, он спросил, что ей известно о чувствах Изабеллы.

— Мне, ваша светлость? Нет, ваша светлость... То есть да, ваша светлость... Бедняжка! Она так ужасно встревожена ранами своего батюшки; но я уверяю ее, что все пойдет на лад, — а вы как думаете, ваша светлость?

— Я спрашиваю тебя не о том, что думает она о своем отце, — ответил Манфред. — Ты посвящена в ее секреты, будь же хорошей девочкой и скажи мне: есть ли какой-нибудь молодой человек... Ну, одним словом, ты понимаешь меня...

— Боже всемогущий! Я понимаю вас? Нет, ваша светлость, ничего не понимаю... Я сказала ей, что немного целебных трав, которыми лечат раны, и покой...

— Я говорю, — нетерпеливо сказал князь, — не о ее отце; я знаю, что он оправится...

— Ах, ваша светлость, как я рада слышать это от вас: ведь я хотя и полагала, что не следует позволять молодой госпоже падать духом, но, по правде говоря, мне казалось, что у маркиза очень изнуренный вид, и пожалуй... Я помню, когда юный Фердинанд был ранен венецианцем...

— Ты уклоняешься в сторону, — перебил ее Манфред. — Но вот — возьми это кольцо — может быть, оно поможет тебе сосредоточиться; нет-нет, не нужно поклонов, мое благоволение не остановится на этом... Ну же, скажи мне правду о сердечных делах Изабеллы.

— Ах, ваша светлость так обходительны! — воскликнула Бьянка. — Ну да, конечно... Только сможет ли ваша светлость сохранить тайну? Если ее когда-нибудь выдадут ваши уста...

— Никогда, никогда! — вскричал Манфред.

— Нет, нет, поклянитесь, ваша светлость! Матерь Божия, если бы когда-нибудь стало известно, что я об этом рассказала... Но вот, что правда, то правда, — сдается мне, госпожа Изабелла не особенно-то любила молодого господина, вашего сына, а ведь он был такой славный юноша, какого нечасто увидишь. Я уверена, что, будь я знатного рода... Но боже мой, я должна поспешить к госпоже Матильде, она, верно, ума не приложит, куда я запропастилась!

— Постой! — воскликнул Манфред. — Твой ответ на мой вопрос неполон. Передавали ли когда-нибудь через тебя письмо или записку?

— Через меня? Господи спаси и помилуй! — вскричала Бьянка. — Чтобы я передавала письмо? Да я бы не стала делать этого и за королевскую корону! Я надеюсь, ваша светлость не думает, что если я бедна, то уж и нечестна... Разве вы никогда не слышали, что предлагал мне граф Марсильи, когда он приезжал сюда свататься к госпоже Матильде?

— Мне недосуг слушать твои рассказы, — сказал Манфред. — Я не ставлю под сомнение твою честность, но твоя обязанность — ничего не скрывать от меня. Как давно Изабелла знакома с Теодором?

— Нет, в самом деле, ничто не укроется от вашей светлости, — отвечала Бьянка. — Я не хочу сказать, что знаю что-нибудь об этом... Теодор, конечно, стоящий молодой человек и, как говорит

моя госпожа Матильда, вылитый портрет Альфонсо Доброго — а вы, ваша светлость, не замечали этого?

— Да, да... то есть нет... Ты мучаешь меня, — сказал Манфред. — Где она встречалась с ним? Когда?

— Кто? Моя госпожа Матильда? — спросила Бьянка.

— Нет, нет, не Матильда — Изабелла. Когда Изабелла впервые познакомилась с Теодором?

— Пресвятая Дева! — воскликнула Бьянка. — Откуда мне это знать?

— Но ты знаешь, — настаивал Манфред, — должен знать и я, и узнаю...

— О боже! Уж не ревнует ли ваша светлость госпожу Изабеллу к Теодору?

— Ревную? Нет-нет, с чего бы мне ревновать? Может быть, я решу соединить их. Если бы я был уверен, что Изабелла не питает отвращения...

— Отвращения? Нет, нет, я готова поручиться, что отвращения она к нему не питает: он один из самых пригожих юношей, какие только были и есть во всех христианских землях. Мы все влюблены в него; нет ни одного человека в замке, кто не хотел бы видеть его нашим государем, — то есть, конечно, после того как Господь призовет вас к себе.

— В самом деле? — произнес Манфред. — Неужели дело зашло так далеко? Проклятый монах! Но мне нельзя терять времени... иди к Изабелле, Бьянка, и побудь с нею; но не смей обмолвиться ни словом о том, про что я с тобой говорил. Разузнай, насколько сильно она увлечена Теодором; принеси мне хорошие новости, и к этому кольцу прибавится еще кое-что. Жди меня у подножия

винтовой лестницы: сейчас я иду навестить маркиза, а по возвращении еще поговорю с тобой.

Побеседовав сначала с Фредериком о разных незначительных вещах, Манфред затем попросил маркиза отослать обоих его товарищей-рыцарей, сославшись на необходимость иметь с ним разговор о делах первостепенной важности. Как только они остались наедине, он стал искусными обвиняками выведывать у маркиза, насколько сильна его склонность к Матильде, и, обнаружив, что тот расположен именно так, как он того желал, намекнул на трудность совершения бракосочетания, которую можно будет обойти, только если... В это мгновение в комнату ворвалась Бьянка — у нее был дикий взгляд, и она заламывала руки, выражая всем своим видом крайний испуг.

— О господин, господин мой! — кричала она. — Мы все погибли! Оно явилось снова! Оно явилось снова!

— Что явилось снова? — вскричал в изумлении Манфред.

— О, рука! Великан! Рука! Ах, поддержите меня, я сейчас упаду: я так испугана, что себя не помню! Я ни за что не останусь сегодня ночевать в замке. Уйду — все равно куда, а вещи мои можете прислать следом за мной завтра. Почему не согласилась я выйти замуж за Франческо? Только от пустого честолюбия!

— Что испугало тебя так, девушка? — спросил маркиз. — Не бойся ничего. Здесь ты в безопасности.

— О, ваша милость, вы бесконечно добры! — воскликнула Бьянка. — Но я не смею... Нет, пожалуйста, позвольте мне уйти... Лучше я совсем брошу свои вещи, чем останусь еще хоть на час под этой кровлей.

— Да ну тебя, ты вовсе спятила с ума, — сказал Манфред. — Не прерывай нас, мы тут совещаемся о важных делах. Эта девица, маркиз, подвержена припадкам... Пойдем со мной, Бьянка...

— О, святые угодники, нет, ни за что! — отвечала Бьянка. — Оно наверняка пришло предупредить вашу светлость... Иначе зачем бы оно явилось мне? Я ведь утром и вечером читаю молитвы. О, если бы вы, ваша светлость, поверили Диего! Эта рука — таких же размеров, что и нога, которую он видел там, на галерее. Отец Джером часто говорил нам, что в скором времени надо ждать пророческих знамений. «Бьянка, — говорил он, — попомни мои слова...»

— Ты бредишь! — вскричал в ярости Манфред. — Убирайся прочь и страшай этими нелепыми рассказами своих товарок.

— Как, ваша светлость? — воскликнула Бьянка. — Вы думаете, что я ничего такого не видела? Пойдите сами к подножию главной лестницы... Умереть мне на этом месте, если я не видела...

— Чего? — подхватил Фредерик. — Скажи нам, милая, что именно ты видела?

— Да неужели, маркиз, — воскликнул Манфред, — вы станете терпеть бред этой глупой служанки, наслушавшейся историй о привидениях и наконец поверившей в них?

— Это не просто вымысел, — заметил Фредерик. — Испуг ее столь непритворен и наложил столь сильную печать на весь ее вид, что он не может быть порожден пустой игрой воображения. Скажи нам, милая девушка, что тебя так потрясло?

— Верно вы говорите, ваша милость, благодарю вас, — произнесла Бьянка. — У меня, я полагаю, сейчас ни кровинки в лице; но ничего, это

пройдет, как только я отдышусь. Я шла к госпоже Изабелле по приказу его светлости...

— Нам не нужны подробности, — перебил ее Манфред. — Поскольку его сиятельству угодно тебя слушать — рассказывай, но покороче.

— О боже! Вы смутили меня, ваша светлость, и я совсем сбилась с толку, — молвила Бьянка. — Я боюсь теперь собственной тени... Право же, я никогда в жизни... Да, так, значит, как я уже сказала вашей милости, я шла к госпоже Изабелле, в ее голубую светелку наверху, — чтобы попасть туда, надо пройти два лестничных пролета, а потом повернуть направо; ну и когда я подошла к главной лестнице — я как раз смотрела на вот этот подарок его светлости...

— О господи, никакого терпения не хватит с нею! — вскричал Манфред. — Дойдет ли она когда-нибудь до сути? Ну к чему маркизу знать, что я подарил тебе безделку за усердную службу при моей дочери? Расскажи, что ты видела, и только.

— Я это и собиралась сделать сейчас, если бы ваша светлость мне позволили, — продолжала Бьянка. — Так вот, я, значит, потеряла кольцо и хорошо помню, что не успела подняться и на третью ступеньку, как вдруг слышу — лязгают доспехи; ей-богу, это был точно такой лязг, какой услышал Диего в горнице на галерее, когда великан стал поворачиваться.

— Что она имеет в виду? — спросил Манфреда маркиз. — В вашем замке водятся великаны и домовые?

— Господи боже, да неужто вы, ваша милость, не слыхали о великане, который объявился в горнице на галерее? — вскричала Бьянка. — Я поражаясь, как это его светлость князь не сказали вам...

может быть, вы не знаете о том, что было пророчество...

— Эта болтовня о всяких пустяках непереносима, — прервал ее Манфред. — Мне думается, маркиз, пора отослать прочь эту дуру; нас ждут дела куда важнее.

— Прошу извинить меня, — сказал Фредерик, — но это отнюдь не пустяки: огромный меч, к которому я был приведен в лесу, и вон та каска, под стать чудесному мечу, — разве они — видения, возникшие в мозгу этой бедной девушки?

— Вот и Жак думает так же, осмелюсь доложить вашей милости, — молвила Бьянка. — Он говорит, что еще не успеет старый месяц на небе смениться новым, как мы будем свидетелями необычайных перемен. Что до меня, то я не удивлюсь, ежели они произойдут даже завтра, потому что, как я уже говорила, когда я услышала лязг доспехов, меня прошиб холодный пот, — я подняла глаза и — поверите ли, ваша милость? — увидела на самом верху перил главной лестницы руку в железной перчатке — такую большую, такую большую, — я подумала, что тут же на месте упаду в обморок, и как припустилась бежать, так и не оглянувшись, пока не прибежала сюда, — а лучше было бы мне совсем убраться из замка! Моя госпожа Матильда говорила мне не далее как вчера утром, что ее светлости княгине Ипполите известно нечто...

— Ах ты, дерзкая! — вскричал Манфред. — Господин маркиз, я сильно подозреваю, что эта сцена подстроена нарочно, чтобы оскорбить меня. Похоже, что моих слуг наущают за мзду распространять выдумки, наносящие урон моей чести. Отстаивайте ваши притязания с мужественной пря-

мотой и смелостью, или же, как я предложил раньше, давайте похороним нашу распрю, заключив брачные союзы, которые свяжут каждого из нас обоих с дочерью другого; но верьте мне, не подобает столь высокой владетельной особе, как вы, пользоваться услугами подкупленных служанок.

— Я с презрением отвергаю ваши обвинения, — ответил Фредерик. — До настоящей минуты я в глаза не видел этой девицы. И драгоценностей я ей не дарил... Ах, князь, ваша нечистая совесть обличает вашу виновность, а вы пытаетесь бросить подозрение на меня... Оставьте же при себе свою дочь и забудьте об Изабелле: приговор, произнесенный над вашим домом, не позволяет мне породниться с вами.

Встревоженный решительным тоном, каким были произнесены эти слова, Манфред постарался умиротворить Фредерика. Отослав Бьянку, он стал так заискивать перед маркизом и рассыпался в таких похвалах Матильде, что Фредерик снова колебался. Однако, поскольку его страсть к ней не успела еще глубоко укорениться в нем, он не мог сразу преодолеть зародившиеся у него сомнения. Того, что он смог извлечь из речей Бьянки, было достаточно, чтобы убедить его во враждебности Небес к Манфреду. Предполагаемые браки слишком далеко отодвигали удовлетворение его притязаний, а княжество Отранто представляло собой слишком сильный соблазн, чтобы он мог удовольствоваться одной надеждой заполучить его обратно вместе с Матильдой в том случае, если оно достанется ей в наследство. Все же он не хотел окончательно расстроить сговор и, рассчитывая выиграть время, спросил Манфреда, правда ли, что Ипполита согласилась на развод. Крайне

досадуя на это единственное, все еще не устраненное им препятствие и полагаясь на свою власть над женой, князь заверил Фредерика, что это действительно так и что он может получить подтверждение из ее собственных уст.

Вошедший во время их разговора слуга доложил, что все готово для пиршества. Манфред пригласил Фредерика пройти в главную залу, где их встретили Ипполита и девушки. Маркиза Манфред усадил рядом с Матильдой, а сам сел между своей женой и Изабеллой. Ипполита держала себя с достойной непринужденностью, но обе девушки были молчаливы и грустны. Решив во что бы то ни стало в тот же вечер довести дело с маркизом до конца, Манфред затянул пиршество допоздна; при этом он изображал беззаботное веселье и усердно потчевал гостя вином, вновь и вновь поднося ему полный кубок. Однако Фредерик был более настороже, нежели того хотелось бы Манфреду, и отклонял слишком частые приглашения к возлиянию под предлогом перенесенной им недавно большой потери крови; князь же, напротив, чтобы поднять свой упавший дух и казаться беспечным, поглощал вино в изобилии, кубок за кубком — хотя и не до помрачения чувств.

На дворе была уже ночь, когда участники пиршества встали наконец из-за стола. Манфред хотел было снова уединиться с Фредериком, но тот, сославшись на свою слабость и потребность в отдыхе, удалился к себе, на прощание учтиво сказав князю, что поручает своей дочери занимать его светлость, покуда сам он не сможет снова составить ему общество. Манфред охотно принял это предложение и, к немалой досаде Изабеллы, взялся проводить ее до самой светлицы. Матильда оста-

лась при матери, которая пожелала выйти на крепостной вал замка, чтобы освежиться ночной прохладой.

Вскоре после того, как все разошлись в разные стороны, Фредерик, покинув свою горницу, спросил встреченную им служанку Ипполиты, одна ли у себя княгиня. Служанка, не заметив, что Ипполита вышла, ответила, что в этот час княгиня обычно удаляется в свою молельню и что там, по-видимому, маркиз и сможет ее найти. Во время трапезы Фредерик не сводил глаз с Матильды, чувствуя к ней большое влечение. Теперь ему хотелось убедиться, что Ипполита расположена поступить именно так, как было обещано ее супругом. Находясь во власти своих желаний, маркиз забыл о недавно встревоживших его знамениях. Он тихонько прокрался к покоям Ипполиты и, никем не замеченный, вошел внутрь с намерением укрепить княгиню в ее решении согласиться на развод, ибо чувствовал, что Манфред ни в коем случае не отдаст ему Матильду до тех пор, пока сам не завладеет Изабеллой.

Его не удивила царившая в покоях княгини тишина. Предполагая, что Ипполита, как ему и сказали, находится в молельне, он прошел дальше. Дверь в молельню была полуоткрыта, но мрак безлунной ночи не позволял что-либо разглядеть внутри. Осторожно отворив дверь настежь, он различил у алтаря коленопреклоненную человеческую фигуру. Приблизившись, он увидел перед собой не женщину, а обращенного к нему спиной неизвестного в длинной власянице. Незнакомец был, по-видимому, погружен в молитву. Маркиз хотел уже было удалиться, как вдруг фигура поднялась и постояла несколько минут, словно в раздумье,

не глядя на него. Ожидая, что этот набожный человек двинется ему навстречу, и желая извиниться за свое грубое вторжение, Фредерик обратился к нему со словами:

— Преподобный отец, я искал госпожу Ипполиту...

— Ипполиту! — повторил глухой голос. — Разве ты прибыл в этот замок для того, чтобы искать Ипполиту? — И тут фигура обернулась, открыв Фредерику обнаженные челюсти и пустые глазницы скелета под капюшоном отшельнической власяницы. Фредерик отпрянул с криком:

— Ангелы Господни, защитите меня!

— Заслужи их защиту! — произнес призрак.

Упав на колени, Фредерик стал молить видение смилостивиться над ним.

— Ты не помнишь меня? — спросил призрак. — Вспомни лес вблизи Яффы!

— Так ты тот самый святой отшельник? — вскричал Фредерик, весь трепеща. — Могу ли я сделать что-нибудь, чтобы ты обрел вечный покой?

— Для того ли ты был освобожден из рабства, — продолжал призрак, — чтобы стремиться к плотским утехам? Ты забыл уже про меч, что был зарыт в земле, и про начертанное на нем повеление?

— Нет, нет, я не забыл, — отвечал Фредерик, — но скажи мне, душа праведника, с чем ты послана ко мне? Что еще должен я сделать?

— Забыть Матильду, — ответило видение и исчезло.

Кровь похолодела в жилах Фредерика. Несколько минут он оставался недвижим. Затем, рухнув ниц перед алтарем, он взмолился ко всем святым о заступничестве, дабы ему было даровано прощение.

После этого порыва поток слез хлынул из его глаз; помимо воли маркиза перед его мысленным взором предстал образ прекрасной Матильды, и Фредерик простерся на каменном полу, раздираемый раскаянием и страстью. Он еще не пришел в себя от потрясения, когда в молельню вошла княгиня Ипполита, одна, со свечою в руке. Увидев человека, лежавшего без движения на полу, она громко закричала, полагая, что он мертв. Этот вопль перепуганной женщины заставил Фредерика очнуться. Он быстро поднялся на ноги, уже не рыдая, но еще с мокрым от слез лицом, и хотел было скрыться с глаз Ипполиты, но она жалобнейшим тоном стала упрашивать его объяснить, почему он в таком смятении и в силу каких необычайных обстоятельств она застала его здесь простертым на земле.

— Ах, достойнейшая госпожа! — произнес подавленный горем маркиз — и остановился.

— Ради всего святого, маркиз, — воскликнула Ипполита, — откройте, в чем причина вашего расстройства? Что означают эти страдальческие стоны, эти тоскливые возгласы, в которых звучало мое имя? Какие горести уготовило еще Небо для несчастной Ипполиты? Но вы молчите? Всеми милосердными ангелами заклинаю вас, благородный рыцарь, — продолжала она, упав к его ногам, — откройте мне, что у вас на сердце! Я вижу — вы сочувствуете мне; вы понимаете, каким мукам подвергаете меня; говорите же, говорите хоть из сострадания! Вы знаете что-нибудь касающееся моей дочери?

— Я не могу говорить! — вскричал Фредерик, вырываясь от нее. — О Матильда!

Он ринулся прочь из покоев княгини и сразу устремился к себе. У двери своей горницы он

столкнулся с Манфредом; взбудораженный вином и любовью, тот явился за Фредериком с намерением предложить ему скоротать часть ночи в пирушке за песнями и музыкой. Оскорбленный этим приглашением, столь неуместным при его состоянии духа, Фредерик резко отстранил Манфреда и, войдя в свою горницу, со злостью захлопнул перед ним дверь, а затем запер ее изнутри.

Манфред, возмущенный непонятным поведением маркиза, удалился с такими чувствами в груди, которые могли толкнуть его на самые дикие и пагубные поступки. Перейдя двор, он встретил того слугу, которого оставил возле монастыря шпионить за Джеромом и Теодором. Этот человек, задыхаясь — оттого, видимо, что он всю дорогу бежал, — доложил своему господину, что Теодор и какая-то дама из замка беседуют сейчас наедине у гробницы Альфонсо в церкви Святого Николая. Слуге удалось выследить Теодора, но ночной мрак помешал ему распознать, кто была дама.

Манфред и так уже был распален всем случившимся; вдобавок Изабелла прогнала его от себя, когда он снова стал слишком неводержанно порявлять свою страсть к ней. Теперь он сразу решил, что высказанное ею беспокойство было вызвано желанием поскорее встретиться с Теодором. Подстегнутый этой догадкой и рассерженный поведением ее отца, он, никого не предупредив, один поспешил в церковь. В мерцающем свете лунного луча, проникавшего сквозь цветные стекла, он бесшумно проскользнул между боковыми приделами и прокрался к гробнице Альфонсо, направляемый услышанным им неясным шепотом тех самых лиц, решил он, коих и думал здесь застать.

Первые же слова, которые он разобрал, были следующие:

— Увы, разве это зависит от меня? Манфред никогда не позволит нам соединиться...

— Никогда! И вот как он предотвратит это! — вскричал тиран и, выхватив свой кинжал, вонзил его из-за плеча говорившей прямо ей в грудь.

— Ах, все кончено, я умираю! — воскликнула Матильда, падая. — Милосердный Боже, прими мою душу!

— Гнусный, бесчеловечный злодей! Чудовище! — возопил Теодор, бросаясь на Манфреда и вырывая у него кинжал.

— Отведи свою нечестивую руку! — крикнула Матильда. — Это мой отец!

Манфред, словно вдруг очнувшись от наваждения, стал бить себя в грудь, рвать на себе волосы, пытался отобрать у Теодора кинжал, чтобы покончить с собой. Теодор был почти в таком же безумном состоянии, как и Манфред, но, подавив порывы своего горя, бросился спасать Матильду. Привлеченные его криками о помощи, сбежались монахи. Одни принялись вместе с Теодором останавливать кровь, которой обливалась умирающая, другие же крепко держали Манфреда, чтобы он в отчаянии не наложил на себя руки.

Кротко покоровшись своей судьбе, Матильда обратила к Теодору взгляд, полный любви и благодарности за его рвение. Но всякий раз, когда ей удавалось, преодолевая слабость, заговорить, она просила тех, кто хлопотал вокруг нее, утешить ее отца. Тем временем в церковь явился и Джером, тоже узнавший об ужасном событии. Во взгляде его, казалось, был укор Теодору, но, обернувшись к Манфреду, он произнес:

— Смотри, тиран: свершилось еще одно из тех страшных бедствий, которым суждено обрушиться на твою нечестивую голову! Кровь Альфонсо вопияла к Небесам об отмщении, и Господь попустил осквернение своего алтаря убийством, дабы ты пролил родную кровь у гробницы этого государя!

— Жестокий! — воскликнула Матильда. — Зачем отягчаешь ты скорбь несчастного отца? Да благословит его Небо и простит ему, как я прощаю. Господин мой, владыка и повелитель над всеми нами, простите ли вы свое дитя? Клянусь, я пришла сюда не для встречи с Теодором. Я увидела его молящимся у этой могилы, к которой матушка послала меня, чтобы я заступилась перед Богом за вас, отец, и за нее... Дорогой отец мой, благословите свою дочь и скажите, что прощаете ее!

— Это я — чудовище, убийца — должен простить тебя? — вскричал Манфред. — Да разве смеют душегубы кого-нибудь прощать? Я принял тебя за Изабеллу, но Господь направил мою преступную руку в сердце моей собственной дочери... О Матильда! Не смею выговорить... Можешь ли ты простить мне мою слепую ярость?

— Могу — и прощаю, пред лицом Господа! — отвечала Матильда. — Но пока еще жизнь теплится во мне, я хочу просить вас... О матушка моя! Что испытает она? Вы утешите ее, отец? Вы ее не покинете? Она ведь любит вас... О, я слабею... Отнесите меня в замок... Проживу ли я еще хоть немного, чтобы она могла закрыть мне глаза?

Теодор и монахи стали горячо уговаривать Матильду согласиться, чтобы ее перенесли в монастырь, но она настаивала на своем желании, и им пришлось, положив умирающую на носилки, на-

правиться с нею в замок. Теодор поддерживал ей голову рукой и, склоняясь в безумной тоске над своей угасавшей любимой, все еще пытался ободрить ее надеждой, что она будет жить. Джером по другую сторону носилок утешал Матильду речами о Провидении Господнем и, держа перед нею распятие, которое она омывала своими невинными слезами, старался облегчить ей переход к жизни вечной. Манфред, погруженный в глубочайшую скорбь, с безнадежным видом брел позади.

Прежде чем они добрались до замка, Ипполита, уже оповещенная об ужасном событии, выбежала встречать свое умирающее дитя; но, когда она увидела печальную процессию, ее охватило такое горе, что силы оставили ее и, как безжизненное тело, она в глубоком обмороке рухнула наземь. Сопровождавшие ее Фредерик и Изабелла были подавлены скорбью почти в равной мере. Только Матильда как будто и не замечала своего состояния: все ее мысли и чувства были отданы горячо любимой матери. Велев опустить носилки, она, как только Ипполита пришла в себя, попросила позвать отца. Он приблизился, но не в силах был вымолвить ни слова. Взяв его руку и руку матери, Матильда соединила их в своей руке, а затем прижала к груди. Манфред не мог вынести этого трогательно-благочестивого поступка. Он бросился на землю, проклиная тот день, когда родился на свет. Изабелла, опасаясь того, что Матильда не сможет выдержать этого взрыва страстей, по собственному почину распорядилась отвести Манфреда в его покои, а Матильду велела уложить в ближайшей горнице. Ипполита, в которой жизни оставалось немногим больше, чем в Матильде, была безразлична ко всему, кроме до-

чери. Но, когда Изабелла в своей нежной заботливости пожелала увести ее на то время, пока лекари не осмотрят рану Матильды, княгиня вскричала:

— Увести меня! Нет, ни за что! В ней была вся моя жизнь, и я хочу умереть вместе с нею.

Услышав голос матери, Матильда подняла веки и взглянула на нее, но тут же опустила их снова. Биение крови все более слабело, рука стала влажной и холодной, и вскоре на спасение несчастной девушки не осталось никакой надежды. Теодор последовал за лекарями в соседнюю горницу и, услышав их приговор, впал в отчаяние, граничившее с полным безумием.

— Если ей не дано жить, — вскричал он, — то хоть в смерти она должна быть моей! Отец! Джером! Вы соедините наши руки? — обратился он к монаху, который, так же как и маркиз, не отходил от лекарей.

— Что за дикое безрассудство? — воскликнул Джером. — Разве сейчас время для бракосочетания?

— Да, именно сейчас! — кричал Теодор. — Увы, другого времени не будет!

— Молодой человек, ты сам не знаешь, что говоришь, — произнес Фредерик. — Ужели в этот роковой час мы должны внимать твоим любовным излияниям? Какие у тебя права на дочь князя?

— Права князя, — ответил Теодор, — суверенного властелина княжества Отранто. Этот почтенный старец, мой родитель, поведал мне, кто я такой.

— Ты бредишь! — воскликнул маркиз. — Здесь нет другого князя Отрантского, кроме меня, поскольку Манфред, совершив убийство — святотатственное убийство, — сделал недействительными свои притязания.

— Господин, — твердо и решительно заговорил Джером, — он говорит правду. В мои намерения не входило так скоро раскрыть эту тайну, но судьба спешит осуществить предначертанное ею. То, что выдал его страстный порыв, подтверждают мои холодно взвешенные слова. Знайте же, маркиз, что когда Альфонсо отплыл в Святую землю...

— Время ли сейчас для разъяснений? — вскричал Теодор. — Отец, идите же, соедините меня с нею; она должна быть моей женой — во всем остальном я буду беспрекословно повиноваться вам. Жизнь моя! Обожаемая Матильда! — воскликнул он, вбежав в покои, где лежала она. — Хочешь ты быть моей женой? Даруешь ли ты своему...

Изабелла знаком остановила его, чувствуя, что конец Матильды близок.

— Что? Она умерла? — закричал Теодор. — Неужели?

От его душераздирающих возгласов к Матильде вернулось сознание. Она открыла глаза и посмотрела вокруг, ища мать.

— Свет очей моих, я здесь, я здесь! — вскричала Ипполита. — Не бойся — я не покину тебя!

— О, как вы добры! — произнесла Матильда. — Но не рыдайте из-за меня, матушка. Я ухожу туда, где нет горестей... Изабелла, ты любила меня, пусть же моя дорогая мать всегда ощущает твою любовь к ней, такую сильную, чтобы она могла заменить ей любовь дочери... Ах, право, я так слаба...

— О, дитя мое, дитя мое! — повторяла Ипполита, рыдая. — Как продлить мне твою жизнь еще хоть немного?

— Это невозможно, — промолвила Матильда, — препоручи меня Господу... Где мой отец? Прости-

те ему, родная моя матушка, простите ему мою смерть — это была ошибка... О, я забыла, моя родная, ведь я дала обет никогда больше не видеть Теодора — может быть, оттого и произошло это несчастье, — но это было не намеренно... Можете ли вы простить меня?

— О, не мучь еще больше мою истерзанную душу! — ответила Ипполита. — Ты никогда ничем не могла обидеть меня... Увы! Она кончается! Помогите, помогите!

— Я хотела бы сказать еще кое-что, но уже не могу... — с трудом произнесла Матильда. — Изабелла... Теодор... ради меня... О! — С этими словами она испустила последний вздох.

Изабелла и служанки силой оторвали Ипполиту от тела Матильды, но Теодор пригрозил смертью всякому, кто попытается его увести от нее. Бесчисленными поцелуями покрывал он ее холодные, как мрамор, руки и произносил все ласковые и горестные слова, какие только могли быть подсказаны отчаяньем погубленной любви.

Изабелла тем временем отвела подавленную горем Ипполиту в ее покои, но посредине двора они встретили Манфреда, который, все более безумев от мучивших его мыслей, почувствовал непреодолимое желание снова увидеть дочь и направился в горницу, где она лежала. Так как луна стояла уже высоко, он по выражению лиц обеих несчастных женщин догадался, что произошло самое страшное, чего можно было ждать.

— Что? Она умерла?! — закричал он в диком смятении — и в этот миг удар грома сотряс замок до самого основания; колыхнулась земля, и слышался оглушительный лязг огромных нечеловеческих доспехов.

Фредерику и Джерому подумалось, что наступает светопреставление. Джером ринулся во двор, увлекая за собой Теодора. В то мгновение, когда Теодор появился во дворе, стены замка за спиной Манфреда рухнули под действием какой-то могучей силы, и среди развалин восстала разросшаяся до исполинских размеров фигура Альфонсо.

— Склонитесь перед Теодором, истинным наследником Альфонсо! — возгласил призрак и, произнеся эти слова, сопровождавшиеся раскатом грома, стал величаво возноситься к небесам; покрывавшие их тучи раздвинулись, и сам святой Николай встретил дух Альфонсо, после чего видения сокрылись от взора смертных, утонув в сиянии славы.

Все, кто видел это, пали ниц, признав в явленном им Божию волю. Первой нарушила молчание Ипполита.

— Господин мой, — сказала она обессилевшему Манфреду, — вот какова тщета человеческого величия. Конрад покинул этот мир! Нет больше Матильды! В лице Теодора зрим мы истинного князя Отрантского. Каким чудом стал он им — мне неведомо, но довольно и того, что мы знаем: судьба наша определена. И что же остается нам, как не посвятить жалкий остаток наших дней молитвам к Небесам, чтобы они впредь отвратили от нас свой гнев? Господь изгоняет нас отсюда — куда же нам бежать, если не в обитель Божию, где мы еще можем найти убежище?

— Безвинная страдальца! Несчастная жертва моих преступлений! — воскликнул Манфред. — Наконец сердце мое открыто для твоих благочестивых увещаний... О, если бы я мог... Но это невозможно... Вы недоумеваете... Так пусть же я сам наконец свершу над собою суд. Я сам должен выставить на по-

зор свою голову — это единственное удовлетворение, которое я могу дать оскорбленным Небесам. Мои деяния навлекли на меня эти кары; пусть хоть исповедь моя искупит... Но чем можно искупить вину узурпатора и убийцы собственной дочери, загубленной им в священном месте! Внимайте же все, и да послужит эта кровавая история предостережением будущим тиранам!

Как вам известно, Альфонсо умер в Святой земле... Тут вы прервете меня; вы скажете, что он умер не своей естественной смертью — и это будет чистая правда, иначе бы Манфреду не пришлось сейчас осушать до самого дна горькую чашу искупления. Рикардо, мой дед, который был мажордомом Альфонсо... я надеялся утаить преступления моего предка — но теперь это бесполезно! Альфонсо умер отравленный. Подложное завещание провозглашало Рикардо его наследником. Преступления Рикардо преследовали его — но ему не пришлось утратить сына и дочь! Я один расплачусь сполна за незаконно захваченные права. Однажды Рикардо был застигнут на море бурей. Мучимый своей виной, он дал обет святому Николаю основать церковь и два монастыря, если он доберется живым до княжества Отранто. Жертва его была принята: святой явился ему во сне и обещал, что его потомки будут править в этом княжестве до тех пор, пока его законный владелец не станет слишком велик, чтобы обитать в замке, и доколе будут существовать потомки Рикардо мужского пола, которым только и может быть предоставлено это право. Увы, увы! Нет уже больше потомков ни мужского, ни женского пола, кто представлял бы этот несчастный род, кроме меня самого. Я все сказал... Ужасные беды, про-

исшедшие в последние три дня, досказывают остальное. Как мог этот молодой человек оказаться наследником Альфонсо, я не знаю и все же не сомневаюсь, что это истина. Ему принадлежат эти владения, я отступаюсь от них... Но я и не подозревал, что у Альфонсо есть наследник... Я не оспариваю Господню волю: в бедности, заполненные молитвами, протекут немногие печальные дни, отделяющие еще Манфреда от часа, когда он будет призван к Рикардо.

— Остальное должен поведать я, — сказал Джером. — Когда Альфонсо отплыл в Святую землю, буря прибила его корабль к берегам Сицилии. Другое судно, на котором находился Рикардо со свитой князя, как вы, должно быть, слышали, *ваша светлость*, было отброшено бурей далеко от первого.

— Это истинная правда, — подтвердил Манфред, — а на титул, которым вы меня величаете, отверженец притязать не вправе... Но это не заслуживает внимания, говорите дальше.

Джером покраснел от допущенной им неловкости, но продолжал:

— Целых три месяца неблагоприятный ветер удерживал Альфонсо в Сицилии. Здесь он полюбил прекрасную деву по имени Виктория. Он был слишком благочестив, чтобы склонять ее к запретным утехам. Они обвенчались. Однако, считая эту любовь несовместимой с данным им обетом сражаться во имя святой цели, он решил скрыть их брак до возвращения из Крестового похода, когда он намеревался увезти Викторию из Сицилии и открыто объявить ее своей законной женой. Он оставил ее в ожидании ребенка. Во время его отсутствия она разрешилась дочерью; но едва успела она в муках родить, как до нее дошло горестное

известие, что Альфонсо умер и что ему наследует Рикардо. Что было делать одинокой, беззащитной женщине? Какой вес имело бы ее свидетельство? Но все же, господин, у меня есть подлинная грамота...

— Она не нужна, — сказал Манфред. — Ужасы последних дней, видение, явившееся нам, — все это подтверждает твои заявления лучше, чем тысяча пергаментов. Смерть Матильды и мое изгнание...

— Успокойтесь, господин мой, — сказала Ипполита, — этот святой человек не хотел напоминать вам о ваших несчастьях.

Джером продолжал:

— Я минуя подробности. Когда дочь Виктории стала взрослой девушкой, она была отдана мне в жены. Виктория умерла, и тайна осталась сокрытой в моей груди. Что произошло впоследствии, вы знаете из рассказа Теодора.

Монах умолк. Все, кто присутствовал при этом, в безутешной тоске побрели в уцелевшую часть замка. Наутро Манфред подписал отречение с ведома и одобрения Ипполиты, и оба они приняли постриг в соседних монастырях. Фредерик предложил руку своей дочери новому князю, и Ипполита, нежно любившая Изабеллу, горячо высказалась за этот брак. Но горе Теодора было слишком свежо, чтобы он мог помыслить о новой любви, и лишь после многих бесед с Изабеллой о его дорогой Матильде он убедился, что не обретет счастья иначе как в обществе той, с которой он всегда сможет предаваться грусти, овладевшей его душой.

КОММЕНТАРИЙ

Биографические и культурно-художественные обстоятельства создания и выхода в свет «Замка Отранто» — первого готического романа в истории европейской литературы — изложены в статье, включенной в настоящее издание. Текст первого и единственного перевода книги на русский язык печатается по изд.: Уолпол Г. Замок Отранто. Казот Ж. Влюбленный дьявол. Бекфорд У. Ватек. Л.: Наука, 1967. С. 5—103. В нижеследующих примечаниях, помимо собственных разысканий составителя, использованы материалы критических изданий романа, подготовленных У. С. Льюисом и Э. Дж. Клери (*Walpole H. The Castle of Otranto: A Gothic Story / Ed. by W. S. Lewis. With a New Introduction and Notes by E. J. Clery. Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 1998*) и Майклом Геймером (*Walpole H. The Castle of Otranto: A Gothic Story / Ed. with an Introduction and Notes by M. Gamer. L.: Penguin Books, 2001*).

С. 42. ...*Vanæ / Fingentur species, tamen ut pes, et caput uni / Reddantur formæ.* — Несмотря на то что эпиграф (появившийся во втором издании романа в 1765 г.) подписан именем римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 до н. э.), на деле Уолпол видоизменяет подлинный текст цитируемых строк из «Науки поэзии» (19—14 до н. э., ст. 7—9). У Горация приводимое место целиком выглядит так: «...*isti tabulæ fore librum / Persimilem, cujus, velut ægri somnia, vanæ / Fingentur species, ut nec pes nec caput uni / Reddatur for-*

тæ» («...точь-в-точь на такую похожа картину / Книга, где образы все бессвязны, как бред у больного, / И от макушки до пят ничто не сливается в цельный / Облик». — ст. 6—9. — *Пер. М. Л. Гаспарова*). Уолпол, как видим, придает сатирическим строкам Горация принципиально иной, апологетический смысл, утверждая, что произведение, открыто нарушающее законы правдоподобия, может обладать образным единством и художественной убедительностью, — и, кроме того, остроумно приспособливает горацианский образ («от макушки до пят») к сюжету собственного романа (ср. образы огромного шлема и гигантской ноги призрака Альфонсо Доброго, появляющихся во владениях Манфреда, князя Отрантского).

С. 43. *...это имело место где-то между 1095-м и 1243 годами, то есть между первым и последним Крестовыми походами...* — Первый Крестовый поход, организованный в 1095 г. по инициативе римского папы Урбана II с целью освобождения Иерусалима и Святой земли от мусульман, состоялся в 1096—1099 гг. Вторая из упомянутых Уолполом дат (1243) ближе всего ко времени начала Седьмого (но отнюдь не последнего) Крестового похода, который имел место в 1248—1254 гг.

...воцарения в Неаполе Арагонской династии... — Неаполитанское королевство находилось под властью королей Арагонской династии с 1442-го по 1516 г. (с двухлетним перерывом в 1501—1503 гг.).

С. 44. *...суеверия... в эту эпоху подвергались чувствительным ударам и со стороны реформаторов.* — Имеются в виду деятели Реформации — идеологического и социально-политического движения в Центральной и Западной Европе XVI в., оппозиционного Римско-католической церкви; виднейший представитель — упоминаемый ниже немецкий богослов Мартин Лютер (1483—1546).

С. 45. *...ужасу так часто противопоставляется страдание, что душу читателя попеременно захватывает то одно, то другое из этих могучих чувств.* —

Обосновывая драматургическую технику построения своего романа, Уолпол прямо ссылается на понятийную пару «ужас vs. сострадание», при помощи которой Аристотель описывал эффект катарсиса в трагедии. Ср. в «Поэтике» (гл. 6): «...трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определенный] объем, <...> [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей» (Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 651).

С. 46. *...за грехи отцов караются их дети, вплоть до третьего и четвертого поколения.* — Библейская аллюзия; ср.: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода» (Ис. 20: 5).

...набожным почитанием святого Николая... интересы монаха... — В открывавшемся этим предисловием первом издании, которое вышло в свет в декабре 1764 г., «Замок Отранто» был представлен читателю как сочинение некоего Онуфрио Муральто, каноника церкви Св. Николая в Отранто, переведенное на английский язык Уильямом Маршалом.

С. 47. *...я... не могу отказаться от мысли, что в основе повести лежат какие-то подлинные происшествия.* — См. статью в наст. изд., с. 21.

Действие несомненно происходит в каком-то действительно существовавшем замке. — См. статью в наст. изд., с. 29–30.

С. 49. *В этом произведении была сделана попытка соединить черты средневекового и современного романов.* — Об эстетической программе романа см. статью в наст. изд., с. 24–26.

С. 52. *...если б из них были изъяты или облечены в высокопарные выражения юмор могильщиков, дурачества Полония и неуклюжие шутки римских граждан?* — Перечисляются стилистические особенности трагедий Шекспира «Гамлет, принц Датский» (ок. 1601, опубли.

1603) и «Юлий Цезарь» (ок. 1599, опубл. 1623), неоднократно критиковавшиеся с точки зрения классических норм «хорошего вкуса» в статьях, очерках и письмах французского философа, общественного деятеля, историка и писателя, одного из крупнейших представителей европейского Просвещения Вольтера (наст. имя Франсуа-Мари Аруэ, 1694—1778), с которым полемизирует здесь Уолпол. Об отношении Вольтера к Шекспиру см. ниже прим. к с. 53.

С. 52. *Разве красноречие Антония и... искусно имитирующая искренность речь Брута не кажутся еще возвышеннее благодаря мастерскому приему автора, позволившего тут же прорываться в репликах их слушателей простой человеческой природе?* — Отсылка к сц. 2 третьего акта «Юлия Цезаря», которую Вольтер критиковал в «Рассуждении о трагедии» (1730) и в «Заметках о „Юлии Цезаре“ Шекспира», входящих в его «Комментарии к Корнелю» (см. ниже). Ср.: «<...> Антоний возбуждает жалость в сердцах тех самых римлян, которым Брут внушил свою суровость и жестокость. Коварной речью Антоний укрощает их гордый дух, а когда видит, что они смягчились, показывает им тело Цезаря и, прибегая к самым патетическим тирадам, подстрекает их к возмущению и мести. Французы, пожалуй, не потерпели бы, чтобы в их театрах выступал хор, состоящий из римских ремесленников и плебеев, чтобы окровавленное тело Цезаря было выставлено на показ народу и чтобы с ораторской трибуны народ подстрекали ко мщению» (Вольтер. Рассуждение о трагедии / Пер. Н. Наумова // Вольтер. Эстетика: Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения. М., 1974. С. 76).

...выдумку того греческого ваятеля, который, желая дать представление об истинных размерах Колосса Родосского, уменьшенного до размеров печатки, изобразил рядом с ним мальчика величиной с большой палец самой статуи. — Колосс Родосский — 37-метровая бронзовая статуя бога солнца Гелеоса, возведенная в 292—280 гг. до н. э. греческим скульптором Харетом над входом

в гавань города-порта Родос на одноименном острове в Эгейском море; в древности считалась одним из «семи чудес света»; уничтожена разрушительным землетрясением ок. 222 г. до н. э. Анекдот, приводимый Уолполом, не прослеживается по историческим источникам и, возможно, является вымыслом писателя.

С. 52. *Нет, говорит Вольтер в своем издании Корнеля, это смешение шутовского и возвышенного нестерпимо.* — В начале 1760-х гг. Вольтер по просьбе внучатой племянницы французского драматурга-классициста Пьера Корнеля (1606—1684) подготовил 12-томное комментированное издание его пьес, опубликованное в 1764 г. Замечание о Шекспире, на которое ссылается Уолпол, содержится в вольтеровском предисловии к трагедии Корнеля «Сид» (1636, опубл. 1637).

«Граф Эссекс» (1678) — трагедия французского драматурга Тома Корнеля (1625—1709), повествующая о заговоре и казни бывшего фаворита английской королевы Елизаветы I Тюдор (1533—1603, годы правления — 1558—1603) Роберта Девере (1567—1601), 2-го графа Эссекса (с 1576 г.); одна из двух пьес Корнеля, традиционно публикуемых в составе собраний драматургии его более именитого старшего брата Пьера.

С. 53. *...приходится разъяснять самому г-ну де Вольтеру, что Роберт Дадли и граф Лейстер — одно и то же лицо!* — Роберт Лейстер (1532—1588), английский государственный деятель, фаворит королевы Елизаветы, получил титул графа Лейстера в 1564 г. Вольтер в предисловии к «Графу Эссексу» Т. Корнеля действительно допустил упомянутую Уолполом оплошность — и признал ее в письме к автору «Замка Отранто» от 15 июля 1768 г.: «Я признаю, что сделал грубую ошибку, упустив из виду, что граф Лейстер вначале звался Дадли, но, если Вам придет фантазия войти в палату пэров и переменить имя, я всегда буду вспоминать человека по имени Уолпол с глубочайшим уважением» (Вольтер. Письма / Пер. Н. Наумова // Вольтер. Эстетика. С. 335).

С. 53. *Я не буду обращаться к его прежним панегирикам нашему могучему поэту, хотя французский критик дважды перевел один и тот же монолог из «Гамлета» — в первый раз немало лет назад ради того, чтобы дать о нем восторженный отзыв, а позднее ради того, чтобы подвергнуть его насмешкам...* — Речь идет о знаменитом монологе «Быть или не быть...» из «Гамлета» (III, 1), который Вольтер переводил на французский язык дважды — в «Философских письмах» (1727—1732, опубл. 1733; письмо 18: О трагедии) и в анонимно опубликованном «Обращении ко всем нациям Европы по поводу суждений одного английского писателя, или Декларации по вопросу о том, принадлежит ли пальма первенства лондонскому или парижскому театру» (1761). Отношение к автору «Гамлета» менялось у Вольтера (одним из первых познакомившего своих соотечественников с шекспировским творчеством) от двойственного, восхищенно-критического (в 1730—1740-е гг.), до откровенно и однозначно враждебного (в 1760—1770-е гг.), вылившись в продолжительный заочный «спор» с английским драматургом. Подробнее об этом см.: *Кагарлицкий Ю. И. Шекспир и Вольтер*. М., 1980.

«*L'Enfant prodigue*» («Блудный сын», 1736, опубл. 1738) — нравоучительная стихотворная комедия Вольтера.

С. 55. *...предисловие, из которого заимствованы вышеприведенные строки, подписано не именем г-на де Вольтера, а именем его издателя; однако кто же усомнится в том, что издатель и автор в данном случае — одно и то же лицо?* — Первую публикацию комедии Вольтера открывало «Предисловие издателя»; написанное, несомненно, не издателем Пьером Про (1683—1768), а самим автором и носящее характер эстетической программы, оно перепечатывается во всех последующих изданиях пьесы.

В своем послании к Маффеи, предпосланном «Меропе», он высказывает сходное суждение... — «Меропа» (1713) — трагедия итальянского драматурга Шипионе

Маффеи (1675—1755), имевшая огромный успех и не сходявшая со сцены на протяжении всего XVIII в. Уолпол упоминает (и ниже цитирует) вольтеровское «Письмо г-ну маркизу Шипионе Маффеи, автору итальянской „Меропы“ и многих других знаменитых сочинений», предвзявшее публикацию одноименной трагедии самого Вольтера на тот же сюжет (1743).

С. 56. *Difficiles nugæ*. — Ставшая крылатым изречением формула из «Эпиграмм» (80—101, кн. II, эпигр. 86, ст. 9) древнеримского поэта Марка Валерия Марциала (ок. 40—101/104), означающая ухищрения в искусстве, которые требуют много труда, но не увеличивают ценности произведения.

С. 57. *De son appartement... de la Reine*. — Цитата из трагедии французского драматурга-классициста Жана Расина (1639—1699) «Береника» (1670, опубл. 1671; I, 1, 7—8); эти строки Вольтер приводит в «Заметках о „Беренике“», входящих в «Комментарии к Корнелю».

...нравоучительный диалог между датским принцем и могильщиком... — Подразумевается диалог из сц. 1 пятого акта «Гамлета».

С. 58. *Леди Мэри Коук* (1726—1811) — дочь герцога Аргайла, эксцентричная дама, известная в придворных кругах, приятельница Уолпола, автор любопытных мемуаров, изданных в 1889—1896 гг. Посвященный ей сонет был опубликован во втором издании романа.

С. 64. *...церкви Святого Николая...* — Согласно правдоподобному предположению М. Геймера, неоднократные упоминания Св. Николая в тексте романа подразумевают не раннехристианского святого Николая (Николая Угодника или Николая Чудотворца, ок. 270 — ок. 345), покровителя мореплавателей, купцов и детей, а Св. Николая I Великого (ум. 867), римского папу в 858—867 гг. В 863 г. папа аннулировал решение двух епископских соборов, позволявшее лотарингскому королю из династии Каролингов Лотарю II (835—869, годы правления — 855—869) вступить в брак со своей любовницей Вальдрадой; ради этого союза монарх в 857 г.

бросил законную жену Теутбергу, обвинив ее в преступной связи с братом. Под угрозой отлучения от Церкви король в 865 г. был вынужден удалить от себя Вальдраду и торжественно помириться с Теутбергой. «Замок Отранто» содержит литературный аналог этой истории — стремление Манфреда развестись с Ипполитой и жениться на Изабелле (см. ниже прим. к с. 111—112), которому настойчиво противится Церковь в лице отца Джерома.

С. 72. *...портрет его деда... явственно вздохнул... покинул раму и, сойдя на пол, с угрюмым и скорбным видом стал перед Манфредом.* — Именно эта сцена дала первым рецензентам «Замка Отранто» повод заподозрить в нём современную мистификацию: в частности, анонимный автор отзыва, помещенного в «Критикл ревью» в январе 1765 г., усомнился в существовании в описываемую эпоху настенных портретов в полный рост (см.: Horace Walpole: The Critical Heritage / Ed. by P. Sabor. L.; N. Y., 1995. P. 69). Сам Уолпол признавался (в письме к Уильяму Коулу от 9 марта 1765 г.), что, сочиняя этот эпизод, держал в уме портрет лорда Фолкленда работы фламандского живописца Пауля ван Сомера (1576—1621), хранившийся в его домашней коллекции в усадьбе Строберри-Хилл.

...призрак... подал Манфреду знак следовать за ним. / — Веди меня! — воскликнул Манфред. — Я пойду за тобой хоть в самую преисподнюю. — Очевидная реминисценция аналогичной ситуации из «Гамлета»; ср.: «Горацио: Он подал знак, чтоб вы с ним удалились, / Как будто хочет что-то сообщить / Вам одному. <...> Гамлет: Все манит он. Дорогу, господа! / Я в духов превращу вас, только троньте! / Прочь, сказано! — Иди. Я за тобой» (I, 4, 39—41, 61—63. — Пер. Б. Пастернака).

С. 86. *...это — великан... я видел его ступню и часть голени...* — Уже английская писательница и поэтесса, знакомая Уолпола Анна Летиция Барболд (1743—1825), предваряя публикацию «Замка Отранто» в подготовленной ею 50-томной книжной серии «Британские рома-

нисты» (1810, т. 22) коротким комплиментарным предисловием, высказала предположение, что сцена с ногой великана подсказана автору аналогичным эпизодом из галантной сказки англо-французского писателя Антуана Гамильтона (1646—1720) «Барашек» (опубл. 1730). См.: Horace Walpole: The Critical Heritage. P. 87—88. Уолпол был большим почитателем таланта этого писателя и в 1772 г. переиздал с собственными пояснениями и комментариями его знаменитый роман «Меюары графа де Грамона» (1703—1704, опубл. 1713).

С. 97. — *Если это страждущие без покаяния души, мы можем облегчить их муки, задав им несколько вопросов.* — Ср. призыв Горацио к призраку в «Гамлете»: «Быть может, надо милость сотворить / Тебе за упокой и нам во благо, / Откройся мне!» (I, 1, 111—113. — Пер. Б. Пастернака).

С. 111—112. *...порой у меня закрадываются сомнения в законности нашего союза: Ипполита — моя родственница в четвертом колене!* — Ни с точки зрения гражданского, ни с точки зрения церковного права родство в четвертом колене не считалось в описываемые времена препятствием для брака; по-видимому, осознавая надуманность своего утверждения, Манфред упоминает далее прежнюю помолвку Ипполиты как дополнительный довод в пользу желаемого развода. При всей своей бездоказательности его заявление, повторенное в гл. 3 уже как не подлежащее сомнению («...мы с ней состоим в таком родстве, при котором брак недопустим»), вводит в повествование мотив инцеста — один из важнейших в последующей готической литературе; ср. также чуть ранее слова отца Джерома о «кровосмесительном умысле» Манфреда в отношении Изабеллы — его нареченной дочери.

С. 112. *Диспенсация* — в католическом каноническом праве принимаемый высшей духовной властью акт, который означает однократную отмену силы закона в отношении конкретного лица; здесь: разрешение брака между родственниками, выданное Церковью.

С. 120. *Дублет* — узкое облегающее кожаное одеяние на льняной подкладке, надевавшееся поверх рубашки под металлические доспехи; вошедший в обиход жителей Западной Европы в XIV—XV вв., этот элемент одежды анахроничен для эпохи, к которой приурочено действие романа.

С. 121. *...от праха, из которого мы вышли и в который должны вернуться.* — Ср.: «...все произошло из праха и все возвратится в прах» (Еккл. 3: 20).

С. 129. *...все мы в этой жизни — только паломники...* — Распространенное религиозное представление о человеческой жизни как странствии, паломничестве на пути к Богу, восходящее к Библии (ср.: Пс. 118: 19; Евр. 11: 13).

С. 130. *...посоветовал принять монашество, приведя в пример благочестивую государыню Саншу Арагонскую.* — Очевидно, речь идет о св. Санше Португальской (ок. 1180—1229), дочери короля Португалии Саншу I (1154—1212, годы правления — 1185—1212) и Дульсы Арагонской (1160—1198). В 1215 г. принцесса Санша основала в Коимбре (Центральная Португалия) цистерианский монастырь Селаш, где позднее приняла постриг и провела остаток жизни; канонизирована в 1705 г.

С. 131. *...кортеж вступил в замок.* — Согласно предположению У. С. Льюиса, детали нижеследующего описания процессии рыцарской свиты Уолпол заимствовал из книг «Знаки отличия, военные и гражданские» (1602) английского художника-портретиста, главного герольдмейстера короля Якова I Стюарта, Уильяма Сегара (1564—1633) и «Круг джентри: историческое и генеалогическое сочинение о гербах и геральдических знаках» (1661) гербописца Сильвана Моргана (1620—1693).

С. 155. *Яффа* — древний город-порт в Палестине, впервые упоминаемый в египетских источниках в середине II тысячелетия до н. э.; с началом эпохи Крестовых походов — опорный пункт крестоносцев и место паломничества христиан. В 1260 г. город подвергся на-

падению монголов, а в 1268 г. захвачен мусульманами-мамлюками во главе с султаном Бейбарсом I, которые в 1345 г. разрушили его до основания из страха перед новым вторжением европейцев; заново отстроен в XVII в., в период владычества в регионе Османской империи. Ныне — часть Тель-Авива.

С. 158. *Манфред... внезапно охваченный беспредельным изумлением и ужасом, вскричал: / — О, кто ты такой? Кто ты, страшный призрак? Неужели настал мой роковой час? <...> Ты ничего не видишь, Ипполита? Значит, это жуткое видение явлено мне одному... —* Очевидная реминисценция сцены из шекспировского «Макбета» (III, 4), в которой заглавному герою во время пира является призрак убитого по его приказу Банко.

С. 161. *Неаполитанское королевство* — государство в Южной Италии, существовавшее с 1282 г. вплоть до образования в 1861 г. единого Итальянского королевства. На протяжении столетий неоднократно объединялось с Сицилией в Королевство Обеих Сицилий, позднее вновь обретая самостоятельность.

С. 176. *...взгляни благоговейно на это изображение... Альфонсо Доброго, государя, наделенного всеми добродетелями, отца своего народа, гордости рода человеческого! —* Ср. обращенные к Гертруде слова Гамлета об отце: «Вот два изображения: вот и вот. / <...> Смотрите, сколько прелести в одном: / Лоб, как у Зевса, кудри Аполлона, / Взгляд Марса, гордый, наводящий страх, / Величие Меркурия, с посланьем / Слетающего наземь с облаков. / Собрание качеств, в каждом из которых / Печать какого-либо божества, / Дающих званье человека» (III, 4, 52, 54—61. — Пер. Б. Пастернака).

С. 176—177. *...внегли ужасному рассказу, который поведает тебе отец. Рассказ этот погасит все чувства в душе твоей и оставит в ней одну лишь священную жажду мщенья. —* Ср. обращенные к Гамлету слова призрака убитого короля: «...я бы мог поведать / Таковую повесть, что малейший звук / Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей...» — и ответную реплику Гамлета:

«Скажи скорей, чтоб я на крыльях быстрых, / Как помысел, как страстные мечтанья, / Помчался к мести» (I, 5, 15—16, 29—31. — *Пер. М. Лозинского*).

С. 177—178. *Господь дает, Господь отнимает. Благословите Его святое имя и смиритесь перед Его решениями.* — Ср.: «... наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1: 21).

С. 182. *...они увядают, как трава, и исчезают, не оставляя после себя следов.* — Ср.: «Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа...» (Ис. 40: 6—7); «Ибо всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек...» (1 Пет. 1: 24—25).

С. 191. *...я подняла глаза и... увидела на самом верху перил главной лестницы руку в железной перчатке...* — О истории возникновения этого образа см. статью в наст. изд., с. 22.

С. 195. — *Ангелы Господни, защитите меня!* — Ср. восклицание Гамлета при первом появлении призрака: «Да охранят нас ангелы Господни!» (I, 4, 20. — *Пер. М. Лозинского*).

С. А. Антонов

СОДЕРЖАНИЕ

Призрак в доспехах, или Взгляд на готические игрушки сквозь готические стекла. <i>С.А. Антонов</i>	5
--	---

ЗАМОК ОТРАНТО

Предисловие к первому изданию	43
Предисловие ко второму изданию	49
Сонет достопочтенной леди Мэри Коук	58
Глава 1	59
Глава 2	92
Глава 3	124
Глава 4	154
Глава 5	183
Комментарий. <i>С.А. Антонов</i>	208

Уолпол Г.

У 63 **Замок Отранто: Роман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 224 с.**

ISBN 978-5-389-01398-8

Роман английского писателя Горация Уолпола «Замок Отранто», впервые опубликованный анонимно в 1764 году, стал первым образцом популярной и поныне готической прозы. Овеянный исторической и географической романтикой сюжет, разыгранный в мрачных декорациях средневекового замка, проклятие, тяготеющее над древним княжеским родом, загадка старинного портрета, классический любовный треугольник, судьбу которого (как и участь правящей династии) вершит неумолимый рок, наконец, сверхъестественные силы, вселяющие своими эффектными появлениями неопишуемый страх в души простых смертных, — всему этому нашлось место на страницах драматичного и увлекательного повествования, открывшего путь позднейшей литературе «тайны и ужаса». Публикация текста книги сопровождается вступительной статьей и комментарием, подготовленными специально для настоящего издания.

**УДК 82/89
ББК 84.4 Вл**

Литературно-художественное издание

ГОРАЦИЙ УОЛПОЛ
ЗАМОК ОТРАНТО

Ответственный редактор Ирина Тарасенко
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Валерий Камендо, Людмила Ни
Верстка Александра Савастени

Руководитель проекта Максим Крютченко

Подписано в печать 15.10.2010. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 9,87. Заказ №3360.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г.Тверь
www.pareto-print.ru

КАКБ565001R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «АЗБУКА-АТТИКУС» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Майкл Ондатже «Английский пациент»

*Майкл Ондатже —
лауреат Букеровской премии
и Премии генерал-губернатора (Канада)!*

«Английский пациент» — тонкая и поэтичная история любви, удивительный бестселлер, покоривший читателей всех континентов и удостоенный как Премии генерал-губернатора (высшая литературная награда Канады), так и самой престижной в англоязычном мире Букеровской премии; по этому знаменитому роману Энтони Мингелла поставил не менее знаменитый кинофильм, получивший девять «Оскаров» (главные роли исполнили Ральф Файнс, Джульетт Бинош, Уиллем Дэфо). Прихотливые дорожки судьбы сводят на заброшенной итальянской вилле под занавес Второй мировой войны четырех человек: перевербованный разведкой благородный вор, разминирующий живописную Тоскану сапер-сикх, юная канадская медсестра и ее подопечный — безымянный и обгоревший до неузнаваемости. Получив страшные ожоги при авиакатастрофе в пустыне Сахара, «английский пациент» воскрешает в памяти свой страстный роман с замужней женщиной, сметенный ураганом войны и геополитическими интригами...

Информацию о приобретении книг по почте
или через Интернет читайте на сайте www.azbooka.ru

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус”»

тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

***Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус” в г. Санкт-Петербурге»***

Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38,

327-04-56, 321-66-58

факс: (812) 321-66-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru;

atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина”»

тел./факс:

(044) 490-99-01

E-mail: sale@machaon.kiev.ua

***Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайтах***

www.azbooka.ru

www.atticus-group.ru

ГОРАЦИЙ
УОЛПОЛ

Замок Отранто

АЗБУКА-КЛАССИКА

«Замок Отранто» (1764) английского писателя Горация Уолпола, впервые опубликованный анонимно в 1764 году, стал отправной точкой в истории готического романа — популярного жанра художественной прозы Нового и Новейшего времени. Овеянный исторической и географической романтикой сюжет, разыгранный в мрачных декорациях средневекового замка, проклятие, тяготеющее над древним княжеским родом, загадка старинного портрета, классический любовный треугольник, судьбу которого (как и участь правящей династии) вершит немолчалимый рок, наконец, сверхъестественные силы, вселяющие своими эффектными появлениями неопишуемый страх в души простых смертных, — все это нашлось место на страницах драматичного и увлекательного повествования, открывшего путь позднейшей литературе «тайны и ужаса».

Я написал свою книгу не для нашего века, который не терпит ничего выходящего за пределы холодного здравого смысла. Но, признаюсь, это единственное из моих произведений, которым доволен я сам; я дал волю своему воображению, и на меня нахлынули порожденные им видения и чувства. Я сочинил эту повесть наперекор всем правилам, критикам и философам — и именно поэтому я ее особенно ценю.

Гораций Уолпол

ISBN 978-5-389-01398-8 01

© iStockphoto.com/windowseat

Гораций
УОЛПОЛ
1717 – 1797

www.azbooka.ru